Пінск... Першамайская... Локун...

Кніга ўспамінаў

Мінск «Белпринт» 2020 УДК 82.09(476.7)(092) Локун ББК 83.3(4Беи-4Бре)6-8 П32

Складальнік

В. А. Гарбачэўская — вядучы бібліёграф інфармацыйна-бібліяграфічнага аддзела Брэсцкай абласной бібліятэкі імя М. Горкага

Рэдактар

Л. К. Кароль — намеснік дырэктара па бібліятэчнай рабоце Брэсцкай абласной бібліятэкі імя М. Горкага

Навуковы рэдактар

А. М. Карлюкевіч — дырэктар – галоўны рэдактар Выдавецкага дома «Звязда»

Пінск... Першамайская... Локун...: кніга ўспамінаў / Брэсц-ПЗ2 кая абласная бібліятэка імя М. Горкага; [складальнік В. А. Гарбачэўская; рэдактар Л. К. Кароль; навуковы рэдактар А. М. Карлюкевіч]. — Мінск: Белпринт, 2020. — 175 с., [12] л. фат.

ISBN 978-985-459-550-4.

Кніга ўспамінаў прысвечана памяці беларускага літаратурнага крытыка і літаратуразнаўцы, кандыдата філалагічных навук, члена Саюза беларускіх пісьменнікаў, старшага навуковага супрацоўніка Інстытута літаратуры імя Янкі Купалы Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (1987–2007) Валянціны Іванаўны Локун (1946–2016). Праз успаміны блізкіх людзей, сяброў, пісьменнікаў, літаратурных крытыкаў, выкладчыкаў Брэсцкага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна раскрываецца непаўторная асоба чалавека вялікай мужнасці, высокага сумлення і выключнай чалавечай абаяльнасці.

Кніга адрасавана шырокаму колу чытачоў, усім, хто цікавіцца гісторыяй беларускай літаратуры.

УДК 82.09(476.7)(092) Локун ББК 83.3(4Беи-4Бре)6-8

ISBN 978-985-459-550-4

- © Установа культуры «Брэсцкая абласная бібліятэка імя М. Горкага», 2020
- © Афармленне. ТАА «Белпринт», 2020

Так, ня з пылу выходзіць гора, і не зь зямлі вырастае бяда; а чалавек нараджаецца на пакуту, як іскры, каб імкнуцца ўгору.

Ëÿ, 5

Ад складальніка

Гэтую кнігу склалі ўспаміны тых, хто блізка ведаў беларускага літаратурнага крытыка і літаратуразнаўцу, кандыдата філалагічных навук, члена Саюза беларускіх пісьменнікаў, старшага навуковага супрацоўніка Інстытута літаратуры імя Янкі Купалы Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі Валянціну Іванаўну Локун (1946–2016).

Гэтага сумленнага, грунтоўнага і працавітага даследчыка сучаснага літаратурнага працэсу ў Беларусі добра ведалі чытачы газеты «Літаратура і мастацтва», часопісаў «Полымя», «Маладосць», «Роднае слова» і «Нёман» на працягу многіх дзесяцігоддзяў, літаратары Пінска, Брэсцкай вобласці і ўсёй Беларусі.

16 чэрвеня 2016 г. не стала гэтага выключнай абаяльнасці чалавека, сястры, сяброўкі, настаўніка, дарадцы, мужнай і прыгожай жанчыны. Валянціна Іванаўна паспела зрабіць неймаверна шмат у літаратурнай крытыцы, беларускім літаратуразнаўстве, аб чым сведчыць поўная бібліяграфія яе твораў у канцы зборніка.

Сярод аўтараў зборніка людзі розных прафесій з розных гарадоў — яе блізкія сяброўкі, пісьменнікі і журналісты, выкладчыкі, калегі, бібліятэкары. Усе яны аб'яднаны любоўю да кнігі, да літаратуры. Сваімі ўспамінамі з чытачамі дзеляцца: краязнавец, літаратуразнавец, журналіст **Алесь Карлюкевіч**; намеснік старшыні Беларускага грамадскага аб'яднання экскурсаводаў і гідаў-перакладчыкаў, экскурсавод года Беларусі-2018, былая супрацоўніца Палескага дзяржаўнага ўніверсітэта (2009—2016) **Таццяна Аркадзьеўна Хвагіна**; доктар філалагічных навук, прафесар кафедры беларускай філалогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна **Зоя Пятроўна Мельнікава**; кандыдат філалагічных навук, прафесар кафедры лінгвадыдактыкі Брэсцкага дзяр-

жаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна Валянціна Фёдараўна Сацінава; пісьменнік, старшыня Мінскага гарадскога аддзялення Саюза пісьменнікаў Беларусі, лаўрэат Нацыянальнай літаратурнай прэміі Беларусі Міхась Пазнякоў; знакамітая беларуская журналістка, лаўрэат прэміі Ленінскага камсамола Беларусі, галоўны рэдактар часопіса «Нёман» (2002–2007) **Ніна Цімафееўна** Чайка; урач вышэйшай катэгорыі з Ізраіля Елізавета Сямёнаўна Голад; аднакласніца, філолаг Ганна Мікалаеўна Бажко (Вайшэвіч); пінскі пісьменнік і паэт, сябра сям'і Локун Мікалай Аляксандравіч Лаўровіч; беларуская пісьменніца, празаік, журналіст, літаратурны крытык з г. Гродна Ірына Сяргееўна Шатыронак; брат і руплівы памочнік ва ўсіх жыццёвых справах Валянціны Іванаўны Васіль Іванавіч Локун; бібліёграф Брэсцкай абласной бібліятэкі імя М. Горкага Валянціна Адамаўна Гарбачэўская; пісьменніца і журналіст, член Саюза пісьменнікаў Беларусі Марыя Іванаўна Ляшук; былая выкладчыца замежнай мовы з Пінска Жанета Анатольеўна Гук; сяброўка, былая загадчыца магазіна № 29 «Тавары для жанчын» **Вера Аляксееўна Лукашэвіч**; загадчыца бібліятэкі-філіяла № 7 Пінскай гарадской цэнтралізаванай бібліятэчнай сістэмы Ларыса Васільеўна Гарагляд; паэтка з Пінска Галіна Іосіфаўна Лазіцкая; паэт, перакладчык, публіцыст, член Саюза пісьменнікаў Беларусі з Пінска Валерый Фёдаравіч Грышкавец; былы старшыня Брэсцкага абласнога аддзялення Саюза пісьменнікаў Беларусі Анатоль Мікалаевіч Крэйдзіч; беларускі літаратуразнавец, кандыдат філалагічных навук Алеся Іванаўна Шамякіна.

У дадатку да зборніка змешчаны таксама ўспаміны Валянціны Іванаўны пра знакамітага пінскага журналіста Сямёна Фёдаравіча Шапіру, юбілейны партрэт Таццяны Аркадзьеўны Хвагінай, нарыс аб жыцці і творчасці Валянціны Міхайлаўны Коўтун і ўспаміны пра сябра і настаўніка Віктара Антонавіча Каваленку.

Валянціна Іванаўна здолела вылучыць са свайго асяроддзя яркіх, таленавітых, высокаадукаваных прадстаўнікоў і засталася ў памяці ўсіх гэтых людзей носьбітам ідэалаў дабрыні, любові, сумлення і годнасці. Запатрабаванасць Валянціны Іванаўны як літаратурнага крытыка ніколі ні ў кога не выклікала сумнення, аб

гэтым сведчаць шматлікія падкрэсліванні яе тэкстаў. Сёння яе кнігі — бібліяграфічная рэдкасць, а старонкі часопісаў з яе артыкуламі ў бібліятэках па некалькі разоў адноўленыя на ксераксе. Вырасла ўжо не адно новае пакаленне і літаратурных крытыкаў, і чытачоў, але і зараз, хто б ні разгарнуў кнігу альбо часопіс з артыкуламі Валянціны Іванаўны, знойдзе ў іх нешта такое, што не пакіне яго абыякавым. Сваім выпакутаваным жыццём, настойлівай і сумленнай працай у беларускім літаратуразнаўстве Валянціна Іванаўна Локун заслугоўвае таго, каб на доме па вуліцы Першамайскай, дзе яна пражыла амаль сорак гадоў, з'явілася мемарыяльная дошка, а адна з вуліц прыгожага і любімага ёй горада Пінска насіла яе імя.

Валянціна Адамаўна Гарбачэўская

Ад рэдактара

Летам 2019 г. у мінскім выдавецтве «Транстэхніка» накладам у 50 экзэмпляраў пабачыў свет біябібліяграфічны паказальнік «Валянціна Іванаўна Локун», падрыхтаваны Брэсцкай абласной бібліятэкай імя М. Горкага.

У артыкуле пісьменніка і публіцыста, на той час міністра інфармацыі Рэспублікі Беларусь А. М. Карлюкевіча «Валянціна Локун: паказальнік зробленага» (ЛіМ. 2019. З мая), які прыводзім цалкам, паказальнік атрымаў высокую адзнаку: «Брэсцкая абласная бібліятэка імя М. Горкага падрыхтавала да выдання біябібліяграфічны паказальнік, прысвечаны творчасці літаратурнага крытыка Валянціны Іванаўны Локун (1946–2016). Гэтага дзейснага, працавітага даследчыка сучаснага літаратурнага працэсу ў Беларусі добра ведалі чытачы «Літаратуры і мастацтва», часопісаў «Полымя», «Роднае слова» і «Нёман» на працягу многіх дзесяцігоддзяў. Пачаўшы выступаць у друку ў 1973 годзе, калі ёй было ўжо амаль трыццаць гадоў, Валянціна Іванаўна паспела зрабіць неймаверна шмат у літаратурнай крытыцы, беларускім літаратуразнаўстве. Абараніла кандыдацкую дысертацыю «Праблемы стылю беларускай ваеннай прозы (на матэрыяле творчасці В. Быкава, Б. Сачанкі, І. Чыгрынава)». У 1998 годзе была прынята ў Саюз беларускіх пісьменнікаў (з 2006 — член Саюза пісьменнікаў Беларусі).

Зусім не выпадковым падаецца тое, што першыя артыкулы В. Локун былі прысвечаны людзям з няпростай біяграфіяй у частцы драматычных выпрабаванняў — Юліусу Фучыку, Мікалаю Астроўскаму, Уладзіславу Цітову. Сапраўды трывалае плячо пачынаючаму крытыку ў свой час падставіла мясцовая газета «Полесская правда». З канца 1970-х гадоў В. Локун друкуецца з рэцэнзіямі і артыкуламі ў «Літаратуры і мастацтве», «Нёмане», «Полымі». Паказальнік, дбайна ўкладзены супрацоўніцай Брэсцкай абласной бібліятэкі імя М. Горкага В. Гарбачэўскай, уражвае сваёй грунтоўнасцю. Выданне — красамоўны расповед пра зробленае, здзейсненае Валянцінай Іванаўнай Локун. Чалавек ціхі, някідкі

трываласцю свайго лёсу, памкненнямі змагання за жыццё (з юных гадоў яна хварэла міяпатыяй, якая паступова давяла да атрафіравання мышцаў), сумленнай працай у беларускім літаратуразнаўстве заслугоўвае таго, каб адна з вуліц прыгожага і любімага ёй Пінска насіла яе імя. А паказальніку як пажаданне ў дарогу — хутчэй пабачыць свет, хутчэй знайсці свайго чытача».

Разам з благаславеннем ад Алеся Мікалаевіча, які з'яўляўся навуковым рэдактарам паказальніка, мы атрымалі яшчэ і прапанову выдаць кнігу ўспамінаў пра Валянціну Іванаўну. Вялікімі намаганнямі складальніка кнігі В. А. Гарбачэўскай былі сабраны матэрыялы і адабраны для публікацыі фотаздымкі з сямейнага архіва В. Локун. Спадзяёмся, што кніга ўспамінаў абавязкова будзе выдадзена і знойдзе свайго чытача, а пінчукі розных пакаленняў будуць ганарыцца, што менавіта ў іх горадзе жыла гэта мужная, таленавітая і працавітая жанчына.

Людміла Канстанцінаўна Кароль

Алесь Мікалаевіч Карлюкевіч

Пяць папяровых лістоў: Валянціна Локун— шчырая працаўніца літаратурнай крытыкі

Валянціна Іванаўна — з кагорты спакойных і сціплых людзей, якія ўмеюць радавацца чужым здабыткам, чужым поспехам, бачаць у асобе таго ці іншага пісьменніка, калегі добрае і светлае. Як мне падаецца, для літаратурных крытыкаў гэтая рыса носіць надзвычайную каштоўнасць. Гэта мне асабліва імпаніравала ў Валянціне Іванаўне. Перачытваючы лісты Валянціны Іванаўны, згадваеш ужо не аднойчы выказанае пра тое, што калі і крытыкуеш, калі бачыш заганы, то пастарайся сканцэнтравацца над тым, а як палепшыць, як выправіць... Галоўнае ж — не цвік забіць, не раструшчыць і знішчыць кагосьці, а галоўнае — і пісьменніка, і чытача падвесці да думкі, што павінна быць у літаратуры, а ад чаго трэба пазбаўляцца, да чаго нельга апускацца...

У 1995 годзе ў мінскім выдавецтве «Навука і тэхніка» (цяпер выдавецтва носіць іншую назву — «Беларуская навука») пабачыла свет невялікая кніга Валянціны Локун «Маральна-філасофскія пошукі беларускай ваеннай і гістарычнай прозы». У анатацыі можна было прачытаць: «Даследуецца змест беларускай прозы на тэму вайны і гістарычнага мінулага беларускага народа (У. Караткевіч) у пошукавым маральна-філасофскім аспекце. Разглядаюцца творы Я. Брыля, В. Быкава, А. Адамовіча, І. Навуменкі, І. Шамякіна, І. Чыгрынава і іншых пісьменнікаў у суаднясенні з развіццём эстэтычнай думкі ў рускай савецкай прозе.

Разлічана як на літаратуразнаўцаў, так і чытачоў, якія цікавяцца праблемамі сучаснай беларускай літаратуры».

У той час я нічога не чуў пра Валянціну Іванаўну Локун. Не ведаў, што жыве яна ў Пінску. Тады не было яшчэ Інтэрнэта, не было Вікіпедыі... Гэта зараз можна зазірнуць у сеціва і прачытаць пра тое, што цябе цікавіць...

У той даўняй маёй рэцэнзіі 1996 года «Маральны выбар» на зборнік «Маральна-філасофскія пошукі беларускай ваеннай і гістарычнай прозы» я напісаў некалькі невялікіх заўваг пасля знаёмства з манаграфіяй: «Караткевіч усё ж такі рамантык. Рамантык у адлюстраванні мінуўшчыны, рамантык у спраўджванні маральнасці. Ці да такой ступені рамантычнае і ідэалістычнае наша жыццё? У тым ліку — жыццё народа ў мінулым? Думаецца, пры аналізе твораў У. Караткевіча трэба больш аб'ектыўна ставіцца да абуджанай мастаком сівой мінуўшчыны. Аднак высноваў, накшталт наступнай, зробленых В. Локун, для сапраўднага аналізу творчасці нашага класіка недастаткова: "Праз мастацтва адбываецца ў чалавека і далучанасць да магутнай энергіі продкаў. Бо яно ўпітвае ў сябе геній усяго чалавецтва і гэтым аказвае ачышчальны ўплыў на душы пакалення". Гэта ўсяго толькі агульная схема.

Як і ў першых двух раздзелах, так і ў трэцім аўтар даследавання закранае праблему эстэтычнага вымярэння маральна-філасофскіх пошукаў літаратуры. Таму, пэўна, у высновах літаратуразнаўцы і пераважае клопат пра прыгожае. Але ці дрэнна гэта? Галоўнае — у эстэтычным пошуку не згубіць адчуванне "зямлі пад нагамі"».

Так, тады ў сярэдзіне 1990-х я нічога не ведаў пра тое, што ў беларускім літаратуразнаўстве, літаратурна-мастацкай крытыцы працуе зусім абезрухоўлены чалавек, жанчына, якая зусім не выходзіць з дому.

Прайшоў некаторы час. У 2007 годзе «каманда» рэдакцыі часопіса «Нёман» прыехала на сустрэчу з чытачамі ў Пінск. Усім вядома, што горад над Пінай — не шэраговы раённы цэнтр... І ў тую паездку мы шмат чаго цікавага ў Пінску адкрылі. Асабіста я ўзбагаціўся новымі знаёмствамі. І быў вельмі ўсцешаны размовамі з паэтамі, празаікамі, якія стала жывуць у Пінску. Мне падалося, што менавіта ў гэтым правінцыйным гарадку склалася сапраўднае культурнае, асветніцкае «гняздо». Менавіта тады ўсёй грамадой мы наведаліся і да Валянціны Іванаўны Локун. Вуліца Першамайская, дом 136, кватэра 6...

Жыла яна на той час з братам, таксама інвалідам. Сутнасць іх невылечнай хваробы міапатыі была ў тым, што паступова атрафіраваліся мышцы. З 1991 года ён таксама перастаў хадзіць, але

наколькі яму дазваляла здароўе, ва усім дапамагаў сястры. Даглядалі іх абодвух старэнькая маці ды яшчэ замацаваны за сям'ёю двух інвалідаў сацыяльны работнік.

Цяжка пераказаць тагачаснае ўяўленне пра Валянціну Іванаўну. Усё адно як перад табой сядзела кволае дзіця, захутанае ў нейкую вопратку, накрытае пледам. Не памятаю тых некалькіх гадзін размовы. Мусіць, мы гаварылі пра магчымае асобнае выданне яе манаграфіі пра творчасць народнага пісьменніка Беларусі Васіля Быкава. Цікавілі мяне і іншыя творчыя планы Валянціны Іванаўны. Хаця пра ўсё пытаўся я вельмі асцярожна, баючыся праявіць адсутнасць такту.

А з тае сустрэчы мы пачалі даволі актыўна кантактаваць, перазвоньвацца. Пазней ліставаліся і праз электронную пошту. А з папяровай пошты ў мяне захавалася пяць лістоў літаратуразнаўцы з Пінска.

Ліст ад 11 лістапада 2007 года:

«Шаноўны Алесь Мікалаевіч! Дасылаю Вам рэцэнзію на М. Южыка. Раман нядрэнны, але над характарам галоўнага героя я б яшчэ папрацавала, рыхтуючы кнігу да друку. Алесь Мікалаевіч, а якое рашэнне Вы прынялі наконт майго Быкава? Ці ёсць надзея на перавыданне? Адначасова з рэцэнзіяй на М. Южыка скончыла і артыкул "Проза Уладзіміра Гніламёдава". Дамовілася з М. Мятліцкім, ён абяцаў гэты артыкул надрукаваць у "Полымі". А ў лютаўскі нумар яны даюць мой матэрыял пра раман В. Коўтун "Пакліканыя".

Зараз чытаю манаграфію І. С. Скарапанавай "Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык". Ну, скажу я Вам, і эквілібрыстыка...

Думаю пра В. А. Каваленку — пачуццяў шмат, а слоў пакуль няма. Не магу вызначыцца з мовай. Напэўна, лепш усё ж такі на беларускай. Няхай сабе і постфактум, але віншую Вас з узнагародай — Граматай ад Пінскага гарвыканкама. Вельмі рада і за Вас, што Вы прычыніліся да нашага свята, і за нашыя ўлады, якія адпаведна ўсё гэта ацанілі.

Вось, здаецца, і ўсё. Дзякуй вялікі за турботы. Калі што якое — пішыце, або званіце...

Усяго Вам найлепшага! Валянціна Локун. 11.11.2007 г.

P. S. Рэцэнзію мы запісалі і на дыск, я Вам яго таксама высылаю.

3 надыходзячым Новым годам Bac! (Подпіс)».

Рэцэнзія на кнігу Валянціны Коўтун «Пакліканыя» пад назвай «Пакліканыя і абраныя. Узыходжанне пісьменніцы» выйшла ў часопісе «Полымя» — у другім нумары за 2008 год. А вось артыкул «Проза Уладзіміра Гніламёдава» — толькі ў другім нумары за 2009 год.

Наступны ліст — ад 29 чэрвеня 2009 года:

«Паважаны Аляксандр Мікалаевіч! Атрымала Ваша пісьмо. Дзякуй вялікі за тыя словы падтрымкі, што Вы мне напісалі. Я разумею, сітуацыя цяпер склалася вельмі неспрыяльная, каб выдаваць кніжкі, — але яна менавіта такая (падкрэслена Валянцінай Іванаўнай. — А. К.) ужо не адно дзесяцігоддзе. Аб дзяржаўнай падтрымцы мы, здаецца, яшчэ доўга будзем марыць. Ну, але як будзе — так і будзе.

Мы тут з Марыяй Іванаўнай таксама зрабілі адзін "захад", калі ў нас нешта атрымаецца, я Вам абавязкова паведамлю.

Цяпер адносна маёй аўтабіяграфіі. Аляксандр Мікалаевіч, я яе напісала і адправіла Вам па электроннай пошце яшчэ недзе на пачатку чэрвеня (падкрэслена Валянцінай Іванаўнай. — А. К.). Пасля званіла ў прыёмную, мне паведамілі, што яе адразу перадалі Мінзеру (здаецца, такое прозвішча я пачула). Так што мая аўтабіяграфія даўно ў Вас. Праўда, не ведаю, як яе ўспрыме чытач, бо я ўсё ж больш навуковец, чым пісьменнік. Пісаць "прыгожа" ў мяне не вельмі атрымліваецца. Няма пакуль фотакартачкі. Трэба неяк адважыцца і зрабіць яе.

Вось і ўсё. Дзякуй за пісьмо. З павагай да Вас Валянціна Локун. 29.06.2009».

З асобным выданнем манаграфіі пра В. Быкава ўсё ніяк не атрымлівалася. Праўда, пазней у скарочаным выглядзе тэкст працы В. Локун увойдзе ў зборнік «Васіль Быкаў: вядомы і невядомы», які пабачыць свет у 2011 годзе ў выдавецтве «Літаратура

і Мастацтва». У адзін зборнік з успамінамі Анатоля Сульянава, які па-сапраўднаму сябраваў з Васілём Уладзіміравічам.

Што да Марыі Іванаўны, то літаратуразнаўца мела на ўвазе Марыю Ляшук — галоўнага рэдактара пінскай гарадской газеты «Пінскі веснік». Яна (сама — таленавітая журналістка, член Саюза пісьменнікаў Беларусі) якраз і была з тае кагорты пінчукоў, хто заўсёды адгукаўся на просьбы Валянціны Іванаўны, хто не мінаў яе кватэры ў рознае надвор'е, пры розных трывогах і клопатах. Зараз вось нават і падумалася: а чаму б людзям (у першую чаргу — журналістам, літаратарам), якія добра ведалі Валянціну Іванаўну, не скласці кнігу ўспамінаў пра літаратуразнаўцу?!.

Аўтабіяграфію ж сваю Валянціна Локун, відаць, пісала па майму запыту. У рэдакцыйна-выдавецкай установе «Літаратура і Мастацтва» толькі што пабачыў свет укладзены Мікалаем Несцеравічам Мінзерам зборнік аўтабіяграфій «З росных сцяжын». Ён узнік з выдавецкай ініцыятывы прадоўжыць колішнюю выдавецкую традыцыю, калі літаральна адзін за другім былі выдадзены тры зборнікі аўтабіяграфій літаратараў — «Пяцьдзесят чатыры дарогі», «Пра час і пра сябе», «Вытокі песні».

Кніга «З росных сцяжын», якая працягнула «праект» амаль праз чатыры дзесяцігоддзі, выклікала шырокі розгалас. Былі рэцэнзіі. І ў выдавецтва, і ў Мікалая Мінзера як укладальніка было жаданне прадоўжыць своеасаблівую серыю. Так мы пачалі збіраць пятую кнігу аўтабіяграфій беларускіх пісьменнікаў і таксама выдаць, але не атрымалася. А кніга сабраная... Рукапіс яе ёсць, ляжыць, на вялікі жаль, без руху.

3 ліста Валянціны Іванаўны Локун ад 24 жніўня 2009 года: «Шаноўны Аляксандр Мікалаевіч!

Атрымала ад Вас ліст, карэктуру крышку раней, а вось сёння трымаю ў руках і "Полымя". Артыкул мой прадстаўлены вельмі і вельмі дастойна.

Дзякуй Вам вялікі! За ўсё! За тое, што парупіліся, <u>знайшлі час</u> (падкрэслена Валянцінай Іванаўнай. — А. К.) і даслалі карэктуру, за высокую ацэнку маёй працы і ўвогуле за падтрымку.

Згодна з Вамі: калі б ВАК падтрымаў Вашу ініцыятыву і "Полымя" набыло новы статус, — гэта толькі б садзейнічала папу-

лярызацыі часопіса. Там можна знайсці досыць сур'ёзныя артыкулы, а калі крышачку ўзмацніць патрабаванні да аўтараў, дык усё будзе як трэба. "Акадэмізм" часопіса вядомы даўно. Навуковы ўзровень высокі. Будзем спадзявацца...

Дай Вам Бог здароўя, Аляксандр Мікалаевіч, усяго Вам самага найлепшага! А крыўдаваць я на Вас не магу, Вы робіце, што можаце, што ў Вашых сілах.

3 павагай і ўдзячнасцю Валянціна Локун».

«Полымя», на шчасце, стаў ВАКаўскім часопісам. Дзякуючы найперш руплівасці галоўнага рэдактара «Полымя» Міколы Міхайлавіча Мятліцкага. Ён і з літаратуразнаўцамі сяброўства ладзіў, і шмат што зрабіў для пашырэння сувязяў выдання з Нацыянальнай акадэміяй навук Беларусі. У «Полымі» з нарысамі, артыкуламі выступалі не толькі вучоныя-літаратуразнаўцы, але і гісторыкі, эканамісты.

У «Літаратуры і Мастацтве», дзякуючы і добрым сувязям з брэсцкімі бібліятэкарамі, найперш — з работнікамі Брэсцкай абласной бібліятэкі імя М. Горкага, з тагачасным кіраўніцтвам кніжнай скарбніцы — дырэктарам Тамарай Паўлаўнай Данілюк і яе намеснікам Алай Міхайлаўнай Мяснянкінай, склалася атмасфера сапраўднай прыязнасці да творчасці пісьменнікаў Берасцейшчыны. Як вынік — былі выдадзены кнігі «Літаратурная Берасцейшчына» В. Ляшук і Г. Снітко, зборнікі прозы, паэзіі, перакладаў Валерыя Грышкаўца, Рышарда Капусцінскага, Анатоля Бензерука, Ніны Мацяш, Аляксандра Паплаўскага, Аляксандра Валковіча, Валерыя Гапеева, Анатоля Гладышчука, Зінаіды Дудзюк... Так і склалася з 2007 па 2011 гады сапраўдная «брэсцкая бібліятэка». Але шмат чаго і не ўдалося рэалізаваць. І сёння надзвычай шкадую, што не выдалі асобныя кнігі і Валянціны Локун, і Генадзя Праневіча...

Наступных два лісты — з 2012 года. Чытаю пісьмо ад 24 мая 2012 года:

«Паважаны Алесь Мікалаевіч! Як і абяцала, пішу "ад рукі". На жаль, камп'ютар, інтэрнэт і мабільнікі скора зусім адвучаць людзей ад ручкі і ліставанняў, а ўсе нашы рукапісы змесцяцца на адной флэшцы. Такі час...

Цяпер пра Мальдзіса. Сказаць, што мы з ім добра знаёмыя, будзе перабольшаннем. Прафесар Мальдзіс быў для мяне вышынёй недасягальнай. Ды і творчыя нашы інтарэсы ішлі рознымі накірункамі. Ён шмат і плённа шчыраваў на ніве беларусістыкі. Ён адкрываў свету — спачатку славянскаму, а пасля і астатняму — беларускую літаратуру, а разам з гэтым знаёміў, таксама адкрываў нам, славянскую культуру, карані, гісторыю гэтай культуры. Мальдзіс як творца, навуковец — асоба ўнікальная, маштабная ў сваёй творчай і "геаграфічнай" зацікаўленасці. Такі (падкрэслена Валянцінай Іванаўнай. — А. К.) Мальдзіс у нас адзіны, побач з ім паставіць няма каго, роўных яму не бачу.

Асабіста з Адамам Іосіфавічам мяне пазнаёміў Мікола Чырскі (працуе ў сферы турызму, краязнавец). Гэта дзякуючы яму, Чырскаму, выйшла мая манаграфія пра В. Быкава. Чырскі яе і распаўсюджваў у Мінску. Некалькі экзэмпляраў перадаў Адаму Іосіфавічу, якога добра ведаў. А. І. прачытаў, яму спадабалася, і адну кніжку па сваіх каналах ён перадаў у Лондан, у скарынінскую бібліятэку. У сувязі з гэтым, а пасля і з нагоды майго юбілею, А. І. прысылаў мне паштоўкі. Вось і ўсе нашы ліставанні.

Што датычыць маёй рэцэнзіі, то яе гісторыя такая. Быў канец 80-х — пачатак 90-х гадоў. Я працавала над гістарычнай прозай У. Караткевіча (мая манаграфія "Маральна-філасофскія пошукі беларускай ваеннай і гістарычнай прозы". — Мн., 1995). Тады толькі прыступала да прачытання творчасці У. Караткевіча. У гэты ж час з'явілася і кніга А. Мальдзіса "Жыццё і ўзыходжанне Уладзіміра Караткевіча" (Мн., 1991). Кніга мяне зацікавіла, вось я і напісала рэцэнзію "Быў, ёсць і буду…", якая была змешчана ў "Полымі" (№ 3, 1992). Гэта было першае (падкрэслена Валянцінай Іванаўнай. — А. К.) і, што таксама вельмі важна, наватарскае (падкрэслена Валянцінай Іванаўнай. — А. К.) прачытанне Мальдзісам творчай і жыццёвай біяграфіі вялікага Творцы. А. Мальдзіс па сутнасці першым (падкрэслена В. Локун. — А. К.) адкрыў нам У. Караткевіча ў працэсе яго творчага развіцця, у развіцці яго складана-багатых стасункаў са светам. Адкрыў Асобу.

Ці глядзелі Вы мой рукапіс, дасланы Але Генрыхаўне? Мне здаецца, было б нядрэнна паяднаць Быкава і экзістэнцыяльную

літаратуру з праявамі постмадэрнізму ў сучаснай літаратуры — літаратуры XXI ст.

Як Вам мая ідэя, Алесь Мікалаевіч?

Прыцягвае мяне яшчэ адна тэма — філасофія адзіноты (одиночества), але ніяк не магу падступіцца, часу не падбяру. Для "Полымя" напісала зноў пра У. Дамашэвіча, паставіла ўжо апошнюю кропку. У "Нёман" адправіла рэцэнзію на манаграфію Мікуліча "Паэзія Заходняй Беларусі (1922—1939 гг.)". Зараз працую над калектыўнай манаграфіяй "Літаратурная карта Еўропы" і г. д. Пішыце, ці тэлефануйце, Алесь Мікалаевіч. Мой элект. адрас…».

...Зазірнуў у свой электронны архіў. Там захавалася некалькі дзясяткаў, мо нават каля сотні, лістоў ад Валянціны Іванаўны Локун, а пасля яе смерці мы яшчэ некаторы час ліставаліся з яе братам — Васілём Іванавічам Локунам. Але гэта ўжо — асобная гісторыя. І, можа быць, з яе яшчэ вырасце некалі іншы аповед.

А ў нашай папяровай з Валянцінай Іванаўнай перапісцы быў яшчэ і пяты ліст — ад 2 жніўня 2012 года. Вось яго і цытую напрыканцы свайго нядоўгага ўспаміну:

«Паважаны Алесь Мікалаевіч! Ваша пісьмо атрымала. Дзякуй вялікі...

А цяпер наконт Вашай прапановы напісаць артыкул пра творчасць Алены Брава. Тэксты гэтай пісьменніцы мне падабаюцца, нешта пра іх я ўжо недзе і пісала. Думаю, артыкул у мяне атрымаецца і лепей за ўсё было б яго надрукаваць у "Нёмане", каб і рускамоўны чытач пазнаёміўся з гэтай цікавай пісьменніцай. Але канкрэтна аб гэтым я пазней з Вамі пагавару.

На вялікі жаль, Алесь Мікалаевіч, я не магу даслаць Вам сваёй манаграфіі "Маральна-філасофскія пошукі беларускай ваеннай і гістарычнай прозы", бо ў мяне застаўся яе толькі адзін экзэмпляр. Кніжка была выдадзена ў выдавецтве "Навука і тэхніка", калі я працавала ў Інстытуце літаратуры, мне тады Віктар Антонавіч Каваленка пераслаў некалькі аўтарскіх экзэмпляраў і больш я іх не мела магчымасці набыць. І апошняе…».

Неяк няёмка цытаваць апошнія радкі. Яны быццам мяне «ўпрыгожваюць»... Але і яе не проста «ўпрыгожваюць», а ўзвышаюць,

паказваюць як чалавека чулага, высакароднага чалавека, які думаў пра другіх. Таму, прабачце, і працытую:

«… Не хварэйце, Алесь Мікалаевіч! Бо тое — і ў такіх маштабах! — не можа рабіць ніхто. Ды і для мяне асабіста Вы з'яўляецеся ці не галоўнай творчай апорай і падтрымкай. Без Вас я зусім знікну з літаратурнай арбіты. Так што трымайцеся!!! Ну хто яшчэ, акрамя Вас, напіша мне пісьмо "ад рукі" і на паперы пры нашай агульнай камп'ютарызацыі? Вялікі дзякуй Вам за ўсё! З найлепшымі пажаданнямі — Валянціна Локун».

...Высакародны, чуйны да навакольнага свету чалавек, Валянціна Іванаўна Локун, нягледзячы ні на што, паспела зрабіць на дзіва шмат. Мо таму і здолела шмат напісаць, шмат каго з пісьменнікаў падтрымаць добрым словам, што сама была чалавекам шчырым, адкрытым, светлым. І ёй ахвотна дапамагалі, стараліся нейкім чынам паспрыяць вырашэнню яе творчых клопатаў. Сярод такіх людзей — і акадэмік Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі Уладзімір Васільевіч Гніламёдаў. А яшчэ — і празаік, паэтэса, перакладчыца, кандыдат філалагічных навук Валянціна Коўтун.

Зробленае, напісанае чалавекам і крытыкам светлай душы Валянцінай Іванаўнай Локун варта ўвагі чытачоў розных пакаленняў. Яна, чалавек шматпакутны і разам з тым на дзіва дзеяздольны, рабіла ўсё магчымае і часам нават немагчымае для таго, каб ствараць свой партрэт сучаснага літаратурнага працэсу. І гэта ёй, як мне ўяўляецца, удалося.

Гэтыя радкі я пішу таму, што варта не проста помніць Валянціну Іванаўну Локун, а і выдаць асобнай кнігай яе артыкулы, рэцэнзіі, выдаць напісанае ёю пра народнага пісьменніка Беларусі Васіля Быкава. Веру, што гэта ўсё ж удасца рэалізаваць.

Хацеў было паставіць кропку, а побач — кніга Валянціны Локун, якую ўжо не раз згадваў: «Маральна-філасофскія пошукі беларускай ваеннай і гістарычнай прозы: 1950—1960-я гады». У кнізе ёсць і такія радкі: «Мужнасць, самаадданасць — натуральныя якасці свабоднай асобы, якая ўвабрала ў сябе народную мараль і прапусціла яе праз сваё ўнутранае "я"». Такім мужным, самаадданым чалавекам, такім мужным літаратуразнаўцам і была Валянціна Іванаўна Локун — літаратуразнаўца з Пінска, з Берасцейшчыны.

У жніўні 2021 года — 75 гадоў з дня нараджэння беларускага літаратуразнаўцы, літаратурнага крытыка, кандыдата філалагічных навук Валянціны Локун. Ёсць час, каб дастойна падрыхтавацца да гэтай даты, перавыдаць яе творы. А яшчэ — назваць яе імем вуліцу ў Пінску, а мо яшчэ і адну з бібліятэк Пінска ці Пінскага раёна. Мне падаецца, берасцейская грамадскасць, самыя розныя творчыя людзі з гэтай старонкі — будуць толькі «за».

г. Мінск, май 2019 г.

Таццяна Аркадзьеўна Хвагіна

Валянціна Локун. Яе праца не была дарэмнай...

Маё першае ўражанне ад сустрэчы з Валянцінай Локун — ветлівы, ясны позірк, які, як здавалася, выпраменьваў святло, што ішло з глыбіні яе адкрытай, высакароднай душы. Ён быў уважлівым, зацікаўленым і такім глыбокім, які бывае ў вельмі мудрых, шмат перажыўшых людзей, што нягледзячы на нягоды і цяжкія выпрабаванні не пазбавіліся чуласці і спачування да іншых людзей. Упэўнена, што ніхто з тых, хто пераступаў парог яе кватэры, ніколі не пачуў з яе вуснаў: «Мяне гэта не хвалюе...».

Наша сяброўства пачалося з першай сустрэчы ў сярэдзіне 1990-х гадоў. Гэтаму спрыялі і філалагічная адукацыя, і агульныя знаёмыя, і еднасць поглядаў на з'явы сучаснага жыцця, на мастацкую літаратуру і няпросты лёс беларускай мовы. Валянціна была цудоўнай суразмоўцай — эрудыраванай, сапраўды зацікаўленай і разам з тым вельмі далікатнай. Ёй можна было давяраць свае самыя патаемныя сакрэты, прасіць парады ў складаных жыццёвых сітуацыях, адным словам — ёй можна было спавядацца. Нашыя сустрэчы былі не вельмі частымі — турыстычная справа, якой я займалася, забірала вельмі шмат часу, затое калі сустракаліся не маглі нагаварыцца. Размовы цягнуліся гадзінамі і закраналі самыя розныя тэмы. Толькі адну тэму, не дамаўляючыся, мы доўгія гады не краналі і абыходзілі. Аднак зрэдку, успамінаючы пра абарону сваёй дысертацыі, Валянціна прыгадвала, як яе — маладую, шчаслівую, прыбраную ў прыгожую сукенку нябеснага колеру, уносілі на руках у банкетную залу рэстарана, дзе па традыцыі працягвалася ўрачыстая частка гэтай важнай падзеі. Хтосьці з тых, хто ўбачыў гэтую сцэну, сказаў: «Нявесту нясуць». Хаця тут прычына была зусім іншая...

Валянціна вельмі шмат чытала і старалася не прапусціць ніводнай новай кнігі і публікацыі, а яшчэ неаднойчы перачытвала і пе-

раасэнсоўвала прачытанае раней. Калі яна пачала займацца навукай, сучасных камп'ютараў яшчэ не было — усё прачытанае трэба было трымаць у памяці, дзе быццам на палічках месціліся мастацкія творы разам з іх сюжэтамі і героямі, навуковыя артыкулы і тыя думкі і высновы, якія даносілі чытачам іх аўтары. Калі Валянціна працавала над якім-небудзь матэрыялам ці артыкулам, то казала: «Калі я пішу, то я думаю рукой. Не убачыўшы сваё напісанае, не магу ісці далей». Часам на імгненне прыкрывала вочы, каб нішто не перашкаджала, не адцягвала ўвагу ад галоўнага, і яшчэ больш паглыблялася ў толькі ёй вядомую ўнутраную дыскусію: сама сабе прыводзіла довад за довадам, некаторыя прыймала, некаторыя падвяргала сумневу. Хто ведае, можа ў гэты момант перад ёй паўставалі постаці літаратурных герояў, якія прагнулі разумення ці нават апраўдання сваіх учынкаў...

Валянціна Локун была сапраўдным літаратуразнаўцам з шырокім светапоглядам, а таксама — літаратурным крытыкам, які імкнуўся да таго, каб ніводны аўтар, ужо знаёмы чытачу, або той, хто толькі падае надзеі, не заставаўся недаацэненым і забытым. Яна адкрывала імёны і хварэла за тых, хто быў незаўважаны і несправядліва адсунуты ўбок, хаця меў усе падставы, каб быць прызнаным сучаснікамі і патомкамі. Ёй не аднойчы прыходзілася чуць ад выпадковых апанентаў, што беларускія пісьменнікі — гэта «вяскоўцы», чыя творчасць абмежавана адной блізкай і зразумелай ім тэмай вясковага жыцця, якая не надта цікавіць шырокае кола чытачоў. Валя адразу кідалася ў абарону. Яна вельмі добра адчувала беларускую мову і сам час, настрой грамадства і была супраць абагульненняў, ярлыкоў, штампаў. Яна адразу заўважала, дзе адбылася падмена аргументаў, і не цярпела падману. У яе дом прыходзіла шмат людзей і пры гэтым ёй, на вялікі жаль, не хапала той аўдыторыі, з якой можна было б падзяліцца сваімі поглядамі і адкрыццямі. Яна бралася за самыя складаныя тэмы і займалася філасофскай прозай XX стагоддзя, пазначанай цяжкімі для аўтараў і герояў маральна-этычнымі пошукамі. Яна прысвяціла сваю манаграфію ваеннай прозе Васіля Быкава і, напэўна, перачытала не толькі ўсе яго творы, але і ўсю вартую ўвагі ваенную прозу іншых пісьменнікаў, створаную у другой палове XIX-XX ст. Кожны твор прапускала праз сваё сэрца, нібыта пераносілася ў той час і пражывала жыццё літаратурных герояў. Калі рабіла высновы, то выходзіла за рамкі сваіх асобных адчуванняў і перажыванняў і разглядала падзеі і вобразы ўжо ў шырокім гістарычным кантэксце і ў параўнанні з літаратурнымі з'явамі і плынямі еўрапейскай і сусветнай літаратуры.

Азірнуўшыся назад, я лаўлю сябе на думцы, што яна ўвесь час па-за будзённымі справамі і патрэбамі вяла нябачны і нячутны дыялог з пісьменнікамі, чые творы траплялі на яе прысуд. Мастацкая літаратура — гэта была яе стыхія, неабсяжная і бурная, як сапраўднае мора, разуменне якога даецца толькі адважным і адданым. Да яе цягнуліся мясцовыя пісьменнікі і паэты, ішлі за парадай, падтрымкай і добрым словам. Часам прыходзілася сутыкацца і з графаманамі, і з тымі, хто завышаў на парадак свой унёсак у літаратуру і быў у захапленні ад уласнай «геніяльнасці». Прызнавалася, як цяжка знайсці тыя словы, каб не пакрыўдзіўшы аўтара, паставіць заслону перад слабымі творамі, што не маюць мастацкай вартасці.

Валянціна Іванаўна вельмі цаніла, вылучала сярод сучасных беларускіх пісьменнікаў Валянціну Коўтун, з якой пасябравала яшчэ тады, калі Коўтун працавала загадчыкам аддзела крытыкі часопіса «Полымя». Шчыра гаравала і шкадавала, калі сяброўка і таленавітая пісьменніца заўчасна пайшла з жыцця.

Валянціна Локун мела добры мастацкі густ і «добры нюх» на выдатныя творы і таленавітых аўтараў. Яшчэ не вяліся гаворкі пра Нобелеўскую прэмію Святланы Алексіевіч, а Валянціна ўжо адводзіла ёй асобнае месца перш за ўсё за ўменне ўбачыць галоўнае ў цяперашнім свеце, у грамадскіх з'явах і сучасным жыцці.

Валянціна была маім галоўным рэцэнзентам і дарадчыкам, калі я працавала над краязнаўчымі кнігамі, прысвечанымі Пінску і Палессю. Гэтыя кнігі, якія ўяўлялі сабой штосьці сярэдняе паміж даведнікамі падарожніка і мастацкімі альбомамі, яна называла «гісторыя з геаграфіяй». Дзякуючы ёй, мой беларускі слоўнік раз ад разу пашыраўся. Вельмі шкада, што мая апошняя кніга «Пінск. Палеская легенда» выйшла, калі ўжо няма на гэтым свеце маёй

¹ Хвагіна Т. А. Пінск. Палеская легенда. – Мінск : Вышэйшая школа, 2019. – 189 с.

сяброўкі, майго першага рэдактара і крытыка. Вельмі шкада, што мы ўжо ніколі не сустрэнемся, не абмяркуем прачытанае, не пройдземся ў сваіх успамінах шляхамі дзяцінства і юнацтва, не падзелімся сваімі перажываннямі і планамі на будучыню.

Валіны кнігі са словамі шчырай удзячнасці заўсёды будуць стаяць на маёй кніжнай паліцы. Калі я падарожнічаю па літаратурных сцяжынках Палесся з настаўнікамі беларускай мовы і літаратуры, я заўсёды цікаўлюся, ці знаёмы яны з навуковымі працамі Валянціны Локун, якая нарадзілася, жыла і працавала тут, на Піншчыне? І заўсёды чую ў адказ: «А як жа! Ніхто так дасканала, канкрэтна, як яна, не разглядаў творы нашых сучаснікаў і сам літаратурны працэс другой паловы XX стагоддзя». Хтосьці дадае, што пры вывучэнні ў школах ці вышэйшых навучальных установах асобных літаратурных тэм яе пункт гледжання — гэта аснова для раскрыцця той ці іншай тэмы. Так што спадчына Валянціны Локун займае важнае і пачэснае месца ў літаратуразнаўстве і дапамагае ў вывучэнні беларускай літаратуры вучням і іх настаўнікам, студэнтам і выкладчыкам. Напрыканцы хачу далучыцца да тых, хто ставіць ёй найвышэйшую адзнаку, як знаўцы беларускай і сусветнай літаратуры. Дзякуй табе, сяброўка. Ведай, што справа, якой ты сябе прысвяціла, якую, нягледзячы ні на што, ты рабіла сумленна і годна — не была дарэмнай...

г. Пінск, верасень 2019 г.

Зоя Пятроўна Мельнікава

Напісанае — застаецца...

Прыгожая сціпласцю, абаяльная дапытлівым розумам і знешняй жаночай красой, Валянціна Іванаўна Локун была і застаецца прыкметнай асобай у беларускім літаратуразнаўстве. Мы былі калегамі не толькі па шчырай і прафесійнай зацікаўленасці роднай літаратурай, але і па кафедры беларускай літаратуры філалагічнага факультэта Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна (у той час педінстытута). Валянціна Іванаўна некаторы час была выкладчыцай нашай кафедры. На жаль, па стане здароўя яна не прыязджала да брэсцкіх студэнтаў чытаць лекцыі, праводзіць заняткі. Яна атрымлівала вучэбныя даручэнні, пераважна па навуковым кіраўніцтве курсавымі і дыпломнымі працамі студэнтаў-завочнікаў, многія з якіх жылі на Піншчыне. Яны часта наведвалі Валянціну Іванаўну, кансультаваліся, атрымлівалі каштоўныя прафесійныя парады, цікавыя і неабходныя для паспяховай вучобы і студэнцкіх даследаванняў кнігі з асабістай бібліятэкі свайго навуковага кіраўніка.

Некалькі разоў і я разам са студэнтамі прыязджала з Брэста ў Пінск, каб правесці абарону іх курсавых прац. Гэта былі цікавыя, цёплыя і незабыўныя сустрэчы з дапытлівым даследчыкам-літаратуразнаўцам, з прыгожай і абаяльнай Валянцінай Іванаўнай і яе клапатлівай матулечкай...

Валянціна Іванаўна Локун застаецца аўтарытэтным даследчыкам у сучаснай беларускай навукова-літаратурнай прасторы. Яе кнігі, публікацыі, прысвечаныя праблемам развіцця нацыянальнай прозы XX—XXI стст. уражваюць канцэптуальнасцю тэарэтыка-аналітычных падыходаў, належнай аргументаванасцю, навуковай навізной і высокай даследчыцкай культурай. Выклікае павагу шырыня поглядаў і прафесійная праніклівасць В. І. Локун, якая абгрунтавана пісала аб высокім мастацкім узроўні нашай нацыянальнай літаратуры ў еўрапейскім і сусветным кантэксце.

Даследчыцкія працы Валянціны Іванаўны, яе трапныя назіранні за творчасцю пісьменнікаў В. Быкава, А. Адамовіча, І. Шамякіна, В. Казько, В. Карамазава, У. Гніламёдава і многіх іншых мастакоў слова, увогуле за беларускім літаратурным працэсам — глыбокія, навукова вывераныя. Яны вельмі запатрабаваныя сёння. Да кніг В. І. Локун звяртаюцца маладыя даследчыкі літаратуры, яе слушныя канцэптуальныя радкі цытуюць студэнты, магістранты, аспіранты, а таксама вядомыя і прызнаныя літаратуразнаўцы.

Уражаная змястоўнасцю навуковых роздумаў і высноў В. І. Локун, я ў 1992 годзе адазвалася сваім артыкулам аб яе кнізе «Да новых вышынь» (1991). Гэты артыкул быў надрукаваны ў штотыднёвіку «Літаратура і мастацтва» 8 мая 1992 года²:

«Гэтая сціплая на выгляд кніга В. Локун³, безумоўна, прыцягне ўвагу ўсіх, каму неабыякавыя праблемы нашай сучаснай літаратуры. Насцярожыць можа хіба толькі назва — традыцыйна-ўзнёслая, характэрная для мінулай ужо эпохі "дасягненняў", "вяршынь", "здзяйсненняў"... Аднак па змесце і сутнасці літаратурна-крытычныя артыкулы гэтай кнігі вызначаюцца якраз наватарствам, і, вазьму на сябе смеласць сказаць, яна стане прыкметным укладам у распрацоўку жанрава-стылёвых аспектаў сучаснага беларускага літаратуразнаўства.

Вельмі хочацца хоць некалькімі словамі прадставіць чытачам гэтай кнігі яе аўтара — Валянціну Іванаўну Локун. Бо не так часта кожнаму з нас выпадае сустракацца з людзьмі, якія выпраменьваюць харашыню — сардэчнае цяпло і прыязнасць у адносінах да іншых, сціпласць і досціп, а разам з тым маюць зайздросны ўзровень прафесійнасці. Чалавечай абаяльнасцю і адукаванасцю Валянціны Іванаўны захоплены не толькі я і мае калегі, выкладчыкі кафедры беларускай літаратуры Брэсцкага педінстытута, з якой супрацоўнічае гэтая даследчыца.

Каб змог чытач па-сапраўднаму ацаніць працу В. Локун, я павінна сказаць, што Валянціна Іванаўна, на жаль, цяжка хворая.

 $^{^2\,}$ Мельнікава 3. П. Стылёвыя пошукі прозы // Літаратура і мастацтва. — 1992. — 8 мая. — С. 6—7.

³ Локун В. Да новых вышынь : літаратурна-крытычныя артыкулы. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1991. – 222 с.

Бязлітасная хвароба абмежавала яе магчымасці самастойна перамяшчацца, хадзіць. Але фізічная нямогласць цалкам кампенсуецца духоўным багаццем і знешняй прывабнасцю гэтай жанчыны, якая, нягледзячы ні на што, умее жыць змястоўна, у гармоніі са светам, беспамылкова знайшоўшы ў ім сваё месца і прызначэнне.

У кнізе В. Локун "Да новых вышынь" даследуюцца стылёвыя асаблівасці сучаснай беларускай прозы. У першым, найбольш аб'ёмным раздзеле "Быкаўская праўда вайны" пераканаўча прасочваецца станаўленне стылю пісьменніка, пачынаючы з аповесцяў 60-х гадоў і да апошніх твораў. Здавалася б, пры пастаяннай пільнай і актыўнай увазе крытыкі і літаратуразнаўства да творчасці В. Быкава цяжка сказаць у гэтым плане нешта сваё, арыгінальнае. Але даследчыцы ўдалося асэнсаваць творчасць В. Быкава не толькі ў кантэксце сучаснай беларускай ваеннай прозы (І. Пташнікаў, В. Казько, Б. Сачанка), але і рускай, і ўкраінскай (В. Гросман, К. Сіманаў, А. Ганчар, Ю. Бондараў, Р. Бакланаў, В. Кандрацьеў, Б. Васільеў і інш.). Гэта дало магчымасць асабліва выразна выявіць сугучнасць і непаўторнасць быкаўскіх твораў. Пры гэтым даследчыца заўважае тыпалагічнае (структурнае і агульнамастацкае) падабенства твораў В. Быкава, Ю. Бондарава і Р. Бакланава. Такі кантэкстуальны аналіз дазволіў В. Локун прасачыць і вызначыць характар стылёвых пошукаў В. Быкава, пра што абгрунтавана і доказна гаворыцца ў кнізе.

Характарызуючы мастацкія асаблівасці першых аповесцей В. Быкава, В. Локун сцвярджае: "Стыль твораў В. Быкава мае трагедыйны характар і трагедыйнасць гэтая не знешняя, падзейная, ... а галоўным чынам унутраная, заснаваная на рэзкім сутыкненні характараў, глыбокім псіхалагізме... аўтар даследуе псіхалогію гераізму і сацыяльна-псіхалагічныя вытокі баязлівасці, для яго важны не столькі адкрыты канфлікт, што вырашаецца ў непасрэдным проціборстве з ворагам, колькі схаваны, унутраны, які ўрываецца ў сферу маралі, дзе складана і кожны раз па-асабліваму сутыкаюцца самыя розныя пачуцці, перакананні, каштоўнасныя арыенціры".

Прасочваючы адметнасць і станаўленне творчай манеры В. Быкава, даследчыца безумоўна мае рацыю, калі сцвярджае, што апо-

весці другой паловы 70-х гадоў ("Воўчая зграя", "Яго батальён") маюць пэўныя структурныя і мастацкія адрозненні ад папярэдніх — "Сотнікаў" і "Дажыць да світання" і тым больш ад яшчэ ранейшых — "Жураўліны крык", "Трэцяя ракета". Разумеючы ўсю ўмоўнасць перыядызацыі, В. Локун выяўляе ўстойлівыя, вызначальныя тыпалагічныя дамінанты аповесцяў В. Быкава, адзначаючы, што ў іх "...суседнічаюць і спалучаюцца два стылёвыя пачаткі — аб'ектыўны як рэальнае адлюстраванне вобраза і суб'ектыўны, праз які непасрэдна выказваецца аўтарская ідэя". Глыбокае пранікненне даследчыцы ў свет і дыялектыку твораў В. Быкава дазваляе ёй заўважыць, што стылёвыя элементы творчасці пісьменніка працуюць, як і павінна быць у сапраўднага мастака, на асноўную задуму: "...сюжэт лаканічны і гранічна скандэнсаваны — аўтар імкнецца ўвесці ўсё новыя і новыя дэталі, павароты, якія на вайне ніколі не здаюцца незвычайнымі і нечаканымі (у вайны свая логіка, яна алагічная), каб яшчэ раз праверыць характар чалавека, высветліць яго да канца: а раптам не вытрымае, адступіцца, зробіць не тое, што можна падвесці пад самую высокую рысу грамадзянскасці і чалавечнасці?". Даследчыца слушна даводзіць, што такім чынам у апавядальную эпічную канву твораў В. Быкава ўводзіцца ідэйна-ацэначны або асэнсавальна-ацэначны элемент, які з'яўляецца істотным і вызначальным у творчай манеры гэтага пісьменніка.

На старонках, прысвечаных даследаванню аповесці "Сотнікаў", чытач зверне ўвагу на псіхалагічна заглыбленае прачытанне вобразаў Сотнікава і Рыбака. Пры гэтым даследчыца аперыруе паняццем "ідэі-сілы", якое дазваляе ёй дакладна, трапна і лаканічна сфармуляваць асноўную думку гэтай аповесці: "Ідэя супрацыпастаўлення, адзінаборства сілы фізічнай, абмежаванай, і духоўнай, бязмежнай". Слушна заўважаецца, што проза В. Быкава ідзе па шляху ўсё большага спасціжэння складанасці ваеннага быцця і чалавечай душы. Слушна адзначаецца, што ў апошні час В. Быкаў якасна па-новаму даследуе ваенны быт і характар чалавека. Захаваўшы ранейшую аналітычнасць, проза яго стала больш шматграннай, бо пісьменнік звяртаецца да мастацкага асваення глыбінных пластоў жыцця, дзе супярэчліва пераплятаюцца простае і складанае, выпадковае і заканамернае, гісторыя і сучаснасць ("Кар'ер", "Аблава"). Аналітычны стыль В. Быкава, падагульняе В. Локун, — з'ява прыкметная не толькі ў беларускай, а і ва ўсёй сучаснай літаратуры. Яго мастацкі вопыт у пэўнай меры вызначае і ўплывае на сучасны літаратурны працэс.

Другі раздзел кнігі В. Локун "Эпапея — гэта народ" прысвечаны назіранням і аналізу творчай манеры І. Чыгрынава, пачынаючы ад малой прозы і ўключаючы тры сюжэтна звязаныя раманы — "Плач перапёлкі", "Апраўданне крыві", "Свае і чужынцы".

Разгляд творчасці і гэтага пісьменніка такі ж грунтоўны, доказны і слушны. Ужо малая проза І. Чыгрынава (зборнікі "Птушкі ляцяць на волю" і "Самы шчаслівы чалавек"), заўважае даследчыца, дала ўсе падставы гаварыць пра пісьменніка як пра апавядальніка з эпічным бачаннем і ўспрыманнем, з эпічным светаадчуваннем. Суб'ектыўны пачатак у прозе І. Чыгрынава "ледзь памечаны", ён больш падразумяваецца — "...у інтанацыі, у адценні, рытме, у пафасе, што выражае аўтарскі погляд і волю, надае зусім аб'ектыўнаму малюнку непаўторны індывідуальны і суб'ектыўны характар. Чыгрынаў-рэаліст як бы пераконвае чытача ў аб'ектыўнасці, у жыццёвасці адлюстраванай з'явы праз канкрэтныя бытавыя дэталі, дакладны псіхалагічны малюнак". Аднак устаноўка на аб'ектыўнае, эпічнае адлюстраванне жыцця, падкрэслівае В. Локун, не перашкаджае пісьменніку выходзіць "у прастору духоўнага жыцця, пранікаць у псіхалогію герояў". У раманах пісьменніку ўдаецца знітаваць многія патокі народнага жыцця "адзінай мерай быцця, усеагульнай сувяззю з'яў — ад гістарычна-сацыяльнага да інтымна-псіхалагічных рухаў чалавечай душы".

Зусім слушна даводзіць В. Локун, што ў раманах І. Чыгрынава слабая напоўненасць падзейнага дзеяння кампенсуецца дзеяннем унутраным, псіхалагічным, бо пісьменніку ўдаецца глядзець не толькі "звонку" на сваіх герояў, але і "знутры" — фіксаваць іх светаўспрыманне, духоўныя і маральныя погляды.

Пры безумоўнай дасканаласці і грунтоўнасці даследавання жанрава-стылёвых асаблівасцей раманаў І. Чыгрынава часам залішне адцягненымі і ненатуральнымі здаюцца некаторыя параўнанні і паралелі, у прыватнасці, з "прычынным мысленнем" Л. Талстога.

Тэарэтычныя выкладкі даследчыцы, асабліва ў другім раздзеле кнігі, "разлічанай на шырокае кола чытачоў", часам уяўляюцца інтэлектуальнымі практыкаваннямі нават для адносна дасведчанага чытача. На с. 127 чытаем: "Для стылю І. Чыгрынава характэрна, калі апавяданне эпізоду пранізваецца яго даследаваннем і падводзіцца да абагульнення, якое ў сваю чаргу набывае форму канкрэтнасці і развіваецца ў выяўленчы вобраз...". Далей даследчыца, абапіраючыся на змест твора, спрабуе растлумачыць, што гэта азначае...

Схільны да строгай тэарэтычнай вызначанасці, лагічнай завершанасці і пераканальнасці даследчык-аналітык, а менавіта такое ўражанне аб аўтары пакідае гэта кніга, В. Локун у метадалогію свайго даследавання шырока падключае вопыт папярэднікаў і сучаснікаў, калег-літаратуразнаўцаў, што яшчэ больш паглыбляе яе ўласныя вывады, дазваляе ўзняцца на высокі тэарэтычны ўзровень у навуковых пошуках. Але часам узнікае ўражанне, што дарэмна В. Локун "давярае" іншым літаратуразнаўцам, бясспрэчна згаджаючыся з імі. Напрыклад, пры даследаванні вобраза Дзяніса Зазыбы В. Локун без агаворак згаджаецца з вельмі праблематычнай па сённяшнім разуменні ацэнкай гэтага героя С. Андраюком, сутнасць якой у тым, што Зазыба — "якасна новы тып чалавека з народа. Ён увасабляе тую сілу, якую прынеслі ў народ бальшавікі" (Андраюк С. Традыцыі і сучаснасць. Мінск, 1981). Далей даследчыца гаворыць аб тым, што Зазыба — прадстаўнік "масы", сын свайго часу... Здаецца, слушна, але толькі ў пэўнай ступені, бо вобраз Дзяніса Зазыбы "залішне" багаты і шматмерны, каб быць прыпісаным толькі да канкрэтна-гістарычных. У ім скандэнсавана і ўвасоблена найбольш народнага, і перадусім, ён — носьбіт народнай маралі, духоўнасці, свядомасці (а не бальшавіцкай ідэалогіі), якія і абумоўліваюць яго паводзіны. І пратэстуе ён супраць фашызму не таму, што бальшавік, а таму, што патрыёт (Чубар у значна большай ступені ўвасабляе "бальшавізм"). Пра гэта слушна гаворыць далей і сама літаратуразнаўца.

Кніга В. Локун уяўляе сабой даследаванне асаблівасцей мастацкай формы, у прыватнасці стылёвых структур твора. І гэтая пільная ўвага да "фармальных" элементаў часам настолькі абса-

лютызуецца, што выпадае з-пад увагі і другі, вельмі важны элемент — змястоўнасць формы, захапленне фармальнымі пошукамі і ігнараванне выяўленчай функцыі формы пакідаюць у такіх выпадках уражанне самамэтнасці і схематычнасці літаратуразнаўчых знаходак. На с. 106 чытаем: "Чыгрынаўскім раманам уласціва шырокая раманная структура, дзе процістаянне Зазыбы і Чубара праяўляецца як істотная, неабходная частка, як адна з ліній развіцця эпічнага сюжэта". Наўрад ці будзе дастатковым і мэтазгодным абмежавацца канстатацыяй сюжэтна-фармальнай функцыі гэтага процістаяння, не давёўшы да чытача, што за ім перш за ўсё трэба бачыць драматызм, супярэчлівасць першых гадоў той вайны. Дарэчы, гісторыі ўзаемаадносін гэтых герояў удзяляецца вялікая ўвага, яна прасочана паслядоўна і доказна.

У раздзеле "Стылёвая шматграннасць прозы Б. Сачанкі" В. Локун прасочвае эвалюцыю творчай манеры гэтага пісьменніка ад аб'ектыўнага, "монафанічнага" да "поліфанічнага, суб'ектываванага пісьма". У гэтым плане падрабязна аналізуюцца стылёвыя структуры апавяданняў Б. Сачанкі "Дзік-бадзяга", "Не, не ўсё роўна", "У хаце трое", "Сон", "Адведкі" і інш. Б. Сачанка, слушна зазначае В. Локун, спрабуе стварыць актыўны, дзейсны характар. Ён, як і В. Быкаў, даследуе катэгорыіі зла і дабра, жорсткасці і гуманнасці. Яго ўлюбёны кампазіцыйны прыём — перапляценне мінулага і сучаснага. Адсутнасць асабістага "падзейнага" вопыту вайны кампенсуецца эмацыянальным (у вайну Б. Сачанка быў хлапчуком). Пры аналізе аповесці "Пакуль не развіднела" цікава і доказна прасочваецца выяўленчая функцыя моўных структур: няўласна-простай мовы, простай, маналогу, індывідуалізаванай мовы персанажаў, аўтарскай мовы, сінтаксічных канструкцый. Ад твора да твора прасочвае даследчыца "ўзмацненне суб'ектывацыі пісьма, паглыбленне аналітызму і псіхалагізму", імкненне Б. Сачанкі да стылёвай шматслойнасці. Увогуле, аналізуючы стылёвавыяўленчыя аспекты ў творах В. Быкава, І. Чыгрынава і Б. Сачанкі, даследчыцы ўдалося ўбачыць у іх многа агульнамастацкага і агульначалавечага і разам з тым пераканаўча паказаць асабовасць, прывабнасць, змястоўнасць творчай манеры кожнага з іх, дамінуючыя складаныя іх стыляў.

У раздзеле "На шляху да сінтэзу" прасочваюцца не толькі жанрава-стылёвыя, але маральна-этычныя і філасофскія пошукі ў сучаснай беларускай прозе. Грунтоўна разглядаецца раман "Зеніт" І. Шамякіна. Аналізуючы раман "Вазьму твой боль" гэтага ж аўтара, даследчыца ўказвае на жанравую сугучнасць твора беларускага пісьменініка з раманам Ю. Бондарава "Бераг".

Аналітычным, інтэлектуальным не без падстаў называе аўтар раман В. Казько "Неруш", знаходзячы ў ім кропкі судакранання з "Белым параходам" Ч. Айтматава, "Развітаннем з Мацёрай" В. Распуціна. В. Локун вызначае шэраг вострых праблем сучаснасці, што закранаюцца ў раманах П. Місько "Градабой", В. Карамазава "Пушча", В. Гігевіча "Доказ ад процілеглага", Л. Дайнекі "Футбол на замініраваным полі", А. Асіпенкі "Непрыкаяны маладзік", Я. Радкевіча "Сутокі дзён". Даследчыцы ўдалося ўбачыць і паказаць чытачу, што ў сучасным беларускім шматжанравым рамане "на паверхню вылучаецца менавіта мысліцельны, філасофскі пачатак, які дамініруе". Праблемы ўзаемадачынення чалавека і гісторыі, трагічнасці лёсу і трагічнасці часу знаходзяць адлюстраванне ў эстэтычнай свядомасці, у тым ліку і ў нашай нацыянальнай літаратуры. Гэтая праблематыка, робіць слушнае падагульненне аўтар, вызначае і пошукі сучаснай беларускай прозы.

Некаторыя раздзелы, абзацы, тэзісы кнігі В. Локун "Да новых вышынь" могуць выклікаць жаданне паспрачацца, зверыць сваё меркаванне з аўтарскім, што толькі падкрэслівае актуальнасць і ў значнай меры наватарскі характар даследавання».

г. Брэст, май 1992 – кастрычнік 2019 г.

Валентина Фёдоровна Сатинова

Рассказ о настоящем Человеке

В процессе работы над сборником воспоминаний имя Валентины Фёдоровны Сатиновой первоначально не входило в число авторов сборника. Но прочитав воспоминания брата Валентины Ивановны Василия, а позднее услышав от него же историю вступления Валентины Ивановны в члены КПСС, я задалась целью разыскать эту удивительную женщину. Искать долго не пришлось, профессоров в Бресте не так уж и много. В телефонном разговоре я рассказала Валентине Фёдоровне о том, что Брестской областной библиотекой им. М. Горького уже издан биобиблиографический указатель о жизни и творчестве В. Локун и в настоящее время в плане библиотеки — издание сборника воспоминаний. Как же обрадовалась Валентина Фёдоровна моему звонку! Она была очень благодарна за память и за предложение поучаствовать в нашем проекте и написать свои воспоминания о Валентине Ивановне.

Василий Иванович Локун несколько раз в своих воспоминаниях подчеркнул, что только стараниями Валентины Фёдоровны и её мужа им удалось получить хорошую, тёплую и солнечную квартиру. Но был и другой эпизод, о котором Василий Иванович рассказал мне сначала в телефонном разговоре, а потом по моей просьбе написал в письме и прислал по электронной почте:

«В конце 80-х, когда Валя уже активно работала и в Бресте, и в Минске, она решила вступить в партию. Членство в партии давало возможность впоследствии получать персональную пенсию. Валя была твёрдо уверена, что рекомендацию в партию ей первая даст Валентина Фёдоровна Сатинова. Тем более, мы видели, кого тогда в партию принимали, практически всех без разбора. Решили дома, что уж Валя вполне достойна быть в рядах членов КПБ. Но Валентина Фёдоровна — убеждённая коммунистка, была твёрдо уверена, что в партию надо вступать не для того, чтобы что-

то брать от партии, вступать нужно, чтобы отдавать партии свои силы, свои знания, свой ум и опыт. А Валя в её-то положении этого сделать не сможет. А вступать в партию только для того, чтобы потом пенсию платили побольше, посчитала недостойным поступком. И всё это Валентина Фёдоровна высказала Вале в телефонном разговоре честно, прямо и открыто. Конечно, для Вали это был удар. Потом, конечно же, нашлись коммунисты, которые предлагали Вале дать рекомендации в партию, но слова, сказанные Валентиной Фёдоровной, задели Валентину за живое. В партию она так и не вступила. А вскоре развалился Советский Союз, не стало КПСС, пришли иные времена. Когда в Беларуси начали "реанимировать" компартию, Валентина Фёдоровна позвонила Вале и спросила, не выбросила ли она свой партбилет, как сделали это многие другие "коммунисты"? Валя ответила, что не выбросила, потому что её туда не приняли и билета у неё не было и нет».

Валентина Ивановна не обиделась. До самой смерти она с благодарностью вспоминала своего любимого учителя Валентину Фёдоровну, которая так много сделала для неё в жизни. Свои воспоминания о событиях почти 50-летней давности профессор Сатинова написала без лишних напоминаний, от руки, на восьми страницах практически без поправок (В. А. Горбачевская).

Я благодарна судьбе, что свела меня с неординарной героической личностью, уроженкой деревни Тепенец Пинского района Валентиной Ивановной Локун, которая выстроила свой жизненный путь и усилием воли, терпения и настойчивости стала кандидатом филологических наук, известным в Республике Беларусь учёным-литературоведом. Обучалась Валентина Ивановна заочно и закончила Брестский государственный педагогический институт им. А. С. Пушкина (теперь университет), будучи инвалидом, но по духу — героическим человеком.

Моя первая встреча с деревенской девушкой... Знала, что Валентина усилием воли добилась возможности поступить в институт, получить согласие вначале ректората института, а затем и представителей руководящих органов всех рангов вплоть до Министер-

ства образования БССР, которые разрешили осуществить учение на дому, в деревне, добраться до которой можно было только на автомобиле. И вот в течение пяти лет преподаватели нашего института ездили к Валентине Локун домой, в деревню, и принимали у неё сначала вступительные экзамены, затем экзамены во время учёбы, курсовые работы и, наконец, спустя пять лет учёбы — выпускные государственные экзамены.

Валентина, полностью изолированная от институтской среды и студенческой жизни, одна, без подруг, изолированно от своих сверстников, получала всю необходимую литературу по почте с доставкой на дом, осваивала все учебные предметы, выполняла самостоятельно курсовые работы, зачётные задания, общаясь один на один только с книгой, не прослушав ни одной лекции в аудитории.

Сегодня трудно себе представить, но в ту пору не было ещё мобильной связи, не было интернет-ресурсов, не было в деревне даже простого телефона, поэтому приходилось уповать на почтовую связь и её бесперебойную работу.

В 1972 году я защитила кандидатскую диссертацию «Проблемы обучения аудированию монологической речи на творческом этапе: (на материале преподавания английского языка в VII классе средней школы)» и заведовала кафедрой иностранных языков. Как член государственной экзаменационной комиссии на филологическом факультете я имела возможность познакомиться с Валентиной Ивановной Локун и принимать у неё выпускные экзамены по всем четырём предметам, которые она сдавала в два приёма — по два экзамена сразу. Я была членом двух комиссий, каждая из которых с перерывом в одну неделю приезжала в деревню Тепенец к Валентине Локун домой.

В деканате филологического факультета меня предупредили, что экзамены девушка сдаёт дома, поскольку она инвалид, не может ходить. Такая новость взволновала и заинтересовала меня. Я даже представить себе не могла, как девушка-инвалид, которая

⁴ Сатинова В. Ф. Проблемы обучения аудированию монологической речи на творческом этапе: (на материале преподавания английского языка в VII классе средней школы): автореф. дис. ... канд. пед. наук: специальность 13.731 Методика преподавания иностранных языков. – Минск, 1971. – 32 с.

не может передвигаться самостоятельно, лёжа в постели (так думала я тогда) может с нами общаться. И вообще, как она может в изоляции от учебного центра что-то выучить и знать, не имея возможности общаться со студентами, преподавателями. Кто ей доставляет необходимую литературу? У кого она в этой деревне может получить консультацию? Эти и другие вопросы не давали мне покоя на протяжении всего пути в деревню, до которой мы долго добирались и добрались с опозданием, так как наш водитель не знал пути и немного перепутал дорогу (GPS-навигаторов тогда тоже ещё не было и в помине, а на карте такая маленькая деревня не была обозначена. — Сост.).

Наконец мы приехали в деревню и у первого встречного спросили, где живёт семья Локун. Оказалось, что в деревне много людей проживает с такой фамилией, но Валю Локун и её семью там знали все. Нам тут же показали дорогу к дому, сопроводив нас и выразив сочувствие и восхищение мужеству и терпению дочери и её мамы. Подъехали к дому, у калитки нас встретила моложавая, красивая, но убитая горем женщина — мама Вали, которая гостеприимно пригласила нас в дом. Я ожидала, что девушка будет лежать в постели и представлять собой жалкое зрелище. Но неожиданно для себя мы увидели красивую улыбающуюся девушку, которая стояла у открытого окна, опираясь обеими руками на встроенный угловой столик и стоящий рядом стул. Она излучала радость, что наконец-то дождалась, радостно приветствовала нас. Мы все растерялись, не могли ничего дельного сказать в тот момент, мы оторопели, так как все трое были в этой семье впервые. Кто-то из нас спросил у Вали: «Ну, как будем принимать экзамен?». Она озорно ответила: «Я не знаю, ведь я первый раз сдаю государственный экзамен». Каково!?

Тогда мы предложили Валентине разрезной вариант билетов, разложив их все на столе перед ней веером. Она выбрала один из билетов, пробежала быстро глазами и громко рассмеялась, сказав, что она хорошо знает ответы на вопросы этого билета, а вот если бы вдруг ей попались вот такие-то два вопроса, она бы не смогла на них ответить, так как ей не дослали книги, где бы она могла почерпнуть необходимую информацию...

Мы поспешно оставили Валю одну в комнате, полагая, что ей понадобятся шпаргалки или книги, чтобы отвечать на экзамене по билету. Мы вышли во двор, повсюду в цвету были садовые деревья, светило солнце, и на душе была тихая радость от деревенской тишины, от встречи с Валей, оказавшейся такой искренней, принципиальной и совестливой девушкой. Валина мама рассказывала нам, как несколько лет тому назад, когда дети ещё учились в школе, у Вали и её брата Василия почти одновременно «отнялись», отказали ноги (у Вали раньше и в большей степени). Три с лишним года Валю ежедневно мама или брат возили на велосипеде в школу и обратно. Ходить каждый день, преодолевая такое расстояние, она уже не могла самостоятельно. А спустя какое-то время, когда и брат заболел, возить в школу её уже стало некому. Учителя стали навещать её на дому. Они давали Валентине задания по всем предметам, она самостоятельно всё учила и отвечала на задания, а потом сдала выпускные экзамены за школу. Она была отличницей по всем предметам.

Валина мама едва успела всё это рассказать нам. Прошло не более 15 минут, как Валя уже весело махала нам из дома рукой и звала нас в избу, она готова была отвечать по билету. Ответ её был блестящим — грамотная речь, логично выстроенные полные и глубокие ответы на все вопросы билета первого экзамена. Так же легко и без проблем, с радостным настроением был сдан и второй экзамен. По двум предметам Валентина получила отметки «отлично». В Брест провожали нас всей семьёй, Валя — в избе, а Василий и мама — за калиткой.

Через неделю уже с другими преподавателями мы приехали к Вале принимать госэкзамены по русскому языку и литературе. И вновь она удивила нас всех своими блестящими ответами по двум предметам. Она хотела рассказать много выученных наизусть стихотворений, высказать свои мысли о творчестве того или иного писателя. Она и мы вместе с ней были счастливы от этой непринуждённой обстановки и от отличных ответов студентки-выпускницы.

После всех формальностей, многочисленных подписей, вручения Валентине диплома об окончании института, заранее под-

готовленного и заверенного в деканате, Валя вдруг погрустнела и с тревогой в голосе спросила нас: «А что же дальше? Как и чем мне дальше жить?». Ответ на её вопрос нашёлся сам собой: «В аспирантуру, конечно!».

Но как осуществить задуманное, живя в глубинке района, где нет никакой прямой транспортной связи даже с районным центром Пинском, не говоря уже о Бресте и тем более о столице, где на то время были сосредоточены все научные центры республики, где, возможно, Валя могла бы учиться в аспирантуре? Как и кто может отвезти её в Минск и организовать встречу с нужным научным заведением?

Валя всё это хорошо понимала, но без учёбы она уже не мыслила свою дальнейшую жизнь. Но цель была поставлена, и Валя, полная решимости, стремилась эту цель осуществить, во что бы то ни стало.

Начался второй этап нашего знакомства, переросший в дружбу. Тогда, в пору СССР, Советской власти люди свято верили, что при желании можно горы свернуть, что им обязательно помогут в достижении поставленной цели, нужно только обратиться в партийные органы, где тебя внимательно выслушают и окажут нужную тебе помощь.

Было решено, что семье для начала нужно переехать в Пинск. Проблему переезда всей семьи Локун в город я взяла на себя, подключив в помощь своего дорогого мужа — Сатинова Юрия Николаевича, который на то время работал вторым секретарём Брестского РК КПБ. Сам — дитя войны, Юрий Николаевич глубоко прочувствовал судьбу семьи Локун. Он нашёл понимающих и поддержавших его людей и с помощью своих товарищей помог семье переехать в Пинск, где им вначале выделили квартиру в панельном, холодном доме на первом этаже, где все окна выходили на север. Там они прожили два года, и только стараниями моего мужа в 1976 г. семья поменяла эту квартиру на трёхкомнатную благоустроенную, приобрела инвалидную коляску. Кроме этого их поставили на бесплатное медицинское обслуживание на дому, подключили квартиру к телефонной связи, сделали много всего для удобства и комфорта жизни всей семьи. Семью окружили внима-

нием молодёжных организаций, прессы, доступностью медицины, торговли, других служб.

Вопросами связей с научными центрами, с аспирантурой, научным руководителем и прочими занимались преподаватели кафедры. Поездки Вали в Минск помогали организовать преподаватели института, а также партийные и комсомольские органы города Пинска. Впоследствии Валя стала работать старшим преподавателем Брестского педагогического института им. А. С. Пушкина и уже к ней домой приезжали студенты-заочники.

А я с согласия, с помощью и поддержкой Лидии Александровны Муриной, декана психолого-педагогического факультета, которая ранее работала в Пинске и имела широкий круг знакомых, готовых помочь семье, чем только возможно, организовала приезд Валентины к нам на факультет (он в ту пору размещался в здании теперешнего краеведческого музея) для встречи со студентами, которые жаждали увидеть воочию такого пламенного борца за жизнь, просвещение и науку, каким была Валентина Ивановна Локун.

Встречу со студентами в институте организовали члены Брестского обкома ВЛКСМ, а «транспортную доставку» Вали обеспечил водитель директора Главполесьеводстроя. К сожалению, я не помню их имён и не имею каких-либо данных, но всегда с благодарностью вспоминаю юношу — водителя машины, который забрал Валю из машины и на своих сильных руках принёс в зал, где проходила встреча. После встречи он отнёс её обратно в машину и отвёз домой. Он же, как правило, доставлял Валю в Минск, а в нужную аудиторию БГУ им. В. И. Ленина в Минске, где Валя училась в аспирантуре, её на руках носил Леонид Лознюха.

Итак, наша встреча с Валентиной на педагогическом факультете... Полный зал студентов, которые стоя и овациями встретили Валю, а она светилась от счастья встречи со своими молодыми сверстниками впервые в жизни в учебной аудитории института. Принципиально она отказалась сидеть за столом и вела беседу стоя. Невозможно даже представить себе, как ей было это нелегко! Она рассказывала публике о себе, своей семье, учёбе, отвечала на многочисленные вопросы и всем своим видом и тем, как говорила, заряжала студентов своей жизненной энергией и оптимиз-

мом, была для них ярким примером, которому хотелось подражать. В конце встречи студенты подходили и дарили Вале цветы, конфеты, слова благодарности и полные счастливой радости улыбки.

Не помню точно, но, кажется, именно на этой встрече я передала Валентине портрет Петра Ильича Климука с дарственной надписью: «Валентине Локун. С уважением к Вашему мужеству. Лётчик-космонавт СССР Пётр Климук». На обратной стороне фотографии он выразил слова восхищения и благодарности Вале за её мужество и стойкость с пожеланиями счастья в жизни. Этот портрет Пётр Климук надписал Вале собственноручно и просил передать ей слова восхищения и поддержки. Фотографию он передал через моего мужа мне, а я передала её Валентине. Так мне хотелось поддержать её морально.

Об успехах в жизни и науке Валентины Ивановны Локун знают многие бывшие и нынешние студенты. Она, как маяк, показывает дорогу жизни к свету, разуму и науке, всей своей жизнью являя яркий пример.

Спасибо составителям сборника, что вспомнили обо мне, а я вновь испытала чувство гордости и счастья, что мне в жизни посчастливилось встретить и знать такую неординарную личность, как Валентина Локун — яркую личность в белорусской науке и гордость полесской земли! Светлая ей память. Она прожила достойную жизнь и тихо ушла вслед за своей мамой. Остался её брат Василий. Ему, конечно, приходится в жизни трудно, но он стойко борется за жизнь и с гордостью несёт память о своей знаменитой сестре.

Благодарю за инициативу, спасибо за память!

г. Брест, август 2019 г.

Міхась Пазнякоў

Чалавек шчырай, таленавітай душы

Валянціна Іванаўна Локун... Гэтую абаяльную, інтэлігентную, таленавітую жанчыну згадваю заўсёды з асаблівай павагай і прыемнасцю. Дасведчаная, уважлівая, простая і шчырая ў размове, яна здзіўляла шырынёю творчых інтарэсаў, глыбінёю разважанняў, адметнасцю адухоўленай душы. І ў кватэры, дзе яна жыла, панавала атмасфера працавітасці, добразычлівасці, радаснай зацікаўленасці гасцямі.

Мне пашчасціла сустракацца і размаўляць з Валянцінай Іванаўнай некалькі разоў. Працуючы ў рэдакцыі літаратурна-мастацкага і грамадска-палітычнага часопіса «Нёман», мы, кіраўнікі выдання, плённа супрацоўнічалі з вядомымі пінскімі літаратарамі: Валерыем Грышкаўцом, Юрыем Саланевічам, Мікалаем Елянеўскім, Анатолем Шушко, Марыяй Ляшук, і, безумоўна, з Валянцінай Іванаўнай Локун.

Не магу не прывесці некалькі цытат з яе выдатных літаратуразнаўчых артыкулаў. Так, разважаючы пра творчасць І. Шамякіна ў артыкуле «Іван Шамякін: у пошуку маральнага ідэалу» (Нёман. 2003. № 10), яна слушна заўважае: «Любоў уратуе чалавека, а праз яго і ўвесь род людскі, — такі вывад маральных пошукаў Івана Шамякіна…».

Разглядаючы творчасць вядомых беларускіх празаікаў К. Чорнага, М. Лынькова, І. Чыгрынава, М. Гарэцкага, В. Быкава, У. Гніламёдава ў кантэксце сусветнай прозы, даследчыца робіць вывад: «Мадэль хрысціянскага ўладкавання свету — важнае дасягненне сучаснай літаратуры, у тым ліку і ваеннай, як адной яе састаўной часткі».

Валянціна Іванаўна была не толькі нашым выдатным аўтарам, літаратуразнаўчымі артыкуламі якой зачытваліся падпісчыкі часопіса, але і кансультантам. Асабліва пры падрыхтоўцы спецыяльных нумароў, прысвечаных творчасці літаратараў Брэстчыны. Падчас

прыездаў у Пінск па рэдакцыйных і іншых творчых справах, мы, супрацоўнікі «Нёмана», безумоўна, не маглі абмінуць кватэру гасцінных Евы Аляксандраўны, Валянціны Іванаўны і Васіля Іванавіча Локунаў. Нас сустракаў дух непаўторнай душэўнасці, сапраўднага творчага свята, непадробнай сяброўскай узаемапавагі і ўзаемаўдзячнасці. Валянціну Іванаўну цікавіла і хвалявала ўсё: стан развіцця літаратурнага працэсу ў Беларусі, творчае грамадскае жыццё, напоўненасць рэдакцыйнага партфеля, сувязь рэдакцыі з дзяржаўнымі структурамі, з грамадскасцю, чытачамі. І нас заўсёды здзіўляла яе дасведчанасць, вартыя прапановы і заўвагі, парады і нечаканыя ідэі. Яна ніколькі не была адарванай ад шырокай літаратурнай плыні, як у нашай краіне, так і ў Расіі, у блізкім і далёкім замежжы. Ёй вельмі па душы былі нашы творчыя праекты, звязаныя з сучаснай літаратурай Расіі. Уразіў яе наш «Пісьменніцкі цеплаход» — паездкі пісьменнікаў Мінска і Піншчыны на цеплаходзе па Піне і Прыпяці з творчымі выступленнямі, выхадамі на бераг...

Надзвычай хораша было абмяркоўваць з Валянцінай Іванаўнай новыя кнігі, выдатныя сучасныя творы. Як высокапрафесійны літаратуразнавец і крытык тут яна была нібы рыба ў вадзе. Заўсёды па-добраму я зайздросціў яе шырокаму і разнастайнаму кругагляду, зацікаўленаму стаўленню да літаратуры, арыгінальных творчых знаходак. Памятаю, як захоплена яна гаварыла пра эпапею Уладзіміра Гніламёдава, пра яго раманы «Уліс з Прускі» і «Усход». І рабіла прыемную выснову: «Нарэшце ў беларускай літаратуры з'явіўся важкі, магутны твор, які адлюстроўвае вялізны і малавядомы пласт народнага жыцця…».

У адну з сустрэч я падараваў шаноўнай Валянціне Іванаўне сваю кнігу вершаў «Святое правіла», выдадзеную ў выдавецтве «Мастацкая літаратура». Яна адразу пачала чытаць яе. Першыя два вершы грамадзянскага гучання, крыху пафасныя, прабегла моўчкі. А на трэцім «Добры дзень, радзіма» засяродзіла ўвагу.

Пачала цытаваць: «Расхіну ў лагчыне Туманоў кудзель І адчую сініх Незабудак хмель...

— Во! Гэта — паэзія, гэта кранае, вось так і пішыце, Міхась, — пра роднае, дарагое, перажытае, прапушчанае праз сэрца. Такія вершы закрануць душу, будуць жыць…».

І сягоння ўспамінаю В. І. Локун з усведамленнем значнага ўкладу яе ў развіццё літаратуразнаўчай справы, як чалавека высокай, прыгожай душы. І мне было надта прыемна ў адзін з прыездаў у Пінск уручыць пісьменніцы ад імя кіраўніцтва нашага творчага саюза вышэйшую ўзнагароду Саюза пісьменнікаў Беларусі — медаль «За вялікі ўклад у літаратуру».

г. Мінск, снежань 2019 г.

Нина Чайка

И было лето 2005 года

В журнале «Нёман» вовсю бушевали страсти. Мы достигли почти пятитысячного тиража. Дальше расти было нереально, и мы это прекрасно понимали. Задача стояла одна: удержать тираж на таком уровне и идти дальше по пути повышения интеллектуального содержания издания. И, безусловно, важно обязательно сохранить его авторитет в литературном мире, для чего необходимо привлекать лучшие творческие силы Украины, России, а главное, собрать около себя наших родненьких писателей, поэтов, литературных критиков, которыми полнятся белорусские города и веси...

И что же мы придумали в результате... Вы не поверите, а сегодня даже представить это невозможно: ночь поэзии на белорусском телевидении. Понятно, идея эта больше всех понравилась нашим редакционным поэтам, они готовы были уже приступить к написанию сценария. Основная организационная работа, конечно же, легла на меня, как специалиста, отдавшего сорок лет жизни Телерадиокомпании. Я с превеликой радостью приняла на себя эту обязанность. Но... Гладко было на бумаге, но мы совсем забыли про овраги. А они оказались непреодолимыми. И таким оврагом стало для меня родное когда-то телевидение. Ничего у нас с этим проектом не получилось. Но выход мы, конечно, нашли и, как нам тогда казалось, он был даже удачнее первого варианта.

Писательский теплоход

Александр Гордич, председатель Пинского горисполкома, встретил меня с неподдельным любопытством. Ну-ну, что там вы напридумывали в Минске. И я подробно рассказала ему о том, что мы хотели бы в Пинске основать новую, доселе невиданную традицию Союза писателей Беларуси, и что именно его любимый город может прославиться не только в Беларуси, но и на всём постсоветском пространстве, потому что такого ещё нигде никогда

не было. Представляете, убеждала его: в конце лета к вам съедутся известнейшие писатели со всей страны, пригласим и совсем молодых, соратников по писательскому делу из ближнего зарубежья. Сядем на пароход и поплывём по Припяти, может, и до границы с Украиной доберёмся. Общение в такой необычной обстановке не может не сказаться на творчестве начинающих, а для пинчан встречи с писателями в студенческих аудиториях, школах города придадут событию ещё большую значимость.

Удивительная эта земля, которая ещё помнит пинскую шляхту, и до сих пор общество в некоторых местечках условно делится на сословия. Не злобно, а так просто помнит и всё... Об этом мне рассказывала Мария Ляшук, член нашего Союза писателей, активный автор «Нёмана», в то время редактор городской газеты «Пінскі веснік». На неё также выпала ответственность за организацию «писательского парохода». Мы — в Минске, она — в Пинске.

А в каком ещё городе можно осуществить эту затею, кроме Пинска, раскинувшегося на берегу широкой, полноводной Припяти и сохранившего глубинные традиции, о которых писал в своём романе Николай Еленевский, а также Юрий Солоневич. Уговаривать Александра Александровича долго не пришлось. Он тоже загорелся этой идеей, согласился на пилотный проект, а там посмотрим, как всё пойдёт, заметил он мудро, может, и получится что-то красивое и полезное.

С писателями Пинщины у «Нёмана» к тому времени завязалась нешуточная дружба. На страницах журнала печаталась проза Николая Еленевского, Юрия Солоневича, рассказы Марии Ляшук, стихи Валерия Гришковца, статьи Валентины Локун, старшего научного сотрудника Института литературы имени Янки Купалы Национальной академии наук Беларуси. Мы даже подумывали, не выйти ли нам с предложением в президиум СПБ о создании самостоятельного отделения Союза писателей Беларуси Полесского региона. Настолько мощной была писательская суполка, такой она остаётся и сейчас...

Поскольку это был пилотный проект, мы в Минске его особенно не афишировали, поехали втроём: Михаил Поздняков, Наталья Костюченко и я.

Встреча на вокзале, первые приветствия, знакомства и нескрываемое внутреннее волнение, хотя, казалось, всё было оговорено, распланировано, обсуждено многократно по телефону. На другой день все собрались на причале, где нас уже ждал теплоход «Витебск», самый лучший, сохранивший свою былую красоту и внутренний комфорт. В капитанской рубке стоял Василий Васильевич Гацевич. Он приветствовал нас пароходным гудком, и что ещё добавилось к нашим ярким воспоминаниям — всем желающим позволил постоять за штурвалом судна. Вышли в рейс хотя и утром, но ближе к полудню, а возвращались в город, когда природа накрыла красками заходящего солнца наш обратный путь. До границы с Украиной мы так и не добрались.

Теперь непросто вспомнить, что волновало нас больше всего: творческие разговоры, стихи, споры на литературные темы, о состоянии белорусской литературы и её месте во всемирном контексте. Или умиляли небольшие пристани на всём пути, служащие остановочными пунктами на единственной дороге, соединяющей между собой небольшие полесские деревеньки, раскинувшиеся по обоим берегам реки. Огорчало только одно — с нами не было Валентины Ивановны Локун.

Если бы Валентина Ивановна была среди нас, спор о творчестве известных литературных классиков и влиянии всемирной литературы на творчество современных белорусских писателей был бы более глубоким, профессиональным и носил, хочу это особенно подчеркнуть, академический характер. Но её с нами не было. До сих пор укоряю себя, что в суете подготовительной работы мы не сумели продумать, может, самый важный вопрос — присутствие Валентины Ивановны на теплоходе. Уверена, эти воспоминания согревали бы её гораздо сильнее и глубже, чем все наши вместе взятые. Особенно остро ощутила свою вину, прочитав первые строки из автобиографии Валентины Ивановны «Узняцца да лёсу чалавечага»...

«Нарадзілася я на Палессі — у невялічкай вёсачцы Цепянец, што на Піншчыне. Назва вёскі (па-руску Тепенец) хутчэй за ўсё паходзіць ад слова "топь", або багна, па-беларуску. Праўда, да сярэдзіны XX стагоддзя балоты крыху адступілі ад самой вёскі,

але вады, асабліва па вясне было шмат. Яна віравала не толькі ў ваколіцы, але і ў гародах, перакрывала дарогі. Трэба было доўга чакаць, пакуль яна ўступіць у зямлю або сцячэ ў яшчэ больш нізкае месца. Затое як прыгожа было напрыканцы красавіка ці на пачатку мая, калі цвіла чаромха, а пасля зацвіталі сады!».

И эти воспоминания согревали её большую часть жизни, потому что природу она могла видеть только из окна второго этажа.

В автобиографическом рассказе в каждой строке звенит жажда познаний, которая охватила в те послевоенные годы не только её, но и многих сельских детей, и это объясняет то удивительное явление, что белорусская литература, наука, искусство — всё прирастало тогда именно выходцами из деревенек и хуторов, в изобилии раскинувшихся по всей Беларуси.

...День наш был насыщенным, полным впечатлений от увиденного, переговоренного, переспоренного, особенно радовало настроение наших пинских коллег, их очевидный душевный и творческий подъём. Расставались, в мыслях надеясь на очередную встречу.

Печаль её светла

А вечером того же дня по приглашению Валентины Ивановны мы провели несколько часов в обстановке, которая помнится до сих пор. Настолько она была тёплой, радостной, наполненной глубокого духовного смысла. Ни до, ни после я не испытывала такого душевного подъёма. Тихо хлопотала мама Ева Александровна, с интересом наблюдал за нашим разговором брат Василий Иванович. Смущение и неуверенность улетучились мгновенно. В кресле сидела красивая, умная женщина, её глаза излучали доброту и внутреннее нетерпение. Видимо, и она с интересом ждала встречу с нами, ведь не каждый день бывают в их доме гости из Минска, к тому же из журнала, на страницах которого она печаталась с 1978 года. Поначалу говорили обо всём и взахлёб, словно примеряясь в разговоре друг к другу. Но потом, конечно, перешли на более конкретные темы, и они снова увели нас в её далёкое детство.

«...Пасля шостага класа захварэла на ногі. Школу прыйшлося пакінуць. Прадоўжыць вучобу змагла толькі праз тры гады —

у Пінскай завочнай школе. Сёмы і восьмы клас здала за адзін год. А праз тры гады — у 1966 годзе — атрымала і атэстат — з залатым медалём.

Хацелася вучыцца далей. Апантана любіла кнігі. Чытаць магла суткамі. Але дзе было ў вёсцы тыя кнігі дастаць? У Цепянцы бібліятэкі не было, сябры прыносілі з Малоткавічаў, з раённай бібліятэкі, па тым часе яна была прыстойна ў камплектацыі. Адно дрэнна, там амаль адсутнічала замежная літаратура.

Рызыкнула падаць дакументы ў Брэсцкі педінстытут. Мне пашанцавала: там з разуменнем аднесліся да маёй заявы, і ў тым жа 1966 годзе я без уступных экзаменаў (адыграў сваю ролю залаты медаль) была залічана на першы курс філалагічнага факультэта завочнай формы абучэння. Абрала, зразумела, рускае аддзяленне, бо па праграме завочнай школы беларуская мова і літаратура лічыліся прадметамі неабавязковымі…».

Прошу читателей не упрекать меня в цитировании объёмных отрывков из биографии Валентины Ивановны. Лучше её самой никто не сможет рассказать о становлении замечательной личности. Вряд ли в белорусской литературной историографии можно ещё найти подобный пример мужества и таланта, который, как мне кажется, не до конца был оценён. В ней абсолютно и органично совпал художник и человек.

А ведь человек рождается с определённой миссией. С точки зрения метафизики он не осознаёт это. Но когда миссия им выполнена, его призывает вечность. А случай может быть любой...

Я очень приблизительно привожу эту мысль, принадлежащую Льву Николаевичу Толстому. А вот и примеры...

В 1990 году Виктор Цой пропел, прокричал: «Мы ждём перемен». Погиб при странных обстоятельствах 15 августа 1990 года.

1991 год. Игорь Тальков безжалостно бросил со сцены оцепеневшим от его мужества и смелости: «Родина... Ты сошла с ума». Убит во время концерта 6 октября 1991 года.

1992 год. Юрис Подниекс в своём фильме «Легко ли быть молодым» задал нам всем вопрос: «Каково это сейчас быть человеком». Будучи отличным пловцом, утонул в озере Звиргзд 23 июня 1992 года.

А впереди уже маячил 1993 год. Расстрел Верховного Совета Российской Федерации, разгон Съезда народных депутатов.

Вернусь к этой мысли в конце статьи, когда ещё раз попрощаюсь с удивительной женщиной, прожившей прекрасную, полнокровную жизнь, ставшую примером для всех, кто знал её, любил за верную дружбу, за тот пример величайшего мужества, за силу воли, не позволившую ей озлобиться, впасть в отчаяние. Это же я отношу и к её брату Василию, и маме, тихому ангелу-хранителю двух её любимых детей, обделённых простыми человеческими радостями.

«Студэнцтва... Гэта былі лепшыя гады ў маім жыцці! Нарэшце я была далучана да вялікай літаратуры. Усур'ёз захапілася І. Тургеневым. Тады мы ўсе былі рамантыкамі. Марылі ратаваць чалавецтва ад гідры капіталізму. Мы праглі подзвігаў. І агульны пафас тэкстаў І. Тургенева быў сугучны маёй унутранай настроенасці. Я хацела быць адначасова такой, як Джэма і Адзінцова. Я цалкам падтрымлівала думку Базарава, што "прырода не храм, а майстэрня, і чалавек у ёй гаспадар". А мова І. Тургенева! Гэта ж сапраўдныя вершы ў прозе! Такой "празрыстай" і музычнай яна была хіба што яшчэ ў А. К. Талстога — аўтара "Князя Сярэбранага"... Адмаўляла Л. Талстога, лічыла яго абсалютным антыподам І. Тургенева. Асабліва ролі жанчыны ў грамадстве. Ці магла тургенеўская жанчына, мэтаскіраваная, барацьбітка па духу, ідэйна непахісная, адданая да скону аднаму каханаму, задаволіцца роллю жонкі і маці? Як Наташа Растова, якой так захапляецца Л. Талстой. Яшчэ і года не прайшло пасля смерці князя Балконскага, а яна нараджае ад П'ера Бязухава дзіця і пачувае сябе самай шчаслівай на зямлі.

Л. Талстой абмежаваў сацыяльную сферу жанчыны сям'ёй, мацярынствам. І. Тургенеў жа ўводзіў у гэтую сферу грамадскія стасункі...

І яшчэ пра кнігі. Чамусьці лічылася, што маёй настольнай кнігай з'яўляецца раман "Як гартавалася сталь" М. Астроўскага. Такую думку найчасцей выказвалі журналісты. І гэта мяне заўсёды раздражняла. Ну які ж герой з Паўкі Карчагіна? Жыццё яго заганяла ўсё далей у вугал, а ён замест таго, каб годна пайсці ў іншы свет, працягваў за гэта жыццё чапляцца. Другімі словамі, Паўка не

сам выбіраў свой лёс, ён толькі падпарадкоўваўся яму. Зусім іншае Овад Э. Л. Войніч. Вось сапраўдны герой. Як той Сотнікаў будзе пасля ў В. Быкава. Овад сам выбіраў свой жыццёвы шлях. Сам ставіў сабе задачу і ўмовы яе вырашэння. І пры гэтам ні на ёту не адступіў ад сваёй мэты-ідэі».

Очень длинная цитата. Но неужели вы не увидите в ней саму Валентину Ивановну? Это же она пишет о себе, о своей судьбе. Так откровенно и искренне ассоциируя её с судьбой любимых героев. И жизнь, и творчество она построила словно под лекала всех тех, кто не сломался и до конца был верен предначертанному.

Да, Валентина Ивановна не выбирала судьбу. Судьба выбрала её. Но на те цели, те творческие задачи, которые она определила для себя, судьба благосклонно дала ей достаточно времени, чтобы всё это осуществить.

... Вот уже и выпит чай, и пора покидать гостеприимный дом, а разговору нет конца. Меня давно интересовала тема: женский образ в белорусской литературе. Что касается русской литературы, поняла, наше представление абсолютно одинаково. Начиная с «Бедной Лизы» Карамзина их было немало... Анна Каренина, Наташа Ростова, Аксинья! У Ивана Мележа — Ганна, у Янки Купалы — Бондаровна...

Разговор пошёл по новому кругу. Валентина Ивановна посетовала, что, будучи старшим научным сотрудником Института литературы имени Янки Купалы вот уже двадцать лет, обязана работать по плану, утверждённому руководством института. Тема эта нет-нет да и появлялась в её личных планах. Но это так, можно сказать, для себя. Может быть, она выберет время и займётся ею. Уж больно всё серьёзно и, насколько она знает, опереться не на что. Придётся быть первопроходцем, и не знает, хватит ли просто ей физических сил.

В 1973 году началась творческая жизнь Валентины Ивановны. В «Полесской правде» была напечатана статья, содержание которой было глубоко символичным — «Не обедняйте свой духовный мир» и последняя публикация в 2018 году — «Творчы партрэт пісьменніцкай суполкі: бібліяграфічны даведнік Брэсцкага абласнога аддзялення Саюза пісьменнікаў Беларусі». Это своеобразная

благодарность коллегам за то внимание, которым столько лет была окружена, за верную бескорыстную помощь, за искреннюю дружбу, а между этим более ста научных работ, внёсших большой вклад в науку. Валентина Ивановна, как никто, проработала тему творческой связи представителей литератур Запада, России и родной Беларуси. И в этом её невероятная заслуга перед белорусской литературой.

Но осталась ещё одна тема. О ней она сказала вскользь, и, как бы спохватившись, сразу постаралась (уже не помню, какой мыслью) перевести наше внимание на другую тему. Но я встретилась с её взглядом и увидела в нём всё то космическое страдание, о котором невозможно ни рассказать, ни высказаться, потому что таких и слов нет на земле.

Расставаясь, мы пообещали, что на следующий год Валентина Ивановна будет обязательно с нами на писательском теплоходе. Она мило улыбнулась: «Хорошо бы!».

Но на следующий год закончилась моя работа в журнале. И пилотный проект — «Писательский теплоход» так и остался в единственном экземпляре...

Напоследок хочу сказать слова бесконечной благодарности и низко поклониться Еве Александровне, маме Валентины Ивановны, и Василию Ивановичу, брату, — всей этой удивительной семье, которая смиренномудренно и с большим достоинством прошла по жизни, положив на алтарь своё личное во имя труда и научных открытий талантливой дочери и сестры, и поэтому она смогла и выполнила всё предначертанное судьбой.

А впереди было новое лето...

г. Минск, декабрь 2019 г.

Елизавета Семёновна Голод

Моя Валечка

Невозможно писать о Валечке в прошедшем времени, потому что она всегда в моей памяти, в моём сердце...

Лето 1962 года. Пинская городская больница, где я работаю медсестрой неврологического отделения. По коридору идёт, держась за стену, хрупкая, тоненькая, почти прозрачная, белокурая девочка. Шажок, ещё шажок... Каким же длинным казался ей путь из палаты в процедурный кабинет, но она упорно шла, отказываясь от помощи...

Однажды, во время ночного дежурства, обходя палаты, я услышала приглушённый плач. Подошла, присела на край кровати. Валечка безутешно плакала... Сердце сжалось от боли, ведь совсем ребёнок, 14 лет! Успокаивала, как могла, гладила по головке. А у неё сквозь слёзы одни вопросы: «Как жить, как учиться, ведь я не смогу ходить в школу!». Боль и отчаяние... Надо срочно что-то делать! И на следующий день я принесла Вале книгу «Овод». Она её прочитала очень быстро. Потом были книги «Повесть о настоящем человеке», «Как закалялась сталь» и другие.

Вечерами, когда все спали, мы тихонько обсуждали прочитанное, мечтали и строили планы... Мы обе верили в силу духа советского человека, который может преодолеть любые трудности. Я убеждала Валю, что всё будет хорошо, обещала стать врачом и вылечить её. Но Валя нуждалась в лечении незамедлительно. Я начала спрашивать у врачей, чем можно вылечить Валю, какие есть дефицитные новые лекарства. Писала в Центральное аптекоуправление в Москву, подруге в Ленинград и вскоре получила заветные коробочки с ампулами. Но болезнь только прогрессировала, ноги с каждым днём слабели.

Приближалось начало учебного года, и неотступно преследовал вопрос: что делать? До школы далеко, а учиться надо! Я обратилась в Пинский райком комсомола, меня направили в районный

отдел народного образования, где помогли — Валя стала ученицей заочной школы. Тем временем я, как и обещала Вале, поступила в мединститут и искала преподавателей, знающих о миопатии, Валиной болезни. Прогноз был неблагоприятный... Но, как известно, надежда умирает последней. Хотелось верить, что появятся новые лекарства...

Мы с Валей постоянно переписывались. Всё у неё было хорошо, она успешно училась. И вдруг получаю письмо, полное отчаяния: «Я получила золотую медаль и зачем она мне? Что мне делать, если я не могу ходить, не могу дальше учиться, работать? Зачем всё это надо было мне?». И тут я сама растерялась, я почувствовала свою ответственность перед Валей. Я написала письмо в «Комсомольскую правду», описала Валино состояние, её необыкновенные способности к литературе. Вскоре пришёл ответ, может быть, судьбоносный, поэтому приведу его полностью: «Уважаемая тов. Голод! Ваше письмо редакция направила в Министерство высшего и специального образования БССР с просьбой оказать помощь В. Локун в поступлении на заочное отделение вуза. О результатах рассмотрения Вам сообщат. М. Смирнова, отдел писем редакции газеты "Комсомольская правда". 30.02.1966 г.». И Валечка к обоюдной нашей радости стала студенткой Брестского пединститута.

Шли годы... Я всегда получала от Вали письма бодрые и жизнерадостные, очень скромно писала о своих достижениях, о вышедших в свет статьях, книгах. Она всегда интересовалась больше моей жизнью, жизнью моей семьи.

В один прекрасный день 1984 года я получаю бандероль от Вали с авторефератом диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Ехать на защиту я решила однозначно! «Отпросилась» дома и на работе и лечу в Минск. В день защиты подъезжаю к Минскому пединституту, иду через площадь и вижу, как впереди останавливается автомобиль и молодой мужчина на руках выносит женщину, заходит с ней в здание института. Меня охватывает волнение, слёзы текут по щекам, я бегу следом, теряя по пути розы из шикарного букета... В аудитории я села в последних рядах, надеясь, что Валя не увидит меня и не расстроится.

Ведь мы не виделись много лет. Она увидела и её возглас «Елизавета Семёновна!» прозвучал на всю аудиторию. Я бросилась к ней со словами: «Я здесь, Валечка!». Мы обнялись и обе плакали... Кто-то плакал рядом с нами. Кто-то нас разнимал и мне выговаривал: «Кто вы, что вы делаете! У Валентины Ивановны сейчас защита, ей нельзя волноваться!»...

Защита прошла успешно. Потом был банкет, где красивая Валечка в голубом платье и белых туфельках принимала поздравления. Она смущалась от хвалебных речей, но сама сказала много приятных и благодарных слов всем, кто ей помогал в жизни, никого не забыла! Вот такая она, моя Валечка!

Пройдя тяжелейший путь от больничной палаты, имея тяжёлое неизлечимое заболевание, достигла вершин учёного! Помогая другим, много работая, она осталась скромной, простой, помнящей добро и очень благодарной всем людям, помогавшим ей.

Была у нас ещё одна встреча с Валей, когда я организовала экскурсионную поездку учащихся класса, в котором учился мой сын, в Брестскую крепость и город Пинск. Нас гостеприимно встретили Валя и её мама Ева Александровна. Валя рассказала о своей жизни, о работе и своих планах и вспомнила всех, кто ей помогал. Она интересовалась жизнью детей из далёкого Зернограда Ростовской области, спрашивала, какие книги они читают. Судьба Вали никого не оставила равнодушным. Вернувшись домой, дети написали сочинение на тему: «В жизни всегда есть место подвигу». А ведь на самом деле, жизнь Вали — это подвиг.

Я свято храню Валины книги, её фото, письма, альбомы о Пинске и о Полесье, которые она мне присылала. Моя семья, мои коллеги и друзья — все знают о Вале и чтят память о ней.

Я благодарна судьбе за то, что в моей жизни была Валя! Благодарна Василию Ивановичу за то, что печатал для меня Валины письма и сейчас находит время писать мне.

Израиль, апрель 2019 г.

Ганна Мікалаеўна Бажко (Вайшэвіч)

Мы родам з Палесся

На зямлі не стала незвычайнай, прыгожай, разумнай, з цяжкім жыццёвым лёсам Валянціны Іванаўны Локун, якая ўсё жыццё аддала служэнню роднай літаратуры. І мне, як сяброўцы дзяцінства і юнацтва, хочацца расказаць усім, якой жа была Валянціна, як жыла, чым цікавілася, аб чым марыла, чаго дасягнула ў сваім жыцці.

Нарадзілася яна ў невялічкай ціхай вёсачцы Цепянец Пінскага Палесся. Жыла ў звычайнай сялянскай сям'і. З самага дзяцінства побач з ёю рос старэйшы на два гады брацік Васілёк, які быў яе апорай, абаронай, адданым і верным памочнікам у жыцці. Яна моцна любіла і цаніла брата. Сваю любоў да яго Валя пранесла праз усё жыццё.

У вёсцы была маленькая пачатковая школа. З вялікай радасцю і натхненнем яна бегала ў школу. У першы клас яна прыйшла ўжо падрыхтаванай, бо, калі брат выконваў дамашнія заданні, яна сама каля яго навучылася чытаць і пісаць. У руках у яе заўсёды была кніга. З дзяцінства марыла стаць настаўніцай, заўсёды дапамагала тым, хто адставаў у вучобе. Цаніла дружбу, умела расказвала розныя гісторыі, якія вычытвала ў кніжках сама ці пачула ад старэйшых. У вёсцы Цепянец Валя скончыла чатыры класы. А далей хадзіла ў Малоткавіцкую сярэднюю школу за 7 кіламетраў ад хаты. У вольныя ад школы хвіліны, як і ўсе дзеці, бегала, весялілася, была арганізатарам дзіцячых гульняў і забаў. Але ўсё гэта было толькі да сёмага класа.

Пасля шостага класа Валя не змагла хадзіць у школу. Праляжаўшы доўгі час у бальніцах, праз тры гады яна прадоўжыла адукацыю ў Пінскай завочнай школе. За адзін год скончыла два класы — сёмы і восьмы. Кантрольныя і экзамены ў яе прымалі настаўнікі Малоткавіцкай школы, дзядуля запрагаў калгаснага коніка і прывозіў Валю ў школу. Нам таксама шанцавала ў гэты дзень, бо

і мы пад'язджалі разам з імі. Настаўнікі ставіліся да яе прыхільна, перадавалі школьнікамі з нашай вёскі ўсё, што было ёй вельмі патрэбна. Пінскую завочную школу Валя скончыла з залатым медалём і без экзаменаў паступіла ў Брэсцкі педагагічны інстытут імя А. С. Пушкіна на філалагічны факультэт, рускае аддзяленне завочнай формы навучання. Тут ужо выкладчыкі інстытута ўсе пяць гадоў прыязджалі прымаць залікі і экзамены ў вёску, па чатыры-пяць чалавек адразу, але гэта не перашкаджала ёй здаваць усё толькі на выдатна.

У іх хаце на той час размяшчалася калгасная прафсаюзная бібліятэка, якой загадвала Валя. Чытачоў было многа. Дапамагаў Валянціне іх абслугоўваць яе брат Васіль. Тады ён ужо быў інвалідам на групе, абмежаваным у працаздольнасці. Каля іхняй сядзібы заўсёды, як цяпер кажуць, тусавалася моладзь і старэйшыя аднавяскоўцы. А ў выхадныя дні і ў святы з самага ранку да позняга вечара было заўсёды весела.

Але хвароба Валі і яе брата была невылечнай і ўвесь час прагрэсіравала. Пасля атрымання дыплома Валя паступіла ў аспірантуру БГУ імя У. І. Леніна. Тады і задумалася аб тым, што ў вёсцы далей вучыцца немагчыма і стала дабівацца кватэры ў горадзе Пінску. Знайшліся добрыя людзі ва ўладзе, яны дапамаглі атрымаць трохпакаёвую кватэру з усімі выгодамі ў Пінску ў 1974 годзе. Мама Ева Аляксандраўна адразу ўладкавалася на працу на камбінат верхняга трыкатажу.

Васіль увесь час дапамагаў Валянціне, быў у яе практычна сакратаром-машыністкай. Усё, што пісала Валя ад рукі, Васіль друкаваў на пішучай машынцы.

Кандыдацкую дысертацыю абараніла ў 38 гадоў. Працавала ў Інстытуце літаратуры Акадэміі навук Беларусі навуковым супрацоўнікам у аддзеле літаратурных узаемасувязей. Сумяшчала сваю працу ў Брэсцкім педінстытуце імя А. С. Пушкіна. Курыравала напісанне курсавых і дыпломных студэнтаў-выпускнікоў, якія прыязджалі на абарону сваіх работ на кватэру Валянціны ў Пінск.

Пісала рэцэнзіі на творы беларускіх і рускіх пісьменнікаў і друкавалася ў рэспубліканскіх часопісах. Навуковай працы яна аддала больш за 20 гадоў.

Нягледзячы на напружанасць працоўнага дня, Валянціна з вялікай радасцю і любоўю сустракала гасцей у сваёй кватэры. Валянціна — чалавек з вялікім сэрцам, добрай душою. З усмешкай старалася прыняць кожнага, хто пераступаў парог іх дома. Зойдзеш да яе ў пакой і адчуваеш сябе як дома. Тут цябе сустрэнуць, абнімуць, чаем напояць, да сэрца прыгалубяць. І пачынаецца доўгая размова пра жыццё, пра мінулае, пра планы на будучае. Валя праяўляла сваю прыроджаную інтэлігентнасць, умела размаўляць і з малымі, і з юнакамі, і са старэйшымі людзьмі. А пры размове з начальствам праяўляла такую карэктнасць, што дзіву давалася, слухаючы яе размову. Прыкаваная да ложка каля 30 гадоў, яна не страціла сваёй мудрасці, чалавечнасці і таленту, любові да жыцця.

Задумы і мары Валянціны збыліся амаль усе. Але галоўная мара яе — выйсці замуж, мець дзетак, сям'ю — не збылася. Пры размове адзін на адзін Валя расказвала, што кавалеры ў яе жыцці сустракаліся, якія прапаноўвалі ёй выйсці замуж. Але так, мабыць, распарадзіўся Бог.

Асобна, самыя цёплыя словы неабходна сказаць пра маму Валянціны Еву Аляксандраўну. Яна не кінула сваіх дзетак, не здала іх у інтэрнат, а ўсю сваю мацярынскую любоў, усё сваё жыццё прысвяціла Валянціне і Васілю.

Рабіла Валя любую справу з вясёлым і шчырым гумарам, любіла людзей і ведала ім цану, для многіх яна была і сябрам, і сястрою. І мы любілі яе мяккі голас, яе неачарсцвелую душу, добрае сэрца.

Некалькі слоў хацелася б сказаць пра наша сяброўства з Валянцінай. Самымі блізкімі сяброўкамі былі мы ў дзяцінстве. Бегалі, весяліліся, вяночкі з дзьмухаўцоў і валошак плялі, хваліліся абновамі пад Вялікдзень, у каго чаравічкі прыгажэйшыя, у каго сукенка даражэйшая, чыя мама куліч смачнейшы спякла, чый бацька яек больш «выбіў». У школу хадзілі з палатнянымі торбачкамі, насілі кашулі, пашытыя з даматканага сукна. А потым — сярэдняя школа.

3 нашай вёскі закончылі пачатковую школу у тым годзе толькі дзве дзяўчынкі: я (Аня) і Валя. І абедзьве марылі стаць настаўніцамі. З цягам часу сустрэчы рабіліся рэдкімі, у асноўным па выхад-

ных днях. Не мінала я іхняй хаты, калі вучылася ў педвучылішчы ў Пінску. Абменьваліся навінамі, вучобай, расказвалі пра сваіх настаўнікаў. Пасля педвучылішча я паехала працаваць у Ляхавіцкі раён Брэсцкай вобласці настаўніцай пачатковых класаў. Затым я выйшла замуж. Спачатку з мужам наведвалі сям'ю Валі. У нас былі агульныя інтарэсы, бо муж мой таксама быў філолагам, я вучылася ў Брэсцкім педагагічным інстытуце. Мы расказвалі Валянціне пра свае настаўніцкія і сямейныя справы, а яна дзялілася сваімі дасягненнямі ў літаратуразнаўстве. Цікавымі размовы ў Валі былі з маім мужам, бо к таму часу муж здаў кандыдацкі мінімум пры ўніверсітэце на факультэце беларускай літаратуры, а Валя збіралася паступаць у аспірантуру на факультэт беларускай літаратуры. А я вучылася ў Брэсце таксама на факультэце беларускай мовы і літаратуры. Абмяркоўвалі навіны з часопісаў, новыя выданні беларускіх пісьменнікаў.

Паколькі бацькі мае жылі ў вёсцы Цепянец, я з мужам і дзеткамі часта ездзіла ў госці да іх, мы стараліся па магчымасці наведаць і сям'ю Валянціны. Пры сустрэчы было відаць, што яна любіць дзетак. Дарыла ім сувеніры, частавала прысмакамі, умела размаўляць з імі, як з дарослымі. Праўда, у гэты час сустрэчы былі не такімі частымі, як раней. Але для размоў быў ужо тады тэлефон, па якім маглі пагутарыць, падзяліцца навінамі літаратурнага і асабістага жыцця.

Пражыла Валянціна Іванаўна нялёгкае, але годнае жыццё.

Знайшла яна пастаянны свой прытулак на роднай зямельцы. Ціхенька жыла і ціха пакінула нас.

Вечная памяць ёй, вечны спакой!!! З любоўю і вялікай павагай аднакласніца і сяброўка Ганна Бажко (Вайшэвіч), ураджэнка вёскі Цепянец Пінскага раёна Брэсцкай вобласці.

Май 2019 г.

Николай Александрович Лаврович

Памяти Валентины Локун

Сознанье сковано печалью, Беда нагрянула, как гром. С твоим уходом с болью, жалью, Кто знал тебя, скорбя живём.

Твой круг друзей был так огромен, Не только Пинск! Столица, Брест. Прости, что мир наш так устроен, Но ты несла свой в жизни крест.

Как много можно в честь тебя Сказать всего, что книга не вместила б, Но ты ушла, всех нас любя, И в сердце нас в своё впустила.

Пока мы живы, будут с нами Твой голос, имя и слова. И будет свет под небесами, И память светлая жива.

09.08.2016 г.

С нами всегда её светлое имя

Как часто мы укоряем себя в том, что надо было бы больше при жизни дорогого и близкого человека уделять ему внимания, интересоваться здоровьем, встречаться и хотя бы изредка связываться с ним по телефону или другими средствами.

Однако мало кто это делает. Причина всему — житейская суета, отсутствие так называемого свободного времени, и человек близкий, дорогой или просто знакомый остаётся один на один, сам с собой. А нам всё не хватает той минуты, чтобы радоваться вместе с ним жизни, почаще навещать его, жить его жизнью. Ну а потом, в минуты воспоминаний, когда он (она) уходит от нас в мир иной, мы начинаем корить себя, ловить на мысли и ругать себя, что надо было чаще бывать, звонить ему, говорить с ним, делиться с ним разными новостями, будь то из области культуры, литературы или просто житейскими и городскими, или просто всякой всячиной (это мои такие рассуждения по данной теме).

Но Валентина Ивановна Локун никогда не оставалась одна, была всегда в гуще событий, будь то литературные, городские или политические. Когда я приходил к ним, она всегда с улыбкой и своей душевной простотой приглашала в зал, в котором находилась.

У входной двери в квартиру всегда встречала меня мама Валентины Ивановны Ева Александровна, простая, добродушная, заботливая женщина. Дверь в их квартиру всегда была открытой. И вот здесь, в этой уютной квартире, мне не раз приходилось встречать Марию Ивановну Ляшук, Татьяну Аркадьевну Хвагину, Семёна Фёдоровича Шапиро и простых людей, которые не были связаны с литературой, журналистикой и т. д. К ним приходили люди — просто знакомые, родственники — узнать, как они — Валентина Ивановна, Василий Иванович (брат) и их мама — поживают, поговорить, поделиться теми или иными новостями, спросить совета и получить нужную подсказку.

А что касается моей первой встречи с Валентиной Ивановной, то меня с ней познакомила моя жена Валентина Васильевна, родом из Пинска. С юного возраста они были с Валентиной Ивановной в хороших отношениях.

В 1979 году мы приехали в очередной отпуск из Чехословакии, где проходила моя служба в Вооружённых силах СССР, к родителям жены в Пинск. И как-то жена мне предложила: «Давай навестим мою подругу Валентину Локун, она тоже пишет, только ты — стихи, а она — литературные, научные работы. Тебе будет интересно встретиться с ней». Мы не откладывали эту встречу надолго, решили в этот же день и поехать к Валентине. Предварительно позвонив и прихватив цветы, отправились к ней в гости. По дороге жена мне рассказала, что живут они в городе втроём. Брат Василий помогает Валентине в её литературной работе, печатает.

И, как я уже говорил, встретила нас Ева Александровна с радостными словами: «Валя, встречай гостей, подругу с мужем офицером!». Когда мы вошли в зал, где находилась Валентина Ивановна (она была в кресле, которое почти не отличалось от обычного стула), с книгой в руках, а брат Василий стоял у дверей. Мы поздоровались с ним за руку, по-мужски. Валентина Ивановна с женой обнялись, как родные, а я был представлен всем членам семьи.

Говорили тогда о многом. Но говорили, в основном, подруги. Я рассматривал книги на полках. За встречу и знакомство мы тогда выпили немножко коньяку, свидетелем тому является Василий Иванович, который и ныне здравствует. Тогда-то я впервые прочитал Валентине Ивановне несколько своих стихотворений. С тех пор мы не теряли друг друга из виду. В нашей жизни было ещё несколько встреч, когда мы приезжали в отпуск. А приезжали обычно летом, когда было в достатке овощей и фруктов, вот с этими дарами мы заходили к ним в гости, поговорить.

Прошли годы. После моей службы мы с женой и дочерью Ириной вернулись в Пинск. С этого времени встречи с Валентиной Ивановной у нас были чаще. Когда бы я ни приходил к ним, Валентина Ивановна всегда была с бумагами и книгами, над чем-то всегда увлечённо работала. Зачастую делилась тем, над чем трудится. Упоминала писателя, академика В. Гниломёдова, когда работала с его книгой.

Нельзя не вспомнить и день, когда ей был вручён билет члена Союза писателей Беларуси. В тот день собралась делегация писателей и журналистов: Михаил Павлович Поздняков, Мария Ивановна Ляшук, я (Николай Лаврович), коллеги. Были и фотограф Вячеслав Ильенков, члены её семьи.

Много приятных, тёплых слов в адрес Валентины Ивановны было сказано в тот день. Писательница искренне поблагодарила

всех нас за внимание к ней, упомянув, что без своих родных ей вряд ли удалось бы достичь того, чего она достигла.

Не могу не вспомнить и такой случай: когда я готовил к печати свою очередную, пятую книгу, Валентина Ивановна как бы невзначай спросила, работаю ли я над новой книгой. Я ответил, что да. Тогда она, не скрывая радости ответила, что я молодец. И спросила ещё, а книга будет сборником поэзии, или, может, и проза в ней будет? Я ответил, что и то, и другое. «Мне бы хотелось посмотреть рукопись вашей новой книги, особенно рассказы, а стихи пусть потом посмотрит Мария Ивановна, она ведь редактировала ранее вышедшие ваши книги. И если вы не против, то и вступительное слово к книге напишу», — сказала Валентина Ивановна. Так практически и было сделано.

Прочитав рукопись, Валентина Ивановна собщила мне по телефону, что написала вступительное слово «В гармонии с миром» к моей книге поэзии и прозы «Свет души».

В своих воспоминаниях мне хочется процитировать отдельные места из вступительного слова:

«Поэзия Н. Лавровича — это источник искренних чувств и переживаний, зеркало той жизни, которой живёт сам поэт и его поколение. Более того, она вмещает в себя и эмоциональный опыт своего народа. Таким образом, тексты Н. Лавровича как бы вмещают в себя и эмоционально-духовную сферу человеческого бытия.

Поэт стремится воплотить в стихах своё отношение к миру и природе, передать свои чувства, переживания, тревоги — но передать таким образом, чтобы всё это, субъективно-особенное, вызывало такой же отзыв-сопереживание и в сердцах читателей, и не только теперешних, но и будущих: "В своих стихах, от первых до последних / Хочу любовь я внукам передать".

По своей внутренней организации Н. Лаврович был и остаётся романтиком. Впитавший в себя гармонический мир природы, он стремится эту же гармонию внести и в мир человеческих отношений — через гармонию любви. Может быть, поэтому тема любви в его творчестве остаётся доминирующей. И вообще, тема природы, любви — это то, что более всего привлекает в поэзии поэта Н. Лавровича.

Рассказы Н. Лавровича, небольшие по объёму, но они очень разные по жанру, стилю и пафосу. В них нет ничего скандального, "экспериментального"... Они выполнены в традициях реалистически-психологической и социально-бытовой прозы. Сюжеты рассказов... притягивают и интригуют...».

Вот такие слова остались в моей книге от Валентины Локун, кандидата филологических наук, члена Союза писателей Беларуси. Книга увидела свет в столичном издательстве «Народная книга» в 2008 году под редакцией Марии Ивановны Ляшук, дизайн и вёрстка Николая Трофимчука. Мне только остаётся гордиться тем, что Валентина Ивановна и выше названные литераторы так тепло и искренне отнеслись к моему творчеству.

Первой из жизни семьи Локунов ушла мама Ева Александровна. С её уходом фундамент их семейного уклада, всей их жизни словно пошатнулся. Прошло совсем немного времени после её смерти, как утром телефонный звонок от Марии Ивановны сообщил, что с нами больше нет Валентины Ивановны. Скорбь и слёзы сковали мысли в тот миг. В последний путь её провожало очень много людей. Здесь были поэты, писатели, журналисты, художники, представители городской власти, родственники, друзья и знакомые. Её имя, светлое имя, останется в памяти не только у меня и моей семьи, но и у многих, кто её знал, видел, слышал, общался с ней.

г. Пинск, июнь 2019 г.

Тамара Петровна Лознюха

След на земле

(светлой памяти Валентины Ивановны Локун)

Пусть август не рассердится За грусть в его картине. Исполнилось бы семьдесят Ушедшей Валентине.

Полёта ей высокого Желал рассвет кудрявый. Достигла в жизни многого, Познав вершину славы.

Слова неторопливые Родных, друзей, знакомых Твердят, что быть счастливою Возможно и в истоме.

08.2016 2.

Свет яркой звезды

С Валентиной знакома заочно. Наш восторг разделял телефон. И в одном я уверена точно: Человек этот в жизнь был влюблён.

Находилось для каждого время В до минуты расписанный день. Людям мудрым нагрузки — не бремя. Даже боль не шла следом, как тень.

Ей не зря покорялись высоты. Умный, с чуткой душой человек. Узнавала с вниманием, кто ты, Предоставив расспросам разбег.

Обсуждалась любая проблема, С ней, казалось, решалось легко. Жизнь — вселенских веков теорема, В них корнями вросла глубоко.

…На земле жить пришлось ей не просто, Но увенчан успехами путь, Пробираясь сквозь тернии к звёздам, Постаралась с него не свернуть.

Мир, шумевший за стёклами окон, Воспрепятствовать смерти не смог. Горд наш Пинск Валентиною Локун, Оценив многолетний итог.

Все труды её — сердца картины, У науки на верных местах. Свет в душе для меня — Валентина! Пусть простит, если что-то не так.

г. Пинск, июнь 2019 г.

Ирина Сергеевна Шатырёнок

Прощальные слова. Памяти литературного критика Валентины Локун

В мае 2019 г., собирая материал для сборника воспоминаний, я не могла оставить без внимания «Прощальные слова» Ирины Шатырёнок. Знала, что они с Валентиной Ивановной ни разу не встречались, но часто переписывались и перезванивались, обменивались мнениями. На моё предложение стать соавтором сборника воспоминаний о Валентине Локун Ирина Сергеевна сразу дала положительный ответ:

«Спасибо, Валентина Адамовна, за предложение. С Валентиной Ивановной мы переписывались-перезванивались, всегда была рада с ней посоветоваться, что-то спросить, уточнить, сравнить свои оценки и услышать её профессиональное мнение, слово строгого критика, литературоведа, человека отменного вкуса, воспитанного на лучших образцах русской классической школы. Мы часто с ней совпадали во взглядах на современный литературный процесс.

Иногда звоню её брату Василию Ивановичу. По моей статье "Девушка из Канады по имени Джулия", её прадедушка эмигрировал в начале XX века в Канаду, спрашивала о своих корнях. Как могла — помогла.

Очень много пишу и публикуюсь, почти не перечитываю свои работы, думаю, в статье "Прощальные слова" не надо ничего корректировать. То, что написано под первым впечатлением, обычно несёт в себе искренние чувства и теплоту.

Для белорусской современной литературы преждевременный уход Валентины Ивановны Локун — настоящая утрата. Спасибо вам за память о вашей талантливой землячке и за будущий сборник, посвящённый светлому, мужественному, радостному и честному человеку. Несмотря на свои болезни и проблемы, у Валентины

Ивановны в течение всей трудной жизни оставалась неизменная точка опоры — литература. Она помогала ей справляться с печальными обстоятельствами бытия» (В. А. Горбачевская).

К сожалению, а может к счастью, моя творческая биография не несёт на себе советских официальных отметин: не состояла, не была, не замечена... в общественных писательских объединениях прошлого формата. Наверное, поэтому мне трудно сравнивать литературную среду тогда и сегодня, но кое-какой опыт имеется, прежде всего, это личные отношения между писателями.

Свой отсчёт пребывания в литературной среде веду с начала нулевых годов нового столетия. Для писателя-новичка много значит поиск единомышленников, контакты с опытными критиками, писателями, взаимоотношения с редакциями, издательствами, литературная учёба, которой, увы, нет, самообразование, диалогичность статей, выступления, общение не только с писательской средой, но и с окружающим миром, с читательской аудиторией, встречи в библиотеках, т. е. всё то, что составляет писательский быт и бытие, что определяет писателя как личность и наполняет творчество смыслом.

Со своими рукописями, первыми книгами была полна сомнений и тревог, металась, преодолевала комплексы, знакомилась со столичными литераторами, была внимательна к их словам, искала поддержки и не находила, рассчитывала на понимание и отклики критиков, какое-то время переключилась на чтение толстых журналов, особенно московских, навёрстывая упущенное. Одним словом, мои поиски ответов на мучившие меня вопросы о переменах в современной отечественной литературе напоминали тщетные блуждания странника, забредшего в чужой и тёмный лес, полный тайных знаний и неожиданностей.

Моё ученичество продолжается и сегодня, чего нисколько не стесняюсь. Результатом тех блужданий стали публикации моих критических эссе, публицистических набросков, рецензий, статьи в СМИ, рассуждения на интернет-порталах о проблемах нашей литературы. Сейчас уже и не вспомню, как судьба свела меня с литературоведом из Пинска Валентиной Ивановной Локун. Мне по-

нравились её обстоятельные, вдумчивые критические статьи о писателях-современниках, воспоминания о наставниках, подробные рецензии. Мы начали переписываться по интернету, созваниваться, обмениваться впечатлениями о той или иной книге. Для себя в лице Валентины Ивановны я нашла мудрого наставника и доброго друга, советчицу. Думаю, обмен наш был неравнозначный, я больше нуждалась в Валентине Ивановне, чем она во мне, но она всегда оставалась деликатной, отвечала на мои письма, извинялась, если возникала задержка в несколько дней.

Для меня её толковые, рассудительные, неоднозначные письма в молчаливом вакууме литературного социума были спасительными ориентирами, с её помощью можно было двигаться более уверенно. Нас объединяла единственная тема — современная белорусская литература, её пути развития, прогнозы и оценки — спорили, не без того, но и прислушивались друг к другу. Общение с Валентиной Ивановной, её сдержанность, разумные советы, предостережения меня от ошибок и опрометчивых шагов в литературе очень помогли. Она находилась в курсе всех книжных новинок, новостей, а также скрытой закулисной литературной жизни, не была комплиментарным критиком, скорее жёстким и справедливым. Мы любили одних писателей, в частности И. Бунина. Когда наши отношения потеплели, я осмелилась посылать ей свои книги. Она их читала, делала мне замечания, но чаще хвалила.

Тогда я ещё не знала, что Валентина Ивановна с детства тяжело болеет, твёрдый характер помогал держать недуг в узде. Болезнь не помешала ей окончить школу с золотой медалью, потом филфак Брестского института, она успешно защитила кандидатскую диссертацию по теме: «Проблемы стиля белорусской военной прозы». (На материале творчества В. Быкова, Б. Саченко, И. Чигринова). Последняя её монография уровня докторской диссертации «Васіль Быкаў у кантэксце сусветнай літаратуры» по многим причинам осталась не защищённой.

Есть у меня одна скверная привычка, от которой почти избавилась: спешно делюсь с другими черновыми набросками будущих статей. Меня так переполняют в тот момент эмоции, что хочется непременно и в сей момент рассказать о своих чувствах и пережи-

ваниях, для меня критические заметки о чужом творчестве — такое же творчество, вольная интерпретация, моё видение и толкование мира художника, его героев. За мою торопливость и небрежность Валентина Ивановна мне часто выговаривала:

«...Хотя, если позволите, я хочу сказать ещё следующее. В вашем тексте уж слишком много описок. Обычных технических описок. Они отвлекают от содержания и даже раздражают. Хотелось бы, чтобы вы на заключительном этапе всё-таки обращали и на это внимание. Мы, конечно, все не без греха в этом отношении, но надо всё-таки в себе находить силы для последнего, корректорского прочтения своего труда. Мой когдатошний учитель профессор Д. Бугаёв (и я очень благодарна ему за это) был очень требовательным в этом плане. Он просто не читал тексты, которые были плохо оформлены. Он внушал мне, что над текстом нужно работать бесконечно много. От этого текст только выигрывает. Извините меня. Успехов вам. Валентина Локун. 15.01.2014».

Конечно, моей радости не было предела — обретение в литературной среде дружественного участника, товарища, единомышленника большого стоит.

Нам всем, пишущим и публикуемым авторам, так не хватает сегодня оценки не только читателей, но и внимания современных критиков. Многие писатели, к сожалению, достойно не оценены, а это считай — забвение при жизни. Как узнать, сравнить, где ты, кто ты, на каком небе, куда двигаться и есть ли у тебя вообще творческое движение, что было вчера и что сегодня, кто сравнит, отметит? Цех немногочисленных критиков отмалчивается.

На презентациях новых книг ещё можно услышать традиционные критические замечания, но часто слова, сказанные в библиотеке, так и остаются тихим эхом в читальных залах. Мне посчастливилось: о моей книге В. Локун прислала короткий отзыв, за что признательна ей и благодарна:

«К сожалению, я не читала все книги, изданные писателем И. Шатырёнок. Сейчас на моём рабочем столе её сборник прозы "Бедная-богатая Валентина". Прежде всего, хочу отметить

стиль её произведений. Писательница владеет удивительным даром письма. Её слово легко и изящно, в чём-то даже музыкально, сродни тургеневскому. Оно диалогично и многоголосо. Писательница пишет о времени, в котором живёт сама. Она обладает удивительным талантом отображать атмосферу этого времени, отображать как-то по-своему, изнутри. Но вместе с тем, объёмно и многомерно. Характерно и то, что её тексты не дидактичны, а герои не заидеологизированы. Это, как правило, живые реальные люди, которые хотят любить, страдать, мечтать, трудиться, приносить пользу людям. Но в этой кажущейся простоте и сокрыта главная философия жизни. Истинной жизни человека.

Хочу отметить Ирину Шатырёнок и как критика. Хотя она такой себя категорически не считает. В этом плане я знаю её немножко больше, чем прозаика. Её суждения о литературе, об отдельном произведении писателя всегда очень аналитичны. Она умеет "расчленить" произведение по частям с тем, чтобы потом прийти к некой обязательной тезе, очень важной для себя и читателя. В отличие от художественной прозы, в критике И. Шатырёнок очень эмоциональна, непримирима, публицистична. Всё это говорит о том, что Ирина Шатырёнок человек в литературе не случайный. Ей за всё болит, и за литературу в целом, и за каждого писателя отдельно.

Ирина Сергеевна, природа наделила Вас огромным писательским талантом, талантом публициста — успехов Вам во всех Ваших начинаниях. Валентина Локун, кандидат филологических наук, 12.03.2014».

Моё вечное занудство и придирки к организации конкурсов она терпеливо выслушивала.

«И ещё одно моё наблюдение. В конкурсе "Золотой купидон" (неудачное название, этот эрос и вечное желание меньше всего связаны с литературой) есть номинации "Критика и литературоведение" и "Публицистика". (Речь идёт о новой монографии Н. Микулича, посвящённой творчеству Максима Танка.) В этом году два замечательных учёных И. Саверченко и Н. Микулич разыграли эти номинации. Считаю, что за спинами уважаемых учё-

ных, издающих монографии, критикам и публицистам ничего не светит. Должна быть номинация "Литературоведение" в чистом виде, и пусть учёные между собой выбирают. Всё-таки публицистика и настоящая критика связаны с днём сегодняшним, и авторы-критики должны быть представлены не только положительными рецензиями, но и проблемными статьями. Мне кажется, любой средней руки филолог разберётся, что монография учёного меньше всего относится к критике или к публицистике. Но это сугубо моё личное мнение, которое никому не нужно. Здоровья вам и всех благ. Ирина, 5.9.2013».

Получила такой ответ:

«Ирина Сергеевна! Совершенно с вами согласна в отношении "Золотого купидона". Публицистику нельзя смешивать с литературоведением и критикой, хотя у нас, как правило, критикой занимаются литературоведы по профессии. Серьёзных "чистых" критиков я не знаю, за исключением разве что нескольких молодых имён. Это должны быть разные номинации. Но это в принципе. Что касается конкретно работы Н. Микулича, то его книга заслуживает награды, хотя, может быть, она не столько публицистическая, сколько литературоведческая. Я лично знакома с Николаем Владимировичем, знаю его творчество, более того, рецензировала эту книгу в "Нёмане". Это книга новаторская по форме и очень богатая по содержанию. Поверьте, это без преувеличения. Я не знаю других книг, номинированных в этом году, но книга Н. Микулича заслуженно получила премию. Я рада за этого учёного и человека (который, кстати, на данный момент оказался в очень сложной жизненной ситуации).

Ирина Сергеевна, что я хочу вам пожелать? Прежде всего побольше людей, близких вам по духу. Они у вас есть, и радуйтесь этому. И слава Богу, что такие люди ещё встречаются. Вам повезло. Творческих вам успехов и здоровья. Пишите, если надумаетесь. 7.09.2013. Валентина Локун».

Валентина Ивановна была не только большим профессионалом в литературоведении, но и человеком опытным, искушённым, тонко разбиралась в людях и литературной среде, по-доброму

предупреждала меня, где не стоит ходить кривыми и запутанными дорожками нашей литературы, в чём воздержаться, сделать паузу.

Моё видение некоторых вопросов в произведениях современных белорусских авторов вызвало споры и даже неприятие моей позиции, в частности, по повести А. Федоренко «Дикий луг». Кто только о ней не писал, хор большинства положительных отзывов не совпадал с моим разбором и эстетическим опытом, ну и что, нормальное явление. Мои письма были подробными, аргументированными, я искала в Валентине Ивановне единомышленника.

«...Вся народная масса в повести настолько обезличена, что как раз ей А. Федоренко нашёл очень много множественных имён. Не поленилась посчитать.

"Мужчыны, жанкі, малыя, людзі, дзеці, бабы, старыя, падлеткі, між людзей, у мясцовага люду, народ, касцы, усе, яны, бацькі, хлопцы".

Такой получился коллективный, огромный и невыразительный народный портрет. Но автору и этого мало, он несколько раз подчёркивает единство алгоритма поведения этой невыразительной, необразованной рабочей массы... Одинаковость движений, массовая похожесть, единообразие, наверное, хороши у пчёл, муравьёв, этих запрограммированных насекомых колоний. Может, и наш автор увидел в этой слаженности людской массы какие-то свои законы, например, выживания.

Хотя, нет. По автору, его деревня движется запрограммировано, всё рассчитано на вымирание, деградацию и уничтожение. Тому подтверждение повествование — пьянство, ранние смерти, несчастья (их очень много в одном месте, для одной деревни, слишком повышенная концентрация?!) и закономерное движение вниз, вниз, вниз. Но всегда ли желание автора закономерно для творчества, совпадает ли его логика с логикой произведения? В отдельно придуманной реальности писателя, наверное, да, но как же тогда быть с нашей действительностью, или автору позволительно всё? Где мера и должна ли она быть.

Там, где правда творчества продолжает правду жизни, всё закономерно, там жив дух народа, его традиции, чаяния, ожидания, надежды, пусть даже самые трагические и запредельные. Но если правда писателя вырастает только из его искажённого отражения, оставим за рамками причины, порой болезненного, воспалённого, необъективного, которое он навязывает читателю, как быть? Не искажение ли это правды жизни? Для меня, например, важна красота, подъём духа над обыденностью, идеалы, я ищу в книгах красоту слова, которой владеют немногие, и там, где её мало или совсем нет, автор прячется за диалоги, начинается много-много разговоров, часто пустых...».

Валентина Ивановна не принимала моей стороны правдоруба, держалась традиционной линии, и по-своему была права. Наши споры накалялись, но всё оставалось в рамках литературной дискуссии. Она выслушивала меня, я платила тем же, шло взаимное обогащение.

«... Далее. Я не думаю, чтобы редакция специально подбирала под Вас статью о Федоренко. Хотя, может, и так. Допустим. Но в этом я тоже не вижу ничего плохого. Все мы имеем право высказать своё мнение о том или ином авторе, об отдельном произведении какого-то автора. Я очень уважительно отношусь к творчеству А. Федоренко и до сих пор считаю его повесть "Вёска" одной из лучших в его творчестве. Я до двадцати пяти лет жила в деревне. Там родилась и выросла. Концептуально А. Федоренко правильно решает проблему деревни. Поддерживаю его концепцию в "Диком луге". Старая деревня исчезает физически или деградирует духовно. Ей на смену приходят агрогородки. Но это уже абсолютно другая деревня, да и не деревня это уже. Другие люди живут и работают там. Это прискорбно, но, к сожалению, это так! Конечно, А. Федоренко утрирует некоторые положения, но по сути он прав, моя родная деревня тоже вымирает, уходит как Атлантида, и спасти её уже нельзя. Вы очень личностно воспринимаете литературу, отсюда и эмоции, которые не дают Вам спокойно жить. Кстати, вернёмся к литературе. Вы вспомните, как писал И. Шамякин о деревне 50-х годов. Перечитайте его роман "Крыніцы" (1957). Разве это соответствовало действительности? Понимаете, правда жизни и правда литературы, они не всегда соответствовали друг другу. Но, вместе с тем, есть какаято черта, через которую литература, настоящая литература,

переступать не должна. Так вот ни тогда И. Шамякин, ни теперь А. Федоренко эту черту не переступили. Они имеют право на своё видение предмета. Мы можем соглашаться или не соглашаться, но отвергать такие произведения и лишать права голоса их авторов, я считаю, нельзя. Время, когда литература писалась под диктовку "идеологии", кануло в Лету.

Знаете, Ирина Сергеевна, я главным образом литературовед и меньше всего критик. Меня больше интересуют общие тенденции развития литературы, её особенности, а уже индивидуально-конкретные её проявления — это, конечно, важно, но я их воспринимаю абсолютно спокойно. Только, чтобы не было непристойностей и гадостей, т. е. не-литературы. Вот и всё. Успехов Вам в Вашем творчестве. Валентина Локун 24.07.2013».

Запоздало, простите меня, дорогая Валентина Ивановна, но у меня всё превращается в предмет литературы, такой желанный соблазн! Даже наша многолетняя переписка. Как в той волшебной сказке «Золотая антилопа», где герои прикасаются ко всему и всё превращается в золото. У меня — в литературу.

В последнее время мне приходилось чаще звонить Валентине Ивановне, нежели писать, хотела услышать её голос, поговорить о чём-то срочном и важном. После объявления осенью 2015 года Нобелевским комитетом о присуждении премии С. Алексиевич литературовед попросила меня узнать, есть ли в продаже в книжных магазинах Гродно последняя книга писательницы «Время секонд-хенд», ей не терпелось познакомиться с книгой новоиспечённого нобелиата, издание буквально исчезло из продажи в Гродно, как и в Пинске, и в других городах Беларуси.

В апреле Press Club Belarus планировал в Пинске мастер-класс с участием С. Алексиевич, по этому поводу мы снова пообщались по телефону, поговорили о творчестве знаменитой писательницы, но Светлана Алексиевич по каким-то причинам не смогла приехать в Пинск.

Бывает так, люди многие годы работают в одном офисе, а по существу не знают друг друга. Я лично не была знакома с Валентиной Ивановной, хотя собиралась в Пинск, но наша переписка сделала своё доброе дело — в литературе я обрела старшую подругу, с ней можно было советоваться, доверять ей свои мысли, тревоги, искать поддержки. Слово умеет объединять.

Валентина Ивановна никогда не жаловалась на здоровье, была приветлива, бодра, терпелива, до последнего много читала, оставалась верна своим старым литературным привязанностям. Если бы знать... Если бы знала, как Валентине Ивановне тяжело переносить невзгоды жизни, ежечасно бороться со старым недугом, что приковал её к постели, наверное, по-другому бы к ней относилась, щадяще что ли, писала бы не то и не о том, и даже попросила прощения, что отвлекала её дорогое внимание к своей персоне.

В последнем письме-поздравлении она суеверно осторожничала, не договаривала:

«Ирина Сергеевна, спасибо вам за поздравления и память обо мне. Сейчас я, к сожалению, не занимаюсь творчеством, так сложились обстоятельства. А как будет дальше — загадывать не хочу. С наступающим вас Новым годом! Здоровья вам и творческих успехов! Валентина Локун. 31.12.2015».

...Мы все остались здесь со своими нерешёнными проблемами, тревогами и радостями, а вы, дорогая наша Валентина Ивановна — уже там, в другом измерении, в недосягаемых небесных пределах, освободились от земных тягот и мук.

Всё тлен и прах. Всё растворится, исчезнет в небытии. Может, одно Слово, искреннее и живое, в состоянии одолеть запредельность вечности, оставаясь чистым и честным в надмирных высотах. В последней надежде посылаю вам своё прощальное слово благодарности, кто знает, может, дойдёт — как хорошо, что вы были и останетесь в моём сердце!

P.S. 24 июня текущего года прочитала в газете «ЛіМ» соболезнование председателя Брестского отделения ОО СПБ Анатолия Крейдича «Ад яе сыходзіла толькі светлыня. Не стала літаратурнага крытыка Валянціны Локун».

г. Гродно, август 2016 г.

Василий Иванович Локун

Воспоминания брата

В своих воспоминаниях о Вале я часто возвращаюсь мысленно в наше деревенское босоногое детство, когда мы были весёлыми, беззаботными и пока ещё здоровыми, ничем не отличались от своих ровесников.

В пятый класс мы ходили в Молотковичскую среднюю школу за семь километров от нашей родной деревни Тепенец. Болота ещё не были осушены: и весной, и осенью везде было море воды. Даже жарким летом в деревне оставались невысыхающие лужи. Но нам, школьникам, всё равно было весело. После шестого класса стало ясно, что Валентина уже не сможет ходить в обычную школу и только через три года продолжит своё обучение. А до этого менялись разные больницы и всевозможное лечение.

Когда Валентина лежала в неврологическом отделении Пинской больницы, молоденькая медсестра Елизавета Семёновна Шклярник (после замужества — Голод), только что окончившая медучилище, подружилась с ней. Это она, Елизавета Семёновна, дала Вале первое жизненное напутствие, приняла участие в её судьбе, вселила в Валентину надежду на будущее — учиться дальше и добиваться намеченной цели несмотря ни на что.

Валентина всегда очень любила читать книги. С помощью Елизаветы Семёновны она была принята в Пинскую заочную школу. Экзамены и контрольные принимали учителя Молотковичской школы, куда возил её дедушка на телеге, запряжённой лошадью. За первый учебный год Валентина закончила седьмой и восьмой классы. Пинскую заочную школу сестра закончила с золотой медалью.

Дальше Валентина рискнула подать документы в Брестский педагогический институт и была принята на первый курс филологического факультета заочной формы обучения (сыграли роль золотая медаль и хлопоты всё той же Елизаветы Семёновны).

Принимать зачёты и экзамены преподаватели Брестского пединститута им. А. С. Пушкина приезжали к Валентине в деревню. Сдавала по четыре-пять предметов сразу, сколько приезжало преподавателей, столько и экзаменов сдавала.

Телефонов тогда в деревне не было, поэтому преподаватели являлись без предупреждения. Но несмотря на их внезапные визиты, все предметы сдавались на отлично. Даже госэкзамены были сданы в один день. Правда, после каждого экзамена Валентине разрешался перерыв на 30 минут, чтобы собралась к следующему экзамену.

В 1971 году она получила диплом учительницы русского языка и литературы и характеристику-рекомендацию для поступления в аспирантуру при БГУ им. В. И. Ленина. Это был первый случай в истории пединститута, когда студентку-заочницу рекомендовали в науку.

В аспирантуре Валя выбрала классическую русскую литературу. Но по ряду причин аспирантуру пришлось оставить. По этому поводу к ней даже приезжал доцент этой кафедры Александр Александрович Станюта. Он рекомендовал Валентине перейти на кафедру белорусской литературы, с которой уже была договорённость. Но белорусской литературы Валентина не знала. Факультет-то у неё был филологический, но отделение «Русский язык и русская литература».

В 1972 году по решению дирекции совхоза (у нас тогда уже был совхоз) в нашем доме организовали профсоюзную библиотеку. Закупили книги, и Валентина стала заведующей библиотекой. Читателей было много, особенно детей. В основном читатели были из нашей деревни. Выдавала книги Валентина, а если я находился в доме, то подменял её. Наша библиотека постоянно пополнялась и насчитывала более четырёх тысяч экземпляров книг. При составлении отчётов основная работа была на мне.

В нашей семье слов «не хочу», «не могу» было принято не говорить. Этот порядок в семье был заведён, когда мы ещё жили в деревне. Если ты можешь сделать эту работу, то делаешь, не ждёшь, чтобы это сделал кто-то другой. По такому принципу мы старались жить всю жизнь.

Врачи не раз предлагали Валентине оформить группу инвалидности, но она стеснялась самого слова «инвалид». Но потом всё же сдалась, и ей дали первую группу инвалидности бессрочно.

Я же, имея тот же диагноз (миопатия), после окончания Пинского мясомолочного техникума, не смог поехать на работу по распределению. После курса лечения в Минске мне дали вторую группу инвалидности. Практически я всё время находился дома. С 1971 года, когда купили портативную печатную машинку «Москва», я был у Валентины машинисткой и секретарём в одном лице.

Вокруг нас всегда группировалась молодёжь. Особенно было людно у нас во дворе в выходные и праздничные дни, с утра до позднего вечера. Все воспринимали нас как равных себе, не стеснялись обращаться к нам за помощью, если мы могли чем-то помочь. Валентина занималась шитьём для подруг, а я оказывал техническую помощь. Поэтому все жители деревни уважали нас и нашу семью. У нас слабели мышцы, но мы продолжали учиться и что-то делать по мере сил.

В 1974 году наша семья переехала в Пинск. Получить квартиру в городе, живя в деревне, было непросто. Тут уже неоценимую роль сыграл журналист газеты «Полесская правда» Семён Фёдорович Шапиро. Он был связующим звеном между нами и городом. До конца жизни он оставался нашим лучшим другом.

В первый же год нашей городской жизни Валентина познакомилась с главным библиографом центральной городской библиотеки Фелей Ароновной Грантовской. 22 года Феля Ароновна обеспечивала Валентину нужной литературой. Она была очень начитанным человеком, была в курсе не только книжных новинок, но и журнальных публикаций. Жила Феля Ароновна недалеко от нашего дома, поэтому по пути с работы домой заносила книги и журналы и всегда задерживалась для бесед с Валентиной. Они обе были литературными фанатами. По два-три часа вели разговоры как две подруги, близкие по духу и интересам. А в воскресные дни, это уже вошло в привычку, Феля Ароновна приходила в первой половине дня, а уходила через 3–4 часа. Велись разговоры на разные темы. Как они обе отдыхали на этих, так званых, посиделках! Слушая их, я тоже многое почерпнул для себя из их бесед.

Это Феля Ароновна дала своеобразный толчок Валентине для изучения белорусской литературы, а всё прочитанное всегда обсуждалось в их беседах.

Читали мы много, выписывали много газет и журналов, покупали книги. На то время так много было желающих подписаться на «Роман-газету», что Валентине пришлось даже обращаться с просьбой о подписке к первому секретарю горкома партии.

Постепенно, книга за книгой, Валентина изучила и белорусскую литературу, тогда только она восстановилась в аспирантуре.

Для поездки в Минск машину по просьбе Валентины предоставлял первый секретарь горкома комсомола Дорофеев Сергей Ефимович (в Пинске до сих пор многие вспоминают его с благодарностью за его благотворительную деятельность и добрые дела. — Сост.), несколько раз Валентине довелось даже прокатиться на машине первого секретаря горкома партии Зои Георгиевны Малышевой. Сопровождала в поездках Валентину её подруга Шавель Валентина Павловна. В Минске Валентина останавливалась в гостинице «Минск», где её встречал и провожал Лознюха Леонид Владимирович, который жил уже тогда со своей семьёй в Минске. Это он, когда ходил в Молотковичскую школу, приносил Валентине книги из Молотковичской библиотеки. После школы закончил институт физкультуры и впоследствии стал судьёй международной категории по футболу. Он и теперь часто приезжает в деревню к сестре и обязательно заезжает к нам.

Номер в гостинице заказывали Николай Слепчук и его жена Нина (Николай тоже бывший наш сосед в Тепенце, теперь житель Минска).

В аспирантуре в кандидатский минимум входил экзамен по английскому языку. И знать его надо было в совершенстве. Тогда Валентина впервые обратилась с просьбой к учителям английского языка. Кстати, задания и работы по всем предметам всегда выполнялись Валентиной самостоятельно, без посторонней помощи. Сначала Валентина познакомилась с полиглотом Евгением Королёвым. Через несколько дней Королёв порекомендовал Вале Жанетту Гук (Виноградову), с которой они вместе были на курсах экскурсоводов. Валя с Жанной сразу подружились и остава-

лись верными друзьями до конца жизни Вали. Благодаря Евгению и Жанне Валентина не только в совершенстве освоила английский язык, у нас появились и новые друзья.

Люди, помогавшие Валентине в годы её учебы в аспирантуре, остались друзьями на всю жизнь, это — Сергей Ефимович Дорофеев (первый секретарь горкома комсомола), Валентина Руденя (Савило) (член горкома комсомола), Валентина Гусаковская (Лаврович) (учительница), Зинаида Чайковская (директор школы-интерната), Леонид Мозоль (врач-кардиолог скорой помощи) и его жена Татьяна Хвагина, Валентина Шавель (родом из Пружанщины, приехала к нам в деревню работать бригадиром после окончания Пружанского совхозтехникума. Когда вышла замуж, переехала и живёт до сих пор в посёлке Садовый Пинского района). Это были очень образованные и начитанные люди. Они приходили к нам почти каждое воскресенье, все были примерно одного возраста, всегда в курсе всех городских новостей. Как увлекательно проходили эти встречи! Слушали песни, пластинок у нас было много с разножанровой музыкой, сами пели под гитару. А нашей маме очень нравилось гостей угощать обедом, особенно полюбились всем щи из квашеной капусты.

А вскоре Валентине поменяли научного руководителя. Им стал Дмитрий Яковлевич Бугаёв. Потом он сам признавался, что долго не соглашался, отказывался, а когда первый раз шёл в гостиницу на встречу с Валентиной, то у него от волнения дрожали ноги. Только когда открыл дверь в её номер и увидел сидящую за столом красивую девушку, услышал её голос, сразу всё стало на место, страх и волнение ушли. Валентину тогда даже пугали, что Дмитрий Яковлевич очень строгий и требователеный к соискателям, но зато защищаются у него легко. С Валентиной работать ему было нелегко, она до конца отстаивала свою точку зрения, и в то же время сама не принимала недочётов в работе. Прежде чем садиться что-то писать, всегда находила и досконально изучала весь материал по заданной теме.

Сдав кандидатский минимум, Валентина приступила к написанию диссертации по творчеству В. Быкова, Б. Саченко и И. Чигринова. На консультации и обсуждение написанного материала она ездила в Минск.

Кроме основной работы печаталась в газетах и журналах. Всё написанное её рукой я печатал на машинке. Круг друзей и знакомых расширялся, но основной костяк нашей компании был тот же. Всю нужную литературу доставляла Феля Ароновна Грантовская, библиограф Пинской центральной городской библиотеки.

В 1984 году на защиту диссертации вместе с Валентиной поехали её верные друзья: Семён Фёдорович Шапиро прилетел из Ленинграда со свадьбы племянницы, Елизавета Семёновна Голод из г. Зернограда Ростовской области. Валентина Шавель тоже прервала отдых в прибалтийском санатории, чтобы поприсутствовать на защите.

Мы с мамой с самого утра сидели у телефона и ждали звонка из Минска. После защиты, зная, что мы ждём навостей, Валентина сразу послала Евгения Королёва позвонить нам. Так я и мама узнали, что защита прошла успешно. Мы тут же сообщили эту приятную новость Феле Ароновне, которая вместе с нами искренне разделила нашу радость.

Всех членов ВАКа Валентина пригласила на банкет. В то время банкеты по поводу защиты официально были запрещены, а неофициально всё же проводились. В ресторане гостиницы «Минск» в банкетном зале собрались все, кто только мог прийти. Банкет и всё остальное организовали Слепчук Николай и его жена Нина.

Дома тоже устроили небольшой банкет для друзей и знакомых. Все остались довольны. Они тоже заслужили этот праздник, ведь каждый из них принимал участие в нашей жизни.

Будучи студенткой Брестского пединститута Валентина подружилась с Сатиновой Валентиной Фёдоровной, преподавателем английского языка этого института. Эта дружба продолжалась многие годы. Для нашей семьи помощь Валентины Фёдоровны была неоценимой. Уже в 1985 году, по рекомендации Валентины Федоровны, Валентина была принята на работу в Брестский пединститут в качестве старшего преподавателя. Защищали свои курсовые работы студенты 5-го курса у нас в квартире. Как же переживала за студентов наша мама! Ещё при проверке курсовых, если работа возвращалась на доработку, мама упрашивала Валентину поставить хотя бы троечку, а при защите предлагала студентам чай,

успокаивала ожидающих своей очереди. 14 лет проработала Валентина преподавателем в пединституте.

В 1987 году Валентина была принята на работу в Институт литературы им. Янки Купалы Национальной академии наук Беларуси сначала младшим научным сотрудником, затем сотрудником и старшим научным сотрудником. Проработала в Институте литературы 20 лет, совмещая с работой в пединституте.

Чтобы выполнять работу, Валентине надо было много читать произведений не только белорусской, но и русской, европейской, литературы США. Но она всё успевала. Феля Ароновна Грантовская, а с 1996 года Валентина Адамовна Горбачевская, приносили нужные книги, журналы, газеты. Успевала писать и рецензии на новые произведения писателей. Она по натуре была большим трудоголиком и бесконечно любила литературу. Ей было без разницы на каком языке книга, белорусском или русском, а в Институте литературы работы писались только на белорусском языке.

Написала Валентина и докторскую диссертацию. Но по некоторым причинам защитить её в Институте литературы было невозможно. Директор института Виктор Антонович Коваленко позвонил Валентине и объяснил причины отказа в защите, бодро заверил, что она напишет ещё не одну.

Тогда Бугаёв Дмитрий Яковлевич предложил Валентине провести защиту в Белгосуниверситете, где он работал в то время.

Хорошо подумав, Валентина отказалась от предложения Д. Бугаёва, потому что ей пришлось бы уходить из Института литературы Академии наук. Отказавшись от защиты диссертации, Валентина ещё 10 лет проработала в Институте литературы, вплоть до его закрытия. А диссертация ею была оформлена как монография и только в 2005 году была издана в издательстве «Технопринт».

По словам Валентины, она была больше литературоведом, чем критиком.

Написала Валентина и ещё одну докторскую диссертацию, но не стала хлопотать о её защите. Объясняла это тем, что «доктор наук» — это хорошо, но здоровье уже не то и звание «доктора филологических наук» ничего не изменит в её жизни.

С появлением у нас ноутбука работать с текстами Валентины было одно удовольствие, ибо всегда любой написанный ею текст я перепечатывал по несколько раз. Как говорил ей её наставник Д. Бугаёв: «Не жалейте времени править текст, от каждой правки текст только выигрывает». Этого правила она всегда и придерживалась.

В жизни Валентины ничто не совершалось само собой, всего нужно было «добиваться» усердным трудом, настойчивостью и целеустремлённостью. Приведу только один пример из биографии Валентины — её вступление в Союз белорусских писателей в 1998 г. Вступать в Союз белорусских писателей Валю, можно сказать, заставил Семён Фёдорович Шапиро, который всегда принимал деятельное участие не только во всех делах Валентины, но и всей нашей семьи. Валя с головой была в работе, к членству относилась равнодушно, но Шапиро пристыдил её: «Как это тебе всё равно — член ты или не член? Разные графоманы вступают, а ты, которая должна там уже давно быть, не хочешь?». Валя послушалась и начала собирать рекомендации для вступления в Союз. Первой, кому она позвонила с полной уверенностью на согласие дать рекомендацию, была Нина Матяш. Но к удивлению не только Валентины, но и всех нас, Нина Иосифовна минут двадцать отчитывала Валентину за её академический стиль рецензий, за то, что она не несёт «беларускую мову» в массы и разговаривает на русском языке и т. д. и т. п. И это при том, что Валя уже давно писала всё на белорусском языке и рецензировала курсовые работы выпускников Брестского педагогического института им. А. С. Пушкина — будущих преподавателей белорусского языка и литературы. После всех прямо и открыто высказанных обвинений Нина Матяш в рекомендации категорически отказала. И Валентине уже стало небезразлично, член она писательского союза или нет, ей уже захотелось доказать, что она достойна быть в его рядах.

Она обратилась к писателям, которые её знали по работе, и ей с удовольствием дали свои рекомендации доктор филологических наук, писатель Виктор Антонович Коваленко, белорусский критик, литературовед, кандидат филологических наук, лауреат Государственной премии Беларуси им. Якуба Коласа Дмитрий

Яковлевич Бугаёв, белорусский поэт и литературовед, доктор филологических наук, профессор Николай Иванович Мищенчук. Перед последним съездом Союза белорусских писателей проводили и приём новых членов. Сначала было заседание областной организации писателей, на котором присутствовал представитель из Минска В. Павлов. На обсуждение президиума были вынесены 14 кандидатур писателей — прозаиков и поэтов и одна кандидатура литературного критика — Валентины Локун. Всех писателей и поэтов приняли единым списком без обсуждения единогласно, а Валентину представляли отдельно. На следующий день все отправленные документы из Бреста были получены в Минске. Но когда Валя позвонила в Минск уточнить, получены ли уже её документы в Союзе, документов не оказалось. Пришлось позвонить в Брест и спросить, где документы, почему их не выслали в Минск вместе со всеми. На все её вопросы председатель Брестского областного отделения Союза белорусских писателей ответил: «Вы будете приняты на следующем заседании президиума, вы и так уже писатель, а четырнадцать человек плюс ещё один уже и так много для одного заседания, поэтому Ваши документы я не отсылал».

Конечно, Валя была очень расстроена, почему так бесцеремонно обошлись именно с ней, почему она оказалась лишней в списке из пятнадцати человек. Ей стало просто обидно, и она решила позвонить Валентине Ковтун, рассказать о сложившейся ситуации. Возмущение Валентины Михайловны было беспредельным. Она срочно разыскала Олега Антоновича Лойко, писателя, доктора филологических наук, и они вдвоем «рванули» в Союз белорусских писателей. Как потом доложила Вале в телефонном разговоре Валентина Михайловна, они вдвоём так носились по коридорам, что у О. Лойко только полы пальто развевались. Добрались до творческой секции литературной критики и объяснили, что это неуважение не только к Локун В. И., но и к тем людям, кто давал ей рекомендации. На этой секции присутствовал и тот самый В. Павлов, который представлял Союз в Бресте на заседании президиума. Он всё подтвердил, и Валю решили принять срочно без документов, организовав заседание, но опять встал вопрос: а кто же будет её здесь представлять? Валентина Ковтун без раздумий сказала, что она с удовольствием представит Валентину на обсуждении её кандидатуры в члены Союза.

Из Минска позвонили срочно в Брест, чтобы незамедлительно документы В. И. Локун были доставлены в Минск. Так Валю без документов приняли в Союз. 14 апреля 1998 г. В. Павлов выслал телеграмму Валентине о том, что она принята в Союз белорусских писателей.

Когда в 2006 г. был создан Союз писателей Беларуси, многие писатели — члены Союза белорусских писателей не спешили выходить из старого Союза и вступать в новый. Валя тоже не спешила с решением. Но буквально спустя некоторое время на заседании Брестского облисполкома был поднят вопрос, почему В. И. Локун не в новом Союзе? Валю сильно удивило и позабавило то, что обсуждение её кандидатуры в новый Союз писателей фигурировало даже на заседании облисполкома. В срочном порядке от имени Вали было написано заявление, и она с рядом других писателей и поэтов из Пинска была принята в новый Союз писателей Беларуси. Для выхода из старого Союза Валя опять же не писала никакого заявления, и получилось даже так, что какое-то время В. И. Локун состояла в двух писательских Союзах. Опять же без личного участия Валентины было написано заявление о выходе, и её исключили из Союза белорусских писателей. Кому-то может показаться, что это простые формальности, но они доставляли ей много огорчений и досады и лишний раз подчёркивали её физическую беспомощность.

Последние годы жизни Валентины были очень тяжёлыми. Болели не только мы, но особенно болела наша мама. И как бы ни тяжело было нам всем, Валентина всегда умудрялась читать и писать. Были в её планах и задумках новые работы. Работа всегда была смыслом её жизни. Ещё и я её шутя подстёгивал: говорил, что не могу сидеть без дела, что она не обеспечивает мне фронт работы. Её задачей было только написать черновик, остальное было уже за мной. Тексты печатал не менее трёх раз, после каждой её правки. Так скрупулёзно редактировать свой написанный текст могла только она, Валентина. А я как мог ей в этом безропотно

помогал, содействовал. И очень горжусь всем сделанным Валентиной, ведь в каждой её статье есть и частица моего труда.

Теперь основное. Валентина не смогла бы стать литературоведом и критиком такого уровня, если бы государственные структуры не помогали нашей семье. Мы всегда чувствовали их помощь и поддержку. По мелочам, конечно, Валентина никогда не обращалась к высокому начальству, старалась самостоятельно решать свои проблемы. И только в крайних случаях обращалась к руководству города Пинска. За это её уважали и ценили.

А вдохновителями и направляющими её жизненного пути были сначала Елизавета Семёновна Голод, потом Семён Фёдорович Шапиро и, наконец, Феля Ароновна Грантовская. И около четырёх десятилетий друзья и знакомые были поддержкой и опорой в нашей нелёгкой повседневной жизни. В их числе наш домашний доктор Якутович Валентин Валентинович и его жена Марина Васильевна. В статье, к сожалению, невозможно всех упомянуть. Всем им низкий поклон!

P.S. Когда Валентина была ещё ребёнком и у неё начались трудности при ходьбе, наша мама, прослышав, что в соседней деревне есть гадалка — обычная деревенская женщина, пошла к ней за советом и предсказанием будущей жизни дочери. Каково же было удивление нашей мамы, когда гадалка, едва раскинув карты, сказала: «Твоя дочка будет большим человеком». Мама, конечно, не поверила её словам, но через год снова посетила ту гадалку в надежде, что она забыла уже, что говорила год назад. Но снова услышала те же самые слова. Ту гадалку мама часто вспоминала. Вот и не верь после этого картам!

г. Пинск, май 2019 г.

Валентина Адамовна Горбачевская

Воодушевлённая литературой

Каждый человек алмаз, который может очистить себя. В той мере, в какой он очищен, через него светит вечный свет. Стало быть, дело человека — не стараться светить, но стараться очищать себя, чтобы пропускать свет.

Лев Толстой

В эссе «Книга в моей жизни?» Валентина Ивановна пишет: «Книга в развитии общества, Человечества в целом? На эти, казалось бы, простые вопросы не просто ответить. Уберите книги из нашей жизни, и что тогда останется? Мы просто онемеем в пустоте. Книга — это прежде всего информация: о мире от его начала и о человеке, когда он почувствовал себя существом разумным.

Я родилась в маленькой деревушке, там была только начальная школа и не было библиотеки. У меня не было возможности подержать в руках, а потом и почитать красочные детские книги, стихи, сказки, приключения... Я до сих пор об этом сожалею, ибо каждый возраст имеет свой литературный "интерес", его нельзя удовлетворить потом, потому что потом появляются новые пристрастия. Книга формирует характер человека, его нравственные начала, разнообразит его кругозор, помогает разобраться в сложных процессах развития мира и человека.

Сможет ли Интернет заменить книгу? Никогда! Книга — материальна, её можно потрогать руками. Она живая, обладает своеобразной аурой, с ней можно поспорить, у неё, наконец, можно поучиться. Она вот стоит у тебя на полке, и ты в любой момент можешь её взять и — согреться ею. Мне очень жаль теперешних молодых людей, которые лишают себя удовольствия общения с книгой. Ведь Интернет — это мир виртуальный, абстрактный, он, как космос, чужой и холодный.

Я с 1974 года пользуюсь услугами Пинской библиотечной системы. 40 лет! Сначала это была центральная библиотека, а в последние годы — филиал № 7, которым заведует Лариса Васильевна Горегляд. Хочу сказать абсолютно точно: в библиотеке работают особенные люди, фанатично преданные своему делу. Да и по сути, кто ещё за такие зарплаты, как не фанаты, там будут работать? Но главное, эти люди не только книгу любят, они так же преданно любят ещё и своих читателей. По-моему, это единственная "отрасль" в сфере обслуживания, в которой сотрудники всегда рады своим посетителям, т. е. читателям.

Я всегда очень трепетно и с большой признательностью относилась и отношусь к людям, с которыми в силу своей профессии все эти годы была связана. Это прежде всего Феля Ароновна Грантовская, Валентина Адамовна Горбачевская, Татьяна Михайловна Мурачёва, а теперь мне помогает главным образом Лариса Васильевна Горегляд. Это настоящие знатоки и хранители книги!».

С годами приходит понимание, что жизнь иногда сводит людей не просто так, не случайно, а потому что они должны обязательно встретиться в этой жизни, на этой земле. Сейчас я уже и не вспомню точную дату, когда впервые переступила порог квартиры № 6 по улице Первомайской, но о том, что в Пинске живёт литературный критик Валентина Ивановна Локун, я узнала в 1979 году по приезде на работу в Пинскую центральную городскую библиотеку после окончания Минского института культуры. Феля Ароновна Грантовская, работая в библиотеке долгие годы библиографом, часто рассказывала о том, какие это удивительные люди Локуны — Валентина Ивановна и её семья. С 1974 года и до отъезда в Израиль она была для Валентины Ивановны и библиотекарем, и консультантом по чтению, и большим другом семьи.

Мне как библиографу не составило большого труда найти и прочитать статьи В. Локун, публиковавшиеся сначала в местной газете «Полесская правда», затем в белорусских центральных газетах, в литературно-художественных журналах. Они показались мне живыми и искренними. Но это было скорее «удалённое», за-

очное знакомство и узнавание, чтобы просто иметь представление, о чём пишет этот человек.

В 1988 г. по семейным обстоятельствам мне пришлось уйти из любимой библиотеки почти на четыре года в газету «Полесская правда», где, работая корректором, я продолжала читать рецензии Валентины Ивановны уже по «наводке» Семёна Фёдоровича Шапиро, корреспондента этой газеты. Он вместе со своей женой Гитой Львовной, учительницей школы-интерната, часто навещал Валентину Ивановну и был в курсе всех её дел и новостей.

В 1992 г. я вернулась в Пинскую центральную библиотеку библиографом, и Феля Ароновна искренне обрадовалась моему возвращению. На тот момент она уже была на пенсии и не работала, но продолжала ходить по библиотекам города и разыскивать нужные Валентине Ивановне для работы книги и статьи. Читателей в те годы в библиотеках было много, новые журналы были очень востребованы, в читальном зале даже велась специальная тетрадь очерёдности чтения. Взять из читального зала книгу или журнал на дом было очень проблематично. Платные услуги в те годы в библиотеках ещё не практиковались, все журналы и книги читального зала должны были неукоснительно стоять на своих местах. Но всё же выход был найден: журналы я брала вечером после работы, а Феля Ароновна передавала их Валентине Ивановне, а утром я относила их обратно в читальный зал, благо, что жили мы практически на одной улице, и дома наши находились по соседству. Тогда я ещё не знала, что Феля Ароновна собралась в Израиль на постоянное место жительства. И только один вопрос её сильно волновал и тревожил: кто будет носить Вале книги, когда она уедет в Израиль? Я не задумывалась тогда, из каких соображений она выбрала именно меня в книгоноши, в библиотеке на то время работало 35 человек. Но я её заверила, что её Валю я, конечно же, не оставлю без книг и мне не составит большого труда разыскивать и относить ей нужные материалы. Феля Ароновна искренне обрадовалась и облегчённо вздохнула — проблема, так долго не дававшая ей покоя, была решена. До последнего дня жизни Валентины Ивановны они переписывались и перезванивались, сейчас Феля Ароновна звонит брату Валентины Ивановны. В одном из писем Валентина Ивановна мне написала:

«11.01.2016 г.

Добрый день, Валентина Адамовна! Спасибо за письмо. ... Ставлю последнюю точку. Я очень рада, что в моей жизни были и есть сейчас Феля Ароновна и Вы. Это Вы из меня сделали МЕНЯ. В этом году будет ровно 20 лет, как Феля Ароновна живёт в Израиле. И все эти долгие годы мы поддерживаем с ней диалог. Более того, последние лет десять, когда в Хайфу к родителям ежегодно стал ездить Чахоцкий-младший, Ф. А. все эти годы через него передаёт «приветы» в конверте. Разве я могу подвести людей, которые вложили в меня своё время и знания? Конечно, НЕ МОГУ!».

... И вот в один очень холодный и ветреный день Феля Ароновна повела меня знакомиться с семьёй Локун. О том, что у Валентины Ивановны и её брата врождённая миопатия, я знала давно. С детства я очень боялась всяких проявлений физического уродства, оно у меня всегда ассоциировалось со словом «инвалид». Поэтому шла я туда, надо признаться, не без какого-то внутреннего страха и волнения. Дверь в квартиру Локун, как объяснила мне Феля Ароновна, всегда была открыта, приходили врачи, социальные работники, друзья, соседи, знакомые — по делу или просто перекинуться парой слов, рассказать городские новости. Удивило, что в прихожей не было ни верхней одежды, ни обуви, наши пальто перекочевали на пустую вешалку в прихожей. «Мы ведь никуда не выходим, зачем нам верхняя одежда и обувь?», — объяснила мама Валентины Ивановны. Зашли в комнату к Валентине Ивановне, и удивительное дело — передо мной на кровати сидела очень симпатичная моложавая женщина с открытой обезоруживающей улыбкой. Нас познакомили и мы остались в комнате вдвоём — проговорили часа два. В те годы я много читала: книги и журнальные публикации, классику и современных авторов, так что поговорить нам было о чём.

Если сказать, что я была удивлена, «огорошена», поражена этим визитом и всем увиденным, — значит, не сказать ничего. Конечно, кто не сталкивался воочию с этой болезнью, тому трудно понять и представить, что это такое накормить, переодеть, умыть, повернуть, посадить, уложить, перенести с кровати в инвалидное

кресло, перевезти в другую комнату (чтобы Валя могла посмотреть телевизор), делать практически всё за больного человека, потому что ей подвластны были лишь мышцы в кончиках пальцев рук. Сама она была в состоянии лишь переворачивать страницы книг да с трудом писать. А таких больных в доме было двое — Валентина Ивановна и её брат Василий. Мама Ева Александровна была их руками и ногами, и если бы её не было рядом, они были бы беспомощными, словно дети. Мама и ухаживала за ними дённо и нощно, как за маленькими детьми, сновала из одной комнаты в другую, поддерживала вокруг них стерильную чистоту и идеальный порядок в квартире, отличающейся простотой и минимализмом интерьера. «Как же, к нам же люди каждый день приходят», — говорила Ева Александровна. Но при такой кажущейся беспомощности и Валентина Ивановна и Василий Иванович трудились целый день не покладая рук. Валентина Ивановна читала тексты, потом или писала, или диктовала Василию Ивановичу, а он набирал тексты на пишущей машинке, компьютера тогда у них ещё не было. В свободное от секретарской работы время Василий Иванович ремонтировал зонтики, фены, утюги, всякую мелкую бытовую технику тем людям, кто приходил к ним в дом по каким-то делам. В число его клиентов, конечно же, сразу попала и я, удивившись в первый момент его вопросу, что у меня есть дома неисправное.

Всей их дружной семье приходилось жить по строго заведённому болезнью распорядку, никогда его не нарушая. В доме царил мир и порядок, все друг о друге отзывались тепло и с любовью, заботились друг о друге, между ними никогда не было ни споров, ни ссор, ни обид с упрёками. И это при том, что жили они в зам-кнутом пространстве городской квартиры. Это меня больше всего и поразило, и восхитило.

Валентина Ивановна со своей болезнью не отгородилась от жизни стенами своей комнаты с прочной металлической кроватью. Эту кровать знакомые раздобыли для неё с большим трудом. Днём она работала, сидя на этой кровати, а ночью спала. Она принимала свою жизнь такой, какая она есть, со всеми невзгодами, маленькими радостями от успехов в литературоведении — публикаций в газетах, журналах, сборниках. Валентина Ивановна никогда не

жаловалась на своё здоровье, не говорила о своей болезни, не обижалась на судьбу, не боялась смерти. Все её страхи и переживания были только за маму. Как она переживала, когда мама болела! «Мы пропадём сразу, как мамы не станет», — повторяла она всякий раз. Мама прожила ещё много лет, о её смерти я узнала из письма от 05.10.2015 г.:

«Валентина Адамовна, добрый день! Спасибо Вам за письмо и добрые слова в мой адрес. Я горда тем, что Вы гордитесь нашей дружбой. Спасибо!!! Только, к сожалению или к счастью, я не звонила Вам этим летом. Этим летом я не написала ни одной строчки. 20 июня слегла наша мама. Она болела очень тяжело. Мы вынуждены были непосредственно к ней нанять две сиделки: на день и на ночь. Её нельзя было оставлять ни на минуту. Она перестала есть, была очень неспокойна, особенно по ночам. Последние шесть дней она и пить перестала, превратилась в абсолютную мумию. 1 сентября в 22 часа 05 минут нашей мамы не стало. Вместе с мамой не стало и нас. Я ничего не пишу и даже не пытаюсь. Мне ничего не хочется. Я пустая внутри, и снаружи тоже пусто.

Спасибо Вам, Валентина Адамовна. Вы, кажется, поняли меня глубже остальных. Головой я всё понимаю, а душа раздирается на части. И здесь я с собой ничего сделать не могу. Не за что ухватиться в этой жизни, не на что переключиться. Всё хорошее ушло вместе с мамой. Теперь осталась только борьба за физическое выживание».

С течением времени мне стало понятно, что это только в первые минуты люди, приходившие к Валентине Ивановне, видели в ней обездвиженную женщину, ограниченную этим совсем небольшим пространством городской квартиры, испытывали неловкость, незнание и неумение, как вести себя по отношению к ней, о чём с ней говорить (у многих из нас это настоящая проблема — общение с людьми с ограниченными возможностями на равных, полученная в наследство из советских времён). Но как только они переступали порог её комнаты, начинали беседовать с Валентиной Ивановной, то напрочь забывали о её болезни, о её инаковости. Как-то я спросила Валентину Ивановну, почему она никогда не

выезжает на улицу, в город, ведь у неё есть инвалидная коляска. Но она, шевельнув рукой, ответила, что ей не хочется лишний раз кого-то напрягать, а сама она в одиночку не выедет из подъезда, её маме это тоже не под силу, а дёргать и просить кого-то из друзей или знакомых по пустякам — это не в её правилах, тем более, что хватает других проблем, когда нужно обращаться с просьбами.

Прикованная к этому креслу в стенах квартиры она открывала для себя мир через чтение книг, через беседы о книгах с людьми, которые читали, черпала из книг знания, мудрость и вдохновение. Ранней весной она сидела на лоджии, грелась на солнце, радовалась, что тепло и солнце, что кончилась холодная зима — зимы она не любила, всегда мёрзла.

Я приходила к Валентине Ивановне с книгами и новостями из книжного мира в рабочие дни, иногда забегала и по выходным. Обсуждали и общие, и частные проблемы. Наше общение наполняло меня и эмоционально, и интеллектуально. И чем больше проходило времени после нашего знакомства, тем наши беседы становились всё более откровенными. Как-то раз я её спросила, а почему она выбрала стезю литературного критика, почему она сама не пишет художественные произведения. Она от души рассмеялась, а потом ответила: «Чтобы писать художественные произведения, в жизни должно быть много впечатлений, много пережитых чувств, эмоций... Вы же понимаете, как и о чём я могу писать, живя в четырёх стенах, нигде не бывая, ничего не видя...». А литературным критиком Валентина Ивановна решила стать окончательно и бесповоротно, прочитав в газете «Літаратура і мастацтва» статью Зои Мельниковой «Нам бракуе самапавагі» 5. В ходе работы над биобиблиографическим указателем⁶ я вспомнила о нашем разговоре и разыскала эту статью 26-летней давности в Витебской областной библиотеке. В хранящихся в нашей библиотеке двух экземплярах нужного номера газеты «Літаратура і мастацтва» именно эта статья была аккуратно вырезана. С любезного разрешения Зои

⁵ Мельнікава З. Нам бракуе самапавагі // Літаратура і мастацтва. — 1992. — 29 мая. — С. 6—7.

⁶ Валянціна Іванаўна Локун : біябібліяграфічны паказальнік / складальнік В. А. Гарбачэўская. – Мінск : Транстэхніка, 2019. – 76 с.

Петровны привожу текст статьи полностью, чтобы стало понятно, почему Валентиной Ивановной было окончательно принято решение стать литературным критиком. «Я поняла, что нужно от меня, эта статья многое мне прояснила»:

«Сапраўды, стан сучаснага беларускага літаратуразнаўства, асабліва яго састаўной часткі — гісторыі нацыянальнай літаратуры, даволі драматычны. Новы час разняволіў нас, гуманітарыяў, ад палітыка-ідэалагічных наручнікаў мінулага. Але вызваленыя рукі разгублена апусціліся, бо мы выхаваны і адукаваны эпохай тых жа наручнікаў. Мы хочам напісаць сапраўды аб'ектыўную і навуковую гісторыю роднай літаратуры, але пры гэтым востра адчуваем, як не хапае і тэорыі, і практыкі, і мудрасці, каб зрабіць гэта на прыстойным, адпаведным нацыянальнай літаратуры ўзроўні. І ўсё ж рабіць гэта трэба. Інакш стрыманасць нашага літаратуразнаўства можа расцаніцца як сапраўды яго некампетэнтнасць і банкруцтва.

Мне сённяшні дзень нашай літаратуразнаўчай навукі ўяўляецца часам удумлівага і пакутлівага пераасэнсавання спадчыны, часам назапашвання новых і адноўленых імён, твораў і крыніц, урэшце — патэнцыяльных магчымасцяў.

Відавочна, што сёння нам не пазбегнуць палітызацыі. Гэта, на маю думку, будзе аб'єктыўным працэсам, або першай прыступкай у выпрацоўцы канцэпцый і тэорыі сапраўднага, дэідэалагізаванага літаратуразнаўства. І дзеля гэтага варта "ламаць коп'і" на старонках друку.

Самае актуальнае і першаступеннае — звярнуцца да гісторыі літаратуры папярэдніх перыядаў, асэнсаваць і прааналізаваць яе з агульначалавечых гуманістычных пазіцый, убачыць набыткі і выдаткі, рашуча скінуўшы ідэалагічныя шоры "класавасці, партыйнасці, народнасці".

Вяртанне да спадчыны павінна быць выключна сумленным і аб'ектыўным. Важнейшымі крытэрыямі пры гэтым павінны быць гістарычная праўда і эстэтычная вартасць твораў пісьменніка. Ахаіць, абвінаваціць у апалагетыцы — нескладана; куды цяжэй зразумець мастака, драматызм эпохі і чалавечых лёсаў у мінулым.

Цалкам непрымальнымі з'яўляюцца папрокі маладых навукоўцаў старэйшым: вы, маўляў, нівеліравалі, спрашчалі літаратурны працэс, былі залішне абачлівымі... Трэба разумець драматызм самога літаратуразнаўства і яго стваральнікаў у мінулыя часы, магчымасці якіх былі абмежаваны палітыка-ідэалагічнай унармаванасцю. Без вопыту, дасведчанасці, прафесійнасці старэйшых калег нам не абысціся.

Другой, перспектыўна неабходнай задачай сучаснага літаратуразнаўства будзе асэнсаванне і аналіз твораў нацыянальнай літаратуры ў кантэксце літаратур суседніх народаў. Сапраўды, наша навука павінна рашуча пазбавіцца сарамлівай правінцыйнасці, традыцыйнай інертнасці з тым, каб набыткі сваёй літаратуры ацэньваць у параўнанні з еўрапейскімі. Дзеля гэтага нам сёння яшчэ бракуе здаровай амбітнасці, самапавагі, смеласці і дасведчанасці. Гэту аб'ектыўна абумоўленую адсталасць давядзецца пераадольваць.

Аднак арыентацыя толькі на іншыя, больш тэарэтычна развітыя хоць і суседнія, але чужыя мацерыкі — занятак спажыўны і плённы толькі ў пэўнай ступені. Не стрымала б, не абмежавала б гэта пошукі і спасціжэнне нашай нацыянальнай адметнасці і вызначанасці, не абярнулася б штучнасцю...

У стварэнні сучаснай літаратуразнаўчай навукі вялікую ролю будзе адыгрываць асоба даследчыка, яго эрудыцыя, адукаванасць, густ... Мы маем даследаванні, якія можна лічыць узорамі для сённяшняга і заўтрашняга літаратуразнаўства. Дзеля прыкладу спашлюся на кнігу У. Калесніка "Янка Брыль", у якой засведчана філасофскае заглыбленне ў свет мастацкага твора, філіграннае, высока прафесійнае майстэрства адчуць, зразумець і прааналізаваць сюжэт, вобраз, дэталь, каб яны засвяціліся дыяментамі, уменне ўбачыць значнасць творчасці беларускага пісьменніка ў кантэксце твораў вялікіх польскай і рускай літаратур і доказна паказаць, што наша нацынальная літаратура і змястоўная, і эстэтычна багатая, і таленавітая... Метадалагічнымі арыенцірамі для сучаснага беларускага літаратуразнаўства, мяркую, могуць з'яўляцца артыкулы і працы апошняга часу А. Лойкі, Д. Бугаёва, В. Каваленкі, У. Калесніка, М. Мушынскага, А. Рагулі, Р. Шкрабы...

Важкім і неацэнным здабыткам сённяшняга літаратуразнаўства будуць заставацца гісторыка-тэарэтычныя артыкулы М. Багдановіча, літаратуразнаўчая спадчына М. Гарэцкага, напрацоўкі адраджэнцаў пач. XX ст., прыхільнікаў беларусізацыі, тэарэтыкаў беларускай літаратуры 20-х гадоў. У многіх адносінах нам трэба вярнуцца да іх, каб пачаць стваральны рух наперад.

Сёння існуе не толькі настальгія, а адчуваецца вострая патрэба ў тэорыі нацыянальнага літаратуразнаўства. Тут нельга не пагадзіцца з Ю. Лявончыкам, што манаграфій па тэарэтычных праблемах у нас мала. Без засваення сусветнага вопыту па гэтых праблемах (я цалкам згодна з А. Лойкам) мы застанёмся бездапаможнай правінцыяй. Відавочна, што гэта справа перш за ўсё акадэмічнага літаратуразнаўства.

Аднак катэгарычна не згаджуся з Ю. Лявончыкам, "што ў нас пакуль што няма мастацка і філасофска значных твораў у сучаснай літаратуры — на ўзроўні сусветнай". ЁСЦЬ. І хіба гэта не той жа правінцыялізм — адмаўляць сабе і нацыянальнай літаратуры ў значнасці і вартасці?... Багдановіч, Гарэцкі, Купала, Колас, Караткевіч, Мележ, Быкаў, Казько, Пташнікаў... Іх творчасць з выключнай годнасцю ўпішацца ў еўрапейскі, у сусветны літаратурны кантэкст. Зрабіць гэта, прыклаўшы ўсе намаганні для пераадолення крызіснасці і адсталасці сучаснага літаратуразнаўства, — наш грамадзянскі і прафесійны абавязак. г. Брэст». (Літаратура і мастацтва. 1992. 29 мая).

Эта статья на всю оставшуюся творческую жизнь стала для Валентины Ивановны личным кредо, руководством к действию, путеводной звездой, хотя она любила повторять, что она вовсе никакой не критик, а скорее литературовед. У неё никогда не было желания кого-то раскритиковать, сделать свои замечания в резкой форме, разгромить в пух и прах автора. Во всех её рецензиях и статьях всегда было только стремление «дойти до сути».

От первой своей публикации до последней Валентина Ивановна никогда не теряла интереса к слову, к литературе, слово примиряло её с жизнью, отвлекало от болезни, от однообразия повседневности бытия.

Она часами могла говорить о литературе, о писателях, о своём впечатлении от прочитанных книг. Со многими авторами книг она вела активную переписку, отдельные авторы никак не реагировали на её рецензии в литературно-художественных журналах. Говорила, что ей очень легко работать с текстами И. Шамякина. Смеялась, что деревня 50-х гг. в творчестве Ивана Петровича совсем не соответствовала действительности, но за сцены любви в его произведениях Шамякину можно простить всё! Как он тонко умел эти чувства передать! Всегда сокрушалась, что в белорусской литературе остался недооценённым В. Козько.

В последние годы в телефонных разговорах Валентина Ивановна с тревогой говорила о том, что современная литература утрачивает духовный смысл, перестаёт служить вечным идеалам любви, добра и красоты, что в результате переоценки ценностей получается совсем не то, чего ждём мы от художественной литературы.

В личной библиотеке Валентины Ивановны была собрана целая коллекция книг с автографами авторов. Это А. Бадак, М. Ляшук, Г. Марчук, Н. Матяш, А. Шушко, О. Ждан, В. Гниломёдов, В. Ковтун, А. Крейдич, Н. Микулич, А. Карлюкевич и др.

Позднее она вела активную переписку со многими авторами книг, на которые писала рецензии. Всегда восхищённо отзывалась о Карлюкевиче Александре Николаевиче: «Когда он всё успевает, как ему всё так быстро удаётся делать, какой он обязательный, пунктуальный, отзывчивый, готовый всегда прийти на помощь!».

В последние годы своей творческой жизни Валентина Ивановна в своих статьях и рецензиях создала удивительный творческий портрет Олега Ждана. Она анализировала его произведения для детей, идейно-художественные искания в контексте доминирующей эстетики 70–80-х гг. в его повестях и романах. Читала и перечитывала роман «Не погибнет со мной» о Н. Кибальчиче, и её рецензия на этот роман была оценена Олегом Алексеевичем по достоинству, о чём мы читаем в его письме Валентине Ивановне:

«Уважаемейшая Валентина Ивановна! Статья Ваша умная, глубокая, аналитичная по высокому счёту, а главное — интересная. Так много неожиданных мыслей, такое проникновение в сюжет, а главное — в образ Н. И. Кибальчича, что, читая и пере-

читывая статью, я раз за разом застревал, в смысле — зависал, правильнее — замирал над строками, размышляя: не слишком ли умно для меня и моего героя? Что ж, я счастлив, если не слишком. Смириться с высокой оценкой твоего интеллекта куда проще, нежели с недооценкой. Впрочем, я не о себе, а о Николае Кибальчиче.

Я работал над романом три года, сидел сиднем в исторических библиотеках Москвы и Ленинграда, разбирал архивные закорючки в ЦГАОР, ездил в Новгород-Северск и Короп, проникся событиями того времени и образом моего героя, и было бы очень обидно, если бы Вы не поняли меня и Его.

Конечно, над некоторыми словами и мыслями я зависал дольше обычного, например, о том, что образ NT — фикция. Дело в том, что вся эта история в Жорнице — реальность. Сохранились документы — даже его прощальное письмо с матерным ругательством. Хотелось снять это определение, но, подумав, решил, что в контексте подразумевается иное, а именно идеи этого персонажа как фикция, и — сохранил Ваши слова. В романе вообще мало измышленных персонажей, история предоставляет достаточно реальных людей.

Между прочим, уже подписав договор с издательством, я хотел было отказаться от этой работы из-за недостатка документальных материалов, но разговорился с известным московским писателем Юрием Давыдовым, автором многих книг об этом периоде российской истории, и он сказал: "Я десять лет мечтал получить договор на роман о Кибальчиче!". И тут же продиктовал мне номер фонда и опись, в которой хранились материалы о нём. Там же я нашёл историю с NT. Вот таков был Юрий Давыдов. Кстати, лауреат премии "Триумф". (Когда-то он дал мне рекомендацию в Союз писателей, и первая строка рекомендации звучала так: "Только тираны могут говорить, что герои Олега Ждана — маленькие люди!". Я этого человека любил. А уважали его все).

Завис я и над Вашим размышлением о христианстве. Но с иной позиции: достоин ли мой текст такого утверждения? И, как Вы понимаете, с радостью согласился: достоин. Если не текст, то мой герой.

Немало в статье и словно нечаянно оброненных, но чрезвычайно важных мыслей — это и о мотиве антизла в тексте, и о патриотизме, как служении идее, и о приближении тотального катастрофизма, и много иных, которые, опять же, заставляют "зависнуть". Спасибо. Ваш ОЖ. Март 2015».

О быковской летописи войны Валентина Ивановна начала писать с 1977 года. Вначале это были газетные статьи, затем журнальные, в 1999 г. была написана монография по его творчеству «Васіль Быкаў у кантэксце сусветнай літаратуры», которая увидела свет лишь в 2005 г.

Однажды я осмелилась спросить у неё: «Валентина Ивановна, как Вы думаете, Василь Быков читал вашу монографию или нет? Вы столько о нём пишете, почему он Вам ни строчки никогда не прислал в ответ?». Она рассмеялась от души и сказала: «Он выше этого. Подумаешь, какие-то критики что-то там где-то о нём пишут. Это для начинающего автора очень важно, кто, что, где о нём напишет, для новичка любая рецензия — это волнение, переживание, счастье. А Быков уже классик, притом при жизни классик!».

Работая над биобиблиографическим указателем, посвящённом творчеству Валентины Ивановны, я нашла её статью об истории написания монографии «Ад рукапісу да кнігі», опубликованную в пинской газете «Полесская правда» 4 сентября 1999 г., где она выражает свою благодарность всем, кто помогал ей в написании монографии. Через двадцать лет я прочитала слова искренней благодарности и в свой адрес.

Работая над серьёзными произведениями классиков белорусской литературы, Валентина Ивановна часто писала рецензии, предисловия к книгам начинающих и известных уже пинских авторов: Н. Приступы, М. Юхнюк, З. Вагера, Н. Еленевского, Ю. Солоневича, М. Ляшук, Н. Лавровича, В. Гришковца и др. Учитель, благодаря которому многие начинающие писатели смогли поверить в себя.

Помогая всем вокруг себя расти, развиваться, совершенствоваться, она и сама становилась сильнее, умнее, мудрее.

Я тоже не без влияния Валентины Ивановны стала постоянным автором статей в городских газетах «Деловой Пинск», «Пін-

скі веснік», где в рубриках «Правовой всеобуч», «Книжная полка», «Книжная лоция» в 90-е годы печатались мои библиографические обзоры, презентации новых книг.

Уже намного позднее, в 2010 г., работая заведующей информационно-библиографическим отделом Брестской областной библиотеки им. М. Горького, написав большой обзор художественной литературы о Грюнвальдской битве на белорусском языке, я выслала его Валентине Ивановне, чтобы она внимательно прочитала его, поправила, если надо, и вынесла свой вердикт. Уже на следующий день Валентина Ивановна прислала мне ответ, что она всё прочитала, ничего не правила, поскольку у меня свой собственный стиль. А ещё написала: «Как здорово у Вас это получается, так легко и просто! Пишите обязательно!».

В моём электронном ящике сохранилось 25 писем от Валентины Ивановны, я перечитала их, работая над биобиблиографическим указателем по её творчеству. В письме от 6 октября 2014 г. она пишет: «Я и не знала, что Вас уже причислили к пенсионерам, и не представляю, как Вы такая "больная на литературу" можете не работать». В своём ответном письме я её заверила, что остаюсь работать на прежнем месте и всегда в полной готовности к участию в её творческой жизни.

Она читала очень много и благодаря книгам открывала для себя и новые темы, и новые имена в литературе. Благодаря книгам она, скованная болезнью, свободно путешествовала во времени и в пространстве. Книги для неё были окном в мир. Сегодня я вспоминаю и даже горжусь тем, что именно я «открыла» Валентине Ивановне такого писателя, как Андрей Федоренко. Тогда я была под большим «уражаннем» от его повести «Деревня», но Валентина Ивановна только рассмеялась в ответ на моё предложение прочитать её и сказала, что всё её рабочее время принадлежит В. Быкову. Но мне всё-таки удалось уговорить её почитать хотя бы небольшой рассказ «Памарак» (он был опубликован в июльском номере журнала «Полымя» за 1997 г.) и она согласилась. Потом мы долго и шумно его обсуждали, а впоследствии Валентина Ивановна включила его в обзор «малой прозы» 1997 г. Произведения этого талантливого писателя и в дальнейшем находили отклик в её

литературоведческой работе. Чего стоит дискуссия литературоведов после публикации её рецензии «Настальгія па страчанаму раю» на повесть А. Федоренко «Дикий луг»!

К написанию каждой своей работы Валентина Ивановна очень тщательно готовилась, она перечитывала текст произведения несколько раз, читала и критику, если такая уже имелась. Иногда нужную книгу приходилось разыскивать не только в библиотеках, но и в книжных магазинах, если книга нужна была срочно. Помню, как однажды для цитаты срочно понадобился сборник литературно-критических статей Людмилы Корень «Цукровы пеўнік»⁷. Валентина Ивановна написала её по памяти, но не была уверена, что написала дословно. Книга эта в фонды Пинской городской и Брестской областной библиотек пока ещё не поступила, она только-только вышла. Отыскала я её случайно в одном из книжных магазинов в Минске. Вечером я позвонила Валентине Ивановне, спросила, нужно ли покупать книгу. Как же она обрадовалась, что книга наконец-то нашлась, наконец-то её статья будет закончена.

В жизни Валентины Ивановны не было резких поворотов судьбы, не было перемены мест, частых смен трудовой деятельности, душевных драм, мало что в жизни могло вывести её из строгого рабочего графика, выбить из отработанного годами ритма. Одноединственное событие в жизни — смерть мамы — всё же стало причиной её творческого безмолвия почти на целый год. После смерти мамы в письмах у Валентины Ивановны стали появляться тревога и озабоченность их с братом материальным положением в сложившейся ситуации. Она не говорила о своей смерти, но чувствовала свой скорый уход, все её волнения и тревога были теперь уже, как раньше за маму, за брата Василия: как он будет жить на свою пенсию, кто за ним будет ухаживать, как его обезопасить в его дальнейшей жизни и от нужды, и от всяких непредвиденных жизненных ситуаций. Тревога за жизнь мамы сменилась тревогой за жизнь брата, но жизнь без сил физических научила их быть сильными духом.

⁷ Корань Л. Д. Цукровы пеўнік : літ.-крыт. арт. – Мн. : Маст. літ., 1996. – 286 с.

«6.01.2016 г. Здравствуйте, Валентина Адамовна! С наступившим Вас Новым годом и наступающим Рождеством! Спасибо за письмо. Слава Богу, Вы продолжаете работать. Это хорошо. А я уж подумала, что Вы оставили своё рабочее место. Я без Вас точно пропаду, хоть и обращаюсь сейчас реже, чем прежде, но зато какие вопросы решаются! Да ещё как оперативно! Конечно, обидно за державу, что она оценивает интеллектуальный труд по остаточному принципу. За нашу пенсию (а у меня кандидат плюс первая группа инвалидности, плюс двадцать пять лет стажа) на сегодняшний день три миллиона триста. Ваша же пенсия, видимо, и до этого не дотягивает. Стыдно кому-нибудь эти цифры даже озвучивать. Чего ради мы сушили свои мозги, чего ради я писала свои книги и научные статьи? А теперь, после смерти мамы нам приходится дополнительно оплачивать одну сиделку. Это отминусуйте два миллиона двести. А нужно ещё платить за квартиру, и Васе постоянно принимать таблетки, которые далеко не дешёвые. Вот и смысл жизни. Вот к чему мы пришли в итоге. Про нас Вы знаете всё. Пока ещё я не вышла из депрессии. Делать ничего не хочется. Живём как живётся. У нас в квартире тоже не очень тепло. Включили два обогревателя. Пишите. Ваши Локуны».

Но время лечит. По последним письмам, полученным по электронной почте, я всё больше узнавала прежнюю Валентину Ивановну. Она снова «загорелась» работой. И, как раньше, когда все её разговоры были о творчестве В. Быкова, темой разговоров стало теперь творчество В. Гниломёдова, вся она с головой уже была в «Нарысе творчасці».

«На днях мне звонил мой друг из Минска Н. Микулич (он теперь зав. отделом, в котором я когда-то работала). Теперь он вместе с академиком В. Гниломёдовым решили меня загрузить по полной программе: заказали "Нарыс творчасці" В. Гниломёдова. Обещали даже издать вот эту мою книгу в издательстве "Беларуская навука". Вот сижу и думаю: а на фига мне это надо? Это с одной стороны. А с другой — может и согласиться? Наверное, буду соглашаться. Если мне академики доверяют своё творчество, так

что уж мне тут задаваться! Вот тогда, Валентина Адамовна, наверное, и к Вам буду обращаться. Как, согласны? Короче, Валентина Адамовна, будем на связи. Пишите. Валентина Ивановна. 06.01.2016 г.».

«Валентина Адамовна, добрый день! Вот, кажется, и подошло ВАШЕ время. Пожалуйста, помогите мне. В моей личной библиографии-биографии произошёл сбой. А может быть, этот сбой в моей голове. Короче, мне кажется, что на все книги Хроники В. Гниломёдова я писала статьи. В том числе и на первую — "Уліс з Прускі". Но черновой вариант на эту первую книгу у меня отсутствует (остальные есть). Или как вариант, отдельно первую книгу я не рассматривала? Валентина Адамовна, ваша задача, посмотрите, пожалуйста, в своих компьютерах или "схронах" журнал "Полымя" с 2000 по 2008 год. Печаталась ли в этом промежутке в "Полымя" моя статья (рецензия), в которой бы я рассматривала роман В. Гниломёдова "Уліс з Прускі"? Ибо ни у себя, ни в городской библиотеке такой информации я получить не могу. Смотрите только "Полымя", потому что Гниломёдов у меня весь проходил только по этому журналу. Я наконец-то решилась вернуться в профессию. Точнее, попробую вернуться... Взялась за очерк творчества В. Гниломёдова. Заранее вас благодарю. Сроками не ограничиваю. Как у вас будет получаться. Валентина Ивановна».

Я отослала Валентине Ивановне библиографию творчества В. Гниломёдова из фондов нашей областной библиотеки, и снова началась каждодневная работа мысли и руки. Она редко или вообще никогда, можно сказать, не позволяла себе чтения для души, всегда только книги для работы. О чём бы она ни писала, в конце всегда возвращалась к войне, военной теме. Вначале была Великая Отечественная война, позже — Первая мировая как в творчестве белорусских писателей, так и зарубежных. Свои статьи она всегда переписывала по нескольку раз, «шлифовала» каждую фразу, подбирала правильные слова, к каждому слову — десятки синонимов, выбирала нужный, меняла местами эти слова. В итоге язык её книг и статей получался предельно простым, чистым и лаконичным.

Она прекрасно овладела мастерством построения фразы, понятной всем, очень энергичной, точной и образной. Когда читаешь её статьи, создаётся впечатление, что написаны они на одном дыхании, но только близкие люди знали, что за этой лёгкостью — тяжёлый кропотливый труд.

Внимательно изучая и вбирая в себя все богатства белорусской, русской и зарубежной литератур, она сумела сохранить при этом своё собственное лицо в белорусской литературной критике. На протяжении всей жизни скрупулёзно изучая чужие произведения, она при этом оставалась сама собой. Такой творческой судьбы можно только пожелать многим и более признанным, и более успешным!

Может, поэтому при изучении творчества белорусских писателей, её статьи были так востребованы студентами-филологами. В журналах с её статьями, хранящихся в книгохранилище библиотеки, по пометам и маргиналиям, зачитанности страниц можно легко определить, что обращались к ним очень часто. А это значит, что писала она «не в шуфляды», а написанное и опубликованное Валентиной Ивановной не пылилось на книжных полках.

Перечитывая сегодня работы В. И. Локун, понимаешь, что так писать мог только человек, который в жизни прочитал очень много хороших и умных книг. На мой взгляд, Валентина Ивановна является одним из самых интересных и при этом незаслуженно малоизвестных белорусских литературных критиков начала XXI века. Её кончина высветила смысл всего жизненного и творческого пути преданного литературе и книгам учёного и очень мужественной женщины. Эта статья — моя личная дань уважения Валентине Ивановне Локун и её творчеству, чувство благодарности судьбе за то, что этот человек присутствовал в моей жизни и останется в памяти навсегда.

г. Брест, июнь 2019 г.

Мария Ивановна Ляшук

Воспоминания сквозь слёзы

Прошло уже немало времени, а разум противится принять эту потерю. Противится жестокой реальности, в которой уже нет этой удивительной женщины. Она теперь там, где тихо и спокойно, где её душа рядом с душой её горячо любимой мамочки, в райских садах. Ибо всей своей жизнью на Земле они заслужили у Всевышнего такой благодати.

Свято и бережно хранит память о них дорогой обеим человек — сын и брат Василий Иванович Локун. Он, его мама Ева Александровна и сестра Валентина Ивановна, составляли единое, вернее, триединое целое. Говорить только о ком-то одном из них будет не совсем правильно, однобоко, ибо настолько крепкой была связь между матерью и детьми, между братом и сестрой, что рвать её можно только по-живому. Делать это не могу, не имею права, а потому буду говорить о каждом из семьи Локун.

Еву Александровну помню с тех самых пор, как стала работать на радио ПТО «Полесье», на тот момент одном из самых мощных предприятий лёгкой промышленности не только Беларуси, но и Европы. В пятиэтажном административном здании среди множества основных и подсобных помещений нашлось место и буфету, где можно было пообедать недорого и сытно. Еду привозили из столовых находящихся рядом фабрик. Она недолго оставалась тёплой, а желающих принять пищу всегда было немало. Выход из ситуации нашла помощница официантки Ева Александровна, всегда чистенько одетая, аккуратная, вежливая и простая в общении: нужно было ёмкость с пищей поместить в другую ёмкость с горячей водой. И всё, нужная температура еды обеспечена.

Услугами буфета приходилось пользоваться и мне. В одно из таких посещений я и познакомилась с Евой Александровной Локун. Поразили удивительная доброжелательность и простота. А ещё — приветливые глаза, как мне тогда казалось, всегда напол-

ненные слезами. Когда находилось свободное время, мы беседовали. Из разговоров, доверительных и искренних, я многое узнала о семье Локун. Своими впечатлениями от услышанного поделилась на страницах многотиражной газеты «Трудовая доблесть». По молодости не учла мнения всех членов семьи. Мне казалось, что материал получился трогательным: ведь подробности не должны были оставить читателей равнодушными. Однако звонок, раздавшийся через несколько дней после публикации, протрезвил меня. Приятный по тембру, но строгий по интонации голос на том конце провода требовал больше не писать статей в таком тоне об их семье. Как потом я узнала, это звонила Валентина Ивановна. Вскоре мы познакомились (по моей просьбе) ближе и наши отношения стали приятельскими. К сожалению, в те 80-е годы прошлого столетия не так часто доводилось с ней общаться. Это стало возможным и необходимым в начале девяностых, когда я начала работать в городской газете «Пінскі веснік». Более обширное, чем на ПТО «Полесье», поле творческой деятельности, широкий круг знакомств с неординарными и обычными людьми помогали мне взрослеть и объективно смотреть на происходящее вокруг. И оказалось, что мир неоднозначен, разносторонен, и тёмных полос в нём не меньше, чем светлых. И люди в этом мире тоже разные.

Валентина Ивановна Локун среди них была особенной — и внешне, и внутренне. Красивая, всегда с аккуратной стрижкой, ухоженная — глаз не отвести. А в разговоре впечатляли её образованность, интеллект, умение слушать и слышать собеседника.

Прежде чем впервые переступить порог просторной квартиры № 6 в доме по улице Первомайской, чтобы лично познакомиться с его хозяевами, неоднократно читала о них в прессе. А потом и сама множество раз писала о событиях, связанных с семьёй Локун. Крепла и наша дружба.

Правда, больше всего я общалась с Валентиной Ивановной, с которой было много общих интересов, тем для обсуждения, много общих знакомых. Наше общение затягивалось на часы, хотя свободного времени из-за моей занятости на работе и дома было в обрез.

Я до сих пор признательна этой замечательной женщине за настоятельное требование продолжать мои литературные труды, ко-

торые уже на тот момент приобретали популярность у читателей. Это именно Валентина Ивановна настояла на том, чтобы я хотя бы несколько своих новелл послала в журнал «Нёман» и газету «Літаратура і мастацтва», где вскоре они и в самом деле были напечатаны. Это придало мне ещё больше сил и уверенности.

А Валентина Ивановна опять продолжала настаивать, но уже в другом направлении — собирать написанное мною под одну обложку и готовить к изданию свою книгу. «Других авторов вычитываете и редактируете, а о своём творчестве и не думаете», — добродушно упрекала она меня. Я находила тысячи отговорок, а Валентина Ивановна настаивала на своём и настояла! Она и предисловие написала к моей первой книге «Благословенные небом», и радовалась вместе со мной её выходу.

Написала Валентина Ивановна предисловие и к моей второй книге «Обречённые на счастье», которая на сегодня пока не издана. Но ещё больше горечи из-за того, что нет с нами самой Валентины Ивановны. Встречи с ней были настолько необходимыми, что становилось неуютно, если промежуток между ними по той или иной причине удлинялся.

Встречи в семье Локун были «по причине» или без причин. Обычно Валентина Ивановна переезжала из своей комнаты через коридор в комнату Василия Ивановича, где на своём диване отдыхала и их мама Ева Александровна. Разговор на самые разные темы вёлся непринуждённо и откровенно. Участники его были уверены, что озвученные здесь личные секреты не выйдут за порог этой квартиры. Обязательно присутствовало чаепитие со вкусными печенюшками или пирожными.

По большим праздникам или юбилеям перебирались в зал, в котором собиралось до двадцати человек. В этой семье умели принимать гостей, а друзей, приятелей — особенно. И что очень важно, многие друзья семьи Локун, люди самые разные по характеру, возрасту, роду занятий, становились друзьями между собой. Каждый из них помогал этой семье, чем мог.

Помочь Валентине Ивановне и её семье — особая честь. Наверное, поэтому я отстояла интерес семьи Локун, когда встал вопрос замены старых балконных окон, через которые дул ветер в хо-

лодное время года, продувая насквозь и комнаты, где находились обитатели квартиры.

Председатель Пинского горисполкома А. В. Мулярчик внимательно выслушал мои доводы и помог решить проблему семьи.

Помогая им, я таким образом тоже благодарила за помощь мне с их стороны, духовную помощь, моральную поддержку, верную дружбу. Да, не раз приходилось и плакаться, и совета спрашивать. И всегда уходила из этого дома с лёгким сердцем.

После смерти мамы Валентина Ивановна и Василий Иванович не остались одни. По-прежнему приходили люди, оказывали им посильную помощь. Об этом всегда просила приходящих в их дом Ева Александровна. Она понимала, как непросто будет без неё её дочери и сыну. Повторюсь, она для них была не просто мамой, она была частью каждого из них. Увы, жизнь — непростая штука. И мы не вечны в ней.

После ухода Евы Александровны Валентина Ивановна как-то заметно сдала. Она часто грустила, не так активно трудилась над очередными литературными заказами и чувствовала себя не так стабильно, как раньше. Зная лично многих врачей, я договорилась об её обследовании. По договорённости с управлением соцзащиты горисполкома, в городские медучреждения добирались спецбусиком. Специалисты-медики приезжали и домой, чтобы проведя обследования сделать свои выводы. Выводы были оптимистичными, а Валентине Ивановне становилось всё хуже и хуже. По крайней мере, она настоятельно это утверждала. Решили пригласить к ней психотерапевта, чтобы выписал успокоительные и расслабляющие таблетки. Врач появилась буквально на следующий день.

Надо сказать, что в эти дни, недели и даже месяцы я бывала в семье Локун почти ежедневно. В тот раз, когда пришла врач, я была в комнате Валентины Ивановны и решила оставить их наедине. Однако хозяйка квартиры попросила поприсутствовать при разговоре. Я согласилась и услышала своеобразную исповедь. Валентина Ивановна говорила о себе, о своих чувствах, ощущениях, взглядах, о своей семье, своём самочувствии. Когда врач в итоге предложила пригласить священника для исповеди, она не ответила ничего. Я знала особое отношение Валентины Ивановны и Васи-

лия Ивановича к религии, поэтому и не удивилась такому вот молчаливому ответу.

Врач ушла. Нужно было бежать и мне. Но какая-то тревога не уходила из сердца. Мы договорились о встрече на следующий день. Валентина Ивановна кивнула в знак согласия. На моё предложение закончить незавершённый материал лишь махнула рукой.

Ранний утренний звонок был тревожен, как и голос соцработниц: Валентине Ивановне становится всё хуже и хуже. Одевшись наспех, минут через семь была уже в квартире Локун. Срочно вызвали «скорую». Но они не успели: на наших глазах Валентина Ивановна ушла в Вечность.

Никто не хотел верить случившемуся. Проводить в последний путь пришло очень много людей, а она среди моря цветов лежала словно живая, с умиротворением на лице. Наряд на ней был тот, который она собрала задолго до своего ухода. Каждая его деталь была продумана ею же. Даже серебряное колечко было выбрано из нескольких привезённых на выбор из магазина.

Осиротела большая квартира, осиротел Василий Иванович. Он никак не мог смириться с таким скоропостижным уходом сестры, которая была ему и другом, поскольку ближе мамы и Вали у Василия Ивановича никого не было.

И уже без Валентины Ивановны Василий Иванович свято чтит память о своих женщинах: отмечает годовщины со дня ухода каждой из них в мир иной, а также установлены памятники, которые были выбраны по желанию Евы Александровны.

Василий Иванович. Познакомилась с ним ближе в последние годы. Не предполагала тогда, что он станет мне близким человеком, надёжным другом, как и покойная Валентина Ивановна, а ещё непревзойдённым помощником. Случилось так, что при переходе с руководящей должности рядовым сотрудником газеты «Пінскі веснік» возникли, как оказалось, непреодолимые проблемы с набором моих материалов. Проще говоря, те, кто должен был это делать исходя из своих профессиональных обязанностей, игнорировали меня. Со слезами рассказала об этом Валентине Ивановне. На следующий день она поспешила с предложением такого плана: если я согласна, то набор моих материалов будет делать Василий

Иванович. И наша общая работа закипела. Я приносила от руки написанные тексты, Василий Иванович набирал их на компьютере. Со временем он перевёл мою первую книгу на белорусский язык, собрал под одну обложку материалы моей второй книги, создал архив моих газетных материалов, собранных мною рецептов, фото, помогал передавать по электронной почте опять же мои материалы в республиканскую прессу и по месту моей новой работы — в областную газету «Народная трыбуна».

Одним словом, настоящий друг познаётся в беде.

К слову, Василий Иванович был главным помощником и Валентины Ивановны в её литературной деятельности. Он был у неё секретарём-машинисткой и всё, что она писала от руки, а наше поколение пишущих людей писало и думало рукой, печатал сначала на пишущей машинке, потом на компьютере, который заменил машинку. Некоторые материалы диктовались сразу.

Валентина Локун. Это имя широко известно в научных литературных кругах республики. К ней за рецензиями обращались многие, зная, что это открывает им, авторам стихов, прозы, широкую дорогу в литературу. Жаль, что в Пинске, как оказалось, имя В. Локун в околовластных кругах знали плохо (или не хотели знать?). Поэтому, когда после творческого вечера-памяти известной землячки я предложила в интервью TV «Пинск» присвоить имя Валентины Локун городской библиотеке, люди, стоящие у власти, но далекие от литературы, отвергли это предложение. Мол, город не знает её. А может, не город, а эти люди не знают? Моё предложение поддержало Брестское отделение Союза писателей Беларуси и тоже обратилось с предложением в Пинский горисполком. Увы, они тоже там не были услышаны.

А Василий Иванович скрупулёзно продолжает работать над архивом своей сестры. Привёл в порядок оставшиеся рукописи, передал в городской архив оригиналы её документов. Может, потомки будут более благодарными и со временем достойно увековечат память о талантливом литературоведе и критике Валентине Ивановне Локун.

Я довольно часто общаюсь с Василием Ивановичем, который стал мне и другом, и помощником, и даже «рецензентом»

некоторых моих работ. Имея недюжинный поэтический талант, скромно замалчивает о своих стихах — злободневных и мастерски написанных. Кстати, книгу своих стихов он набрал и сделал сам. Его советы и замечания всегда по делу. И за это ему особая благодарность.

Заходя в просторную квартиру Локун, привычно бросаю взор на комнату Валентины Ивановны: кажется, вот-вот увижу её доброжелательно улыбающуюся и приветливо отвечающую на привычное «здравствуйте!». Увы-увы! Лишь три фото в комнате — мамы, тёти Нины, сестры Евы Александровны, и Валентины Ивановны, которые уже ушли в мир иной.

Память о них бережно хранит сын, племянник и брат Василий Иванович Локун. Пусть долгими будут его годы, потому что пока он жив, тропинка к их дому будет протоптанной.

г. Пинск, июнь 2019 г.

Жанетта Анатольевна Гук

И сестра, и подруга

С Валентиной Ивановной я познакомилась в далёком 1980 году, когда она готовилась к сдаче кандидатского минимума в аспирантуру БГУ им. В. И. Ленина. Среди других предметов ей предстояло сдавать экзамен и по английскому языку.

В то время я занималась на курсах экскурсоводов. В одной группе со мной был и учитель французского языка Королёв Евгений Семёнович. Он предложил мне позаниматься в качестве репетитора с Валентиной Ивановной Локун. Хотя я и согласилась, но шла на первую встречу с некоторым страхом, в то время к таким людям (инвалидам) относились совсем по-другому, чем сейчас.

Но все мои страхи остались позади, когда я увидела Валентину — молодую, красивую, с модной причёской. И такую... близкую, как оказалось, по духу. Заниматься с ней было одно удовольствие. Экзамен по ангийскому языку ей предстояло сдавать по военной тематике, потому что тема её диссертации была по военным произведениям белорусских писателей. Мы несколько месяцев штудировали книгу Эрнеста Хемингуэя «Прощай, оружие». Сдавала экзамен Валентина в Минске. Сдала блестяще, и я со спокойной душой на всё лето уехала работать в пионерский лагерь.

Но наши взаимоотношения вскоре возобновились и переросли в настоящую крепкую дружбу.

А когда Валентине предстояла защита диссертации, «группа поддержки», как друзья Валентины называли себя, обратилась к тогдашнему первому секретарю Пинского горкома партии Зое Георгиевне Малышевой с просьбой оказать помощь в выделении транспорта для поездки в Минск. К её чести, Зоя Георгиевна разрешила проблему достаточно быстро.

Остановилась Валентина в гостинице «Минск», а защита проходила недалеко — в пединституте имени Горького. Прошла она

просто блестяще. Перед комиссией Валя держалась уверенно, отвечала на все вопросы, темой своей владела.

А банкет по случаю защиты проходил в той же гостинице, где и проживала Валентина. Она была просто красавицей в своём голубом платье. Сколько же добрых слов известных учёных услышала она в свой адрес в тот вечер!

Наверное, глубокие знания девушки с Полесья настолько впечатлили столичных светил, что вскоре ей предложили работу в Институте литературы Академии наук Беларуси.

Она всегда ответственно относилась к своей работе, была верна друзьям и очень отзывчива к людям. От неё всегда можно было услышать дельный совет, рекомендацию.

Для меня она была как сестра. С ней всегда можно было поделиться своим наболелым и получить небходимую помощь.

У нас тогда организовалась своеобразная группа единомышленников, и мы многие годы часто собирались в квартире у Валентины.

Не могу не вспомнить и главного человека в семье Локун — маму Еву Александровну. Это была Мама с большой буквы. Её хватало на всех, кто приходил в их гостеприимный дом. Внимание Евы Александровны было мне особенно дорого, поскольку я с детства росла без матери. Поэтому с особым волнением вспоминаю отдельные моменты из нашего с ней общения, например, как вместе мы ходили святить пасхальную снедь в праздник Воскресения Христова.

Скажу ещё, что единожды переступив порог этого дома, я никогда потом не мыслила свою жизнь без него. Когда я вышла замуж, дружить стали семьями. Мы помогали семье Локун чем могли, но наша помощь — это мизер в сравнении с тем, что я получала от Валентины.

Прошло уже три года, как её нет среди нас, но по-прежнему я иногда ловлю себя на мысли: «Нужно Валентине позвонить». Увы, к сожалению, я уже никогда не услышу и не увижу её. Лишь в моей памяти она останется вечно.

Вера Алексеевна Лукашевич

Воспоминания о Валентине Ивановне

Я никогда не думала, что когда-нибудь буду писать воспоминания о Валентине Ивановне Локун, никогда к этому не готовилась, не вела ни дневников, ни записных книжек.

В феврале 1986 года после открытия магазина № 29 «Товары для женщин» в городе Пинске меня назначили и. о. директора. И вот в один из дней мне поступил звонок от первого секретаря горкома партии Зои Георгиевны Малышевой с просьбой навестить семью Локун и оказать им помощь в приобретении товаров, если понадобится.

Вспоминаю первую встречу в квартире Валентины Ивановны. Меня встретили в семейном кругу доброжелательные, уважительные, улыбчивые люди. Мама Валентины Ивановны Ева Александровна, по привычке встречавшая гостей, запомнилась мне очень доброй и щедрой женщиной. Она всегда старалась напоить гостей вкусным чаем. Брат Василий Иванович помогал печатать рукописи Валентины Ивановны, его золотые руки помнят многие — он ремонтировал технику, обувь, часы, зонтики и т. д., стараясь таким образом отблагодарить всех, кто оказывал им какую-либо услугу.

Конечно, осталась в памяти и первая встреча с Валентиной Ивановной — красивой женщиной, с милой улыбкой на лице. Открытые, умные, яркие серо-голубые глаза. Кругом — много книг, рукописей, ручка в руках...

Тот образ я бережно храню в своей памяти.

Мы познакомились, быстро нашли общие интересы: любовь к литературе, книгам. Наши встречи стали частыми, моя жизнь и жизнь моей семьи тесно переплелись с жизнью Валентины Ивановны и её семьи. Наше тёплое знакомство очень быстро переросло в самую тесную дружбу. Мы могли часами обсуждать и перечитывать произведения В. Быкова, М. Шолохова и т. д., любые темы

о жизни с оптимизмом, надеждой, в её глазах в этот момент всегда светились особенные искорки.

Самые яркие впечатления об этом человеке — это её нескончаемая доброта и глубина души, ум, мудрость. Валентина Ивановна была милым, добрым человеком. В любое время суток к ней можно было зайти, позвонить. Иногда я заходила просто её проведать, приносила её любимые блинчики с начинками, пироги, но часто забегала и со своими домашними проблемами. Она всегда встречала меня с улыбкой, умела внимательно слушать и выслушав, поддержать морально. Мне было так легко с ней, раньше я никогда не задумывалась о том, что такое родственные души. Но после встречи с Валентиной всё изменилось. Я всегда чувствовала её тепло, заботу и участие в каждом её слове, жесте и улыбке. Я всё это помню и буду помнить всегда.

У неё было много планов, которые она не успела осуществить. Я приходила к Валентине Ивановне в любое время. И вечером накануне смерти (15.06.2016 г.) я принесла ей любимые блинчики с творогом, ягодами, но увидев её, поняла, что с Валюшей дело плохо... Нежно обнявшись, попрощались. Я тогда не думала, что вижу её последний раз. Утром мне сообщили, что наша любимая Валюша, Валентина ушла...

Не передать словами чувств, боли сердца и души, одиночества, любви к ней. Я помню каждую её строчку в автографах на новых подаренных книгах, в них столько её душевной теплоты, любви. Мне было так легко с ней, я так всегда спешила на наши встречи. Мы говорили и не могли наговориться! У неё была такая большая, любящая душа, терпение всех выслушать, кто приходил, обсудить их проблемы. Я никогда не видела Валентину Ивановну пессимистичной, не слышала жалоб на жизнь, здоровье. На лице всегда улыбка, в разговоре много смеха, юмора.

Как мне её не хватает! Валентина Ивановна всегда будет жить в моей душе, в моём сердце. Я помню каждый день, проведённый рядом с ней!

г. Пинск, июль 2019 г.

Лариса Васильевна Горегляд

С благодарностью и любовью...

Валентина Ивановна Локун... С огромной любовью и с грустью я постоянно вспоминаю её. Нежная, добрая, женственная, невероятно трудолюбивая и талантливая. Мужественная... Я познакомилась с ней в 2011 году. Помню первый день встречи. Я очень волновалась, всё-таки не каждый день знакомишься с учёным, кандидатом филологических наук, лауреатом премий президентов академий наук Украины, Беларуси и Молдовы. Волновалась зря. Валентина Ивановна встретила меня очень дружелюбно и приветливо. И так было всегда. Она — удивительный человек. С ней мне было тепло и уютно. Она как никто другой умела выслушать, поддержать и успокоить. Её неоспоримый талант — талант дружить. Двери её дома всегда были открыты для друзей и знакомых, и для всех она находила слова поддержки. Она знала подход к каждому человеку и стремилась помочь, кому требовалась её помощь. И люди ей отвечали тем же. Очень дорожила своей семьёй. Бесконечно любила свою маму Еву Александровну и брата Василия Ивановича. С огромной благодарностью вспоминала своего учителя Бугаёва Дмитрия Яковлевича. При внешней сдержанности она была человеком, тонко чувствующим чужую боль. Её оптимистический настрой, любовь к жизни, интерес ко всему происходящему вокруг всегда восхищали меня.

Конечно, я видела, как ей физически тяжело, но она никогда не жаловалась. Валентина Ивановна была необыкновенным собеседником, всегда находила тему для разговора, рассказывала о том, что её особенно волновало, делилась своими творческими планами и в свою очередь интересовалась всем: и моей работой в библиотеке, и личной жизнью, и была очень внимательна и добра. Для меня это были незабываемые встречи.

Она была в курсе всех книжных новинок, с интересом прочитывала все литературно-художественные журналы — «Нёман», «Полымя», «Маладосць», «Роднае слова», с удовольствием перечитывала классические произведения.

Валентина Ивановна много работала и была очень востребована. Это придавало ей сил и желания успеть как можно больше сделать. В последнее время занималась исследованием творчества В. Гниломёдова, писала рецензии на произведения А. Карлюкевича, О. Ждана, А. Браво, К. Ходасевич-Лисовой и др., а также на прозу и поэзию берестейских писателей и поэтов. За годы знакомства она стала для меня примером во всём: профессиональная компетентность, интеллигентность, глубочайшая внутренняя культура, доброжелательное отношение к людям, жизненная мудрость. Спокойная, с улыбкой на лице, открытая сердцем навстречу людям. Такой она мне запомнится навсегда...

В библиотеке-филиале № 7 Пинской городской централизованной библиотечной системы свято чтят память о Валентине Ивановне. Ещё в 2011 году к общегородскому библиотечному проекту «Пусть книга дарит вдохновенье» сотрудники подготовили книжную выставку «Беларуская кніга ў вашым доме». Основу экспозиции составили произведения из личной библиотеки Валентины Ивановны Локун. Это не только её работы, но и книги с автографами известных писателей: Валентины Ковтун, Георгия Марчука, Михаила Позднякова, Владимира Мархеля, подаренные Валентине Ивановне. Валентина Ивановна тогда легко откликнулась на мою просьбу, отобрала книги для выставки, а сейчас благодаря её брату Василию Ивановичу книги заняли достойное место в фонде нашей библиотеки.

Спустя три года после её смерти в библиотеке прошла презентация «Душа останется живой», посвящённая жизни и творчеству этой мужественной и талантливой женщины. Участники мероприятия познакомились с редкими фотографиями из семейного архива, а также с библиотекой книг с автографами, подаренных авторами Валентине Ивановне, а после её смерти переданных в дар библиотеке — их всего 46 экземпляров.

Больше трёх лет Валентины Ивановны нет с нами, но её жизнь остаётся ярким примером мужества, отваги и трудолюбия для подрастающего поколения.

Галіна Іосіфаўна Лазіцкая

Пачуццё страты

Палеская сталіца, Квітнеючы і старажытны Пінск. У ім жыла жанчына-таямніца, Недасягальная, нібы чароўны сфінкс. Па Першамайскай, вы акіньце вокам, 136-ы, вунь — высокі дом. Загадка ж тая — Валянціна Локун, 3 сівой матуляю і братачкам-крылом.

Весці расповед пра Валянціну Іванаўну для мяне ў радасць, як бы не заходзілася сэрца ад жалю.

А жаль вызваны толькі адным пачуццём — стратай. Не паспеўшы насыціцца гэтым знаёмствам, трэба развітацца назаўсёды. Чаму кажу насыціцца... У першы ж дзень знаёмства Валянціна Іванаўна выклікала прыхільнасць да сябе прастатой зносін. Ведаючы яе заслугі і дасягненні ў галіне літаратуры, я сумелася ад даступнасці размовы, бо яна з першага дня жыва зацікавілася маёй творчасцію. Я на той момант не зусім дасканала валодала пяром, бо да творчасці прыйшла ў сталым узросце і вельмі бянтэжылася з гэтай прычыны. Але цікавасць Валянціны Іванаўны да маіх намаганняў не была павярхоўнай ці насмешлівай. Размова нароўні і талковыя парады напаўнялі маю душу заспакаеннем і жаданнем больш упэўнена шукаць сябе ў новай справе. Гэта — першы немалаважны плюс для мяне ад знаёмства.

Другі плюс — брат і матуля Валянціны Іванаўны. У маіх вачах яны вырасталі героямі вялікіх памераў, бо іх штодзённасць — прыстасаванне і змагарства з абставінамі жыцця. Брат Васіль Іванавіч, таксама цяжка хворы, але заўсёды «нястомны мураш», правая рука сястры — усе яе работы, напісаныя ад рукі, набіраліся ім на камп'ютары, што паскарала выкананне навуковых работ і выдан-

не кніг. А выконваць такую працу ў яго стане, скажу шчыра, ой, як складана! А мама, Ева Аляксандраўна, якую я застала яшчэ жывой, без усякіх пафасных слоў — яскравы прыклад трываласці лёсу з малітоўнай падзякай да Бога за разумных дзяцей. Нават тады, калі яе жыццё ўжо ішло на часы, вусны ўсё роўна шапталі малітвы. Прызнацца, такую малітоўніцу я сустрэла ўпершыню... Адчувала я сябе з імі так проста і звычайна, нібы пераступала парог бацькоўскай хаты.

Па-трэцяе, дый на ўсё астатняе таксама, што моцна ўражвала мяне падчас майго знаходжання ў кватэры сям'і Локун, дык гэта кола іх сяброў. Розныя па прафесіях, інтарэсах, узросту, жыццёвых прыступках, яшчэ немалаважна — характарах. Валянціна Іванаўна адносілася да кожнага з іх па ўзроўні і інтэлекце, да стану кожнай чалавечай душы, аб'ядноўвала ўсіх нас памяркоўнай чуллівасцю. Думаю, што не памылюся, калі скажу, што тое ж самае падкрэсляць і яе сябры.

Адчуванне роўнасці, паразумення, падтрымкі, разумнай дарады прыцягвалі да яе, як да роднай матулі. Мы цягнуліся да яе, як аблудныя авечкі, неслі да яе свае праблемы, шукалі ў яе — нямоглай — разрадкі, спагады, падказкі. І яна ў такія часы даверу брала на сябе нялёгкую ношу — станавілася нашым мірскім духоўнікам.

У духоўнікаў ёсць прыгожае слова (у рускім вымаўленні) — «окормление». Падчас такіх гутарак Валянціна Іванаўна акармляла нас невычарпальнай скарбніцай мудрых парад, што падчас рабілася нават сорамна за свае скаргі на лёс.

І паступова наш унутраны свет аднаўляўся, напаўняў нас новымі сіламі. Нас, дарослых, самастойных, упэўненых у сабе, і што немалаважна ў адносінах да яе, скажам так, на сваіх нагах!

Валянціна Іванаўна заўсёды будзе перад маімі вачыма яскравым прыкладам паводзін, бо яны ўзнялі яе над цялеснай нямогласцю, прыносячы і ў такім стане немалую карысць людзям. Гледзячы на яе маларухомую, але прыгожую, добразычлівую, я не стрымлівалася ад кампліментаў. Казала: «Валянціна Іванаўна, даражэнькая! Ад Вас зыходзіць жыватворнае святло, якім Вы бескарысна саграваеце сваё акружэнне. Вам абавязкова будзе

асаблівы вянец ад Госпада»... А яна ўзамен вельмі цёпла, амаль какетліва ўсміхалася.

Што тычыцца мяне, дык я бясконца ўдзячна лёсу за тое, што прывёў мяне да цудоўнай, у маіх вачах — непараўнанай жанчыны, даў магчымасць служыць Валянціне Іванаўне Локун, якая яркай каметай пакінула ў маёй душы глыбокі след.

г. Пінск, жнівень 2019 г.

Валерий Фёдорович Гришковец

Свет в окне на втором этаже...

В жизни часто бывает так: живёт человек, ты его знаешь, ты чувствуешь его присутствие в мире — мире вообще и твоём личном, и тебе хорошо и просто — ты не одинок. Но вот не стало его и понимаешь: как много ты потерял с уходом этого человека.

С Валентиной Локун мне не часто довелось встречаться. Бывало, она звонила мне, бывало, я звонил ей. Наверное, надо было бы звонить почаще, надо было, наверное, и заходить иной раз, что называется, «на огонёк». Но жизнь складывалась так, что наши литературные, да и житейские интересы не пересекались, вот и проходил мимо дома, в котором жила Валентина Ивановна, разве что, поглядев на знакомые окна и подумав: «Слава Богу, свет горит... Где-то там, в кругу этого света, работает или читает, что тоже было для неё работой, Валентина Ивановна Локун...».

Когда в 90-х и позже я жил в основном в Москве, приезжая домой в Пинск, звонил Валентине Ивановне, заходил к ней. Мы подолгу беседовали, обменивались мнением о литературных новинках, о том, что пишут московские белорусы, наши общие знакомые из белорусских писателей. Не знаю почему, но, по-моему, ни разу не передал Валентине Ивановне ни одной своей книги. Да и вообще, о своём творчестве никогда не говорил с ней. Наверное, потому что Валентина Ивановна писала о прозе, причём, белорусской, а я, что ни говори, писал по-русски да и не прозу. А статьи её всегда читал и отмечал глубину её суждений, её неравнодушный взгляд на происходящее как в литературе, так и в жизни вообще. Радовался её успехам, новым книгам и публикациям. Не раз говорил ей об этом. Судя по реакции Валентины Ивановны, это радовало её, возможно, придавало ей силы в работе над новыми статьями и книгами. По крайней мере, мне бы хотелось, чтобы это было так.

Сама же Валентина Локун стала для многих и многих примером самоотдачи в творчестве, примером жизненной стойкости

и мужества. Она умела поддержать начинающих авторов, найти слова поддержки для людей, ищущих себя в литературе, в творчестве. Помню, как Валентина Ивановна тепло отзывалась о поисках и оригинальных находках замечательного пинского поэта Анатоля Шушко, умеющего вплести в канву белорусского стиха диалектные слова и выражения «роднай вёскі Сташаны». Тонкий знаток художественного языка, она высоко отзывалась о прозе пинских писателей Юрия Солоневича и Марии Ляшук. Не жалела добрых слов о краеведческих книгах известного пинского экскурсовода Татьяны Хвагиной. С Валентиной Ивановной всегда было приятно поговорить о достижениях белорусской литературы, причём, она досконально знала не только произведения классиков белорусской прозы, но и писателей-современников, в том числе и самых молодых, кто буквально только-только заявил о себе первыми яркими книгами.

Бывая в Союзе писателей Беларуси и встречая там академика В. В. Гниломёдова, передавал ему приветы от Валентины Ивановны. Она как-то попросила меня, когда я собирался в Минск на пленум правления Союза писателей Беларуси: «Встретишь Владимира Васильевича, передай ему от меня привет». Вот я всякий раз, когда встречал нашего уважаемого академика и литературоведа, передавал ему привет от Валентины Локун. А Владимир Васильевич живо интересовался жизнью и работой Валентины Ивановны, высоко ценил её талант, её работу. И, судя по его отзывам, был в курсе всего, что делала В. Локун.

Уже почти десять лет я живу в другом районе Пинска, хожу мимо других домов и окон. Впрочем, иной раз и теперь доводится проходить мимо дома, в котором жила Валентина Локун, но на знакомые окна уже не смотрю. И всё же, всё же свет в окне на втором этаже, свет, в кругу которого сидела и работала Валентина Ивановна Локун ещё долго будет гореть — не только для меня. Гореть и светить.

г. Пинск, декабрь 2019 г.

Анатоль Мікалаевіч Крэйдзіч

Ад яе сыходзіла толькі светлыня

16 чэрвеня пайшла з жыцця выдатны літаратурны крытык, прыгожая жанчына і чалавек найвялікшай і найдабрэйшай душы Валянціна Локун.

Валянціна Локун — надзвычай моцная жанчына. Слова «была» знарок не ўжываю. Ну якое ж «была»!? Яна жыве ў літаратуразнаўчых артыкулах, творах, кнігах... Яна — кандыдат філалагічных навук, член Саюза пісьменнікаў Беларусі. І гэта — пры пастаяннай прыкаванасці да ложка.

Валянціна Іванаўна нарадзілася 6 жніўня 1946 года ў вёсцы Цепянец Пінскага раёна. Скончыла Цепянецкую пачатковую школу, вучылася ў Малоткавіцкай СШ. З сёмага класа па прычыне хваробы ног перайшла ў Пінскую завочную школу, якую скончыла ў 1966 годзе з залатым медалём. У тым жа годзе паступіла на філалагічны факультэт (рускае аддзяленне) Брэсцкага дзяржаўнага педагагічнага інстытута імя А. С. Пушкіна. У 1974 годзе разам з сям'ёй пераехала ў г. Пінск. Вучылася ў аспірантуры пры Беларускім дзяржаўным універсітэце імя У. І. Леніна. У 1984 годзе абараніла кандыдацкую дысертацыю «Праблемы стылю беларускай ваеннай прозы» (па творчасці Васіля Быкава, Барыса Сачанкі, Івана Чыгрынава). Працавала загадчыцай Цепянецкай бібліятэкі, старшым выкладчыкам Брэсцкага педінстытута імя А. С. Пушкіна (1985–1998). З 1987 па 2007 г. — супрацоўнік, старшы навуковы супрацоўнік Інстытута літаратуры імя Янкі Купалы Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, сумяшчаючы з 1987 па 1998 год працу ў Інстытуце літаратуры з працай у педінстытуце.

Першая публікацыя з'явілася ў 1973 годзе ў газеце «Полесская правда» (г. Пінск). Аўтар больш за сотню навуковых артыкулаў па праблемах развіцця беларускай літаратуры. Аўтар кніг «Да новых вышынь», «Маральна-філасофскія пошукі беларускай ваеннай і гістарычнай прозы, 1950—1960-я гады», «Кругі жыцця,

кругі літаратуры», «Васіль Быкаў у кантэксце сусветнай літаратуры», адна з аўтараў «Гісторыі беларускай літаратуры XX стагоддзя» ў 4 тамах. У суаўтарстве з іншымі вядомымі літаратуразнаўцамі выдадзены «Нарысы беларуска-ўкраінскіх літаратурных сувязей», «Беларуская літаратура ў кантэксце славянскіх літаратур XIX—XX стст.». Лаўрэат прэмій прэзідэнтаў акадэмій навук Украіны, Беларусі і Малдовы (2004). Двойчы лаўрэат прэміі часопіса «Полымя» (1993, 2001). Узнагароджана медалём Святой Еўфрасінні Полацкай ад ГА «Міжнародны фонд Святой Еўфрасінні Полацкай» (2006).

Вось такі далёка не поўны спіс спраў, заслуг і ўзнагарод незабыўнай Валянціны Іванаўны, вялікай патрыёткі як Беларусі ў цэлым, так і яе малой радзімы — Піншчыны, Берасцейшчыны. За апошнія гады яна паспела да ўсяго зрабіць агляды творчасці многіх маладых членаў абласнога аддзялення Саюза пісьменнікаў Беларусі, якія выдалі па адной-дзве кнізе. Гэта значыць, яна не толькі глыбінна даследавала айчынны літаратурны працэс, але і ўважліва, прафесійна, усхвалявана адсочвала новыя таленты, падтрымлівала іх сваім важкім словам вядомага навукоўца і літаратара, заўсёды трымала руку на пульсе літаратурнага жыцця ў самым шырокім сэнсе гэтага слова — ад пачаткоўцаў-землякоў да літаратараў сусветнага маштабу.

А колькі прыемных эмоцый перажываў кожны, хто наведваў яе дома — на кватэры ў Пінску! Неаднойчы іх меў шчасце адчуць і аўтар гэтых радкоў, за што разам з іншымі, хто ведаў Валянціну, бязмерна ўдзячны ёй. Ніколі не забудуцца яе прыветная і вельмі мілая усмешка, яе пяшчотны голас, іскрысты пагляд...

Пачатак лета. Час росквіту ўсяго жывога. А ёй наканавана было лёсам якраз у гэтую дзівосную пару пакінуць светлы-светлы свет, які і яна стварала сваім талентам і найкаштоўнейшымі чалавечымі якасцямі. Памяць пра Вас, дарагая Валянціна Іванаўна, таксама найсвятлейшая.

Чэрвень 2016 г.

Алеся Іванаўна Шамякіна

Жыццё як шчасце і выпрабаванне

Літаратуразнаўцы Валянціне Локун споўнілася б 70 гадоў

У першы пасляваенны год, цяжкі, галодны і неўладкаваны, нарадзілася будучая даследчыца беларускай літаратуры, удумлівы крытык Валянціна Локун.

Пра сваю малую радзіму, вёску Цепянец на Піншчыне, яна пісала ў аўтабіяграфіі: «Назва вёскі (па-руску Тепенец) хутчэй за ўсё паходзіць ад слова "топь", або багна, па-беларуску. Праўда, да сярэдзіны XX стагоддзя балоты крыху адступілі ад самой вёскі, але вады, асабліва па вясне, было шмат. Яна віравала не толькі ў ваколіцы, але і ў гародах, перакрывала дарогі. Трэба было доўга чакаць, пакуль яна ўступіць у зямлю, або сцячэ ў яшчэ больш нізкае месца. Затое, як прыгожа было ў нас напрыканцы красавіка ці на пачатку мая, калі цвіла чаромха, а пасля зацвіталі сады!». Магчыма, згадваючы родную вёску, Валянціна Іванаўна ўспамінала радкі з «Новай зямлі» Якуба Коласа:

Мой родны кут, як ты мне мілы!.. Забыць цябе не маю сілы! Не раз утомлены дарогай, Жыццём вясны мае убогай, К табе я ў думках залятаю І там душою спачываю...

Любоў да кнігі з'явілася ў Валянціны Іванаўны яшчэ да школы. Паспрыяў у гэтым старэйшы брат: «Чытаць, па сутнасці, навучылася яшчэ да школы — у старэйшага брата, калі той рабіў дома ўрокі. Школа ў вёсцы была пачатковая і мела ўсяго два невялічкія пакоі, у кожным з іх адначасова шлі заняткі двух класаў. Але нічога, урокі праходзілі цікава, па-за ўвагай настаўніцы не заставаўся ніводны вучань». Але ж у роднай вёсцы — толькі пачатковая школа, а ў сярэднюю даводзілася бегаць аж за сем кіламетраў. Сем —

да школы, сем — назад. Нямала для дзяўчынкі. Але гэта не было перашкодай.

І зноў але... Пасля шостага класа здарылася бяда: пачалася працяглая барацьба з цяжкай хваробай ног, якая так і не адступіла. Аднак Валянціна не здалася: з залатым медалём скончыла школу, затым — Брэсцкі педагагічны інстытут і аспірантуру пры Беларускім дзяржаўным універсітэце.

Студэнцкія гады ўспамінае з асаблівай цеплынёй: «Студэнцтва... Гэта былі лепшыя гады ў маім жыцці! Нарэшце я была далучана да вялікай літаратуры. Усур'ёз захапілася Тургеневым. Тады мы ўсе былі рамантыкамі... Мы праглі подзвігаў. І агульны пафас тэкстаў І. Тургенева быў сугучны маёй духоўнай настроенасці».

Трохі пазней, ужо ў аспірантуры, Валянціна Іванаўна сур'ёзна занялася даследаваннем беларускай літаратуры, у прыватнасці ваеннай прозы. Пад увагу даследчыцы трапілі такія пісьменнікі, як В. Быкаў, І. Чыгрынаў, І. Шамякін, Б. Сачанка, В. Казько. І ў 1984 годзе Валянціна Локун паспяхова абараніла кандыдацкую дысертацыю па тэме «Праблемы стылю беларускай ваеннай прозы». Менавіта з аспіранцкіх гадоў, з паспяховай абароны кандыдацкай дысертацыі «ваенная тэма» трывала ўвайшла ў даследчыцкае поле Валянціны Іванаўны.

У перыядычным друку пачалі з'яўляцца артыкулы, нататкі, рэцэнзіі Валянціны Іванаўны. Паралельна з гэтым вялася праца над кнігай «Да новых вышынь» (Мінск, 1991). У аўтабіяграфіі пра гэты зборнік чытаем наступнае: «Першы зборнік "Да новых вышынь" (Мінск: Мастацкая літаратура, 1991) я чакала амаль сем год. Здавалася, што ён не выйдзе ўжо ніколі. І вось мой першынец з'явіўся... Кніга была прыхільна сустрэта чытачамі. Асабліва мяне парадавала рэцэнзія 3. Мельнікавай, апублікаваная ў "ЛіМе". Зоя Пятроўна дала досыць высокую ацэнку зборніку. Большасць са змешчаных у зборніку артыкулаў была прысвечана "ваенным" творам В. Быкава, І. Чыгрынава, І. Шамякіна, Б. Сачанкі, В. Казько, Ю. Бондарава, В. Астаф'ева, В. Бялова і інш. Праўда, мяне цікавіў найбольш формастваральны, стылёвы бок мастацкіх дыскурсаў празаікаў».

Астатнія работы публікаваліся больш аператыўна: «Маральна-філасофскія пошукі беларускай ваеннай і гістарычнай прозы, 50–60-я гады» (1995), «Кругі жыцця — кругі літаратуры» (2002), «Васіль Быкаў у кантэксце сусветнай літаратуры» (2005), «Нарысы беларуска-ўкраінскіх літаратурных сувязей» (2002; у суаўтарстве), «Беларуская літаратура ў кантэксце славянскіх літаратур XIX—XX стст.» (2006), «Васіль Быкаў: вядомы і невядомы» (2011). Так, паміж выхадам некаторых работ — працяглы прамежак часу. Але не трэба забываць, што для падрыхтоўкі манаграфіі неабходна ўважліва і неаднойчы перачытаць мастацкія тэксты, а Валянціна Локун разглядала творчасць В. Быкава, І. Шамякіна, І. Навуменкі, Янкі Брыля, А. Адамовіча, В. Казько, В. Карамазава, А. Жука, А. Масарэнкі, В. Коўтун... Да ўсяго — трэба азнаёміцца з крытычнай літаратурай іншых даследчыкаў.

Не варта забываць і пра планавыя тэмы: з 1987 па 2007 год Валянціна Локун працавала старшым навуковым супрацоўнікам Інстытута літаратуры імя Янкі Купалы Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Сярод такіх тэм асаблівай увагі заслугоўваюць раздзелы да чатырохтомнай «Гісторыі беларускай літаратуры XX стагоддзя». Тут даследчыца пісала пра творчасць Івана Шамякіна, Алеся Асіпенкі, Уладзіміра Дамашэвіча, Валянціны Коўтун.

Акрамя названых, Валянціна Локун мае звыш 150 навуковых работ, апублікаваных у перыядычным друку: на старонках часопісаў «Полымя», «Нёман», газеты «Літаратура і мастацтва» і розных зборнікаў можна сустрэць яе артыкулы па праблемах развіцця нацыянальнай літаратуры, рэцэнзіі на літаратурныя навінкі, аглядныя артыкулы, эсэ, нарысы і прадмовы.

Разнастайная і цікавая літаратурная творчасць Валянціны Локун не засталася па-за ўвагай грамадскасці. Даследчыца атрымала шэраг узнагарод: у 2004 годзе стала лаўрэатам прэміі прэзідэнтаў акадэмій навук Украіны, Беларусі і Малдовы — «За выкананне навукова-даследчай работы "Культурна-гістарычныя беларуска-ўкраінскія сувязі: літаратурна-моўны аспект"», у 1993 і 2001 гадах — лаўрэатам прэміі часопіса «Полымя» за артыкулы «У пошуках маральнага ідэалу. Проза Уладзіміра Караткевіча» і «Узняцца да лёсу агульначалавечага (Талстоўскія традыцыі ў развіцці бела-

рускай ваеннай прозы)», у 2006 годзе ўзнагароджана медалём Святой Еўфрасінні Полацкай, а ў 2012 годзе атрымала прэмію Беларускага саюза жанчын.

Валянціна Іванаўна раптоўна пайшла з жыцця 16 чэрвеня, у росквіце творчых сіл і магчымасцей, жывучы мноствам мар і імкненняў.

г. Мінск, жнівень 2016 г.

Валентина Локун

С ней можно идти в разведку

Обилейная статья о Татьяне Аркадьевне Хвагиной

Когда мне предложили написать юбилейную статью о Татьяне Аркадьевне Хвагиной, я, прямо скажу, растерялась. Да, я знаю этого человека давно, очень давно. Знаю достаточно близко. Но — смогу ли я найти нужные слова, которые бы раскрыли характер, внутреннюю сущность этого человека? Ведь человек-то этот неординарный, можно сказать единственный в своём роде — по той социальной роли, которую он играет в нашем древнем Пинске. И не только в Пинске. Согласитесь, задача передо мной поставлена более чем сложная. Но я всё-таки рискну...

Встретились мы с ней ещё в начале крутых 90-х годов в одной молодёжной компании. И сами тогда были ещё молодыми и красивыми. Правда, Татьяна уже тогда возглавляла экскурсионное бюро в Пинске, была большим начальником — в моём понимании. Тогда я и предположить не могла, что наше знакомство перерастёт в настоящую многолетнюю дружбу. Однако я отвлеклась от поставленной передо мной задачи.

Так что же это за человек, эта Татьяна Аркадьевна Хвагина? Прежде всего, это очень богатая, креативная личность. Творчество — в широком значении этого слова — смысл всей её жизни. Она творит не только когда создаёт что-то своё, но и когда выполняет чьи-то предписания. А ещё это очень целеустремлённый человек. Есть люди, которые слепо следуют судьбе. А есть, которые её сами делают. Татьяна Хвагина — из последних. Она себя сделала сама. Уже в свои 25 она уверенно заявила, что напишет книгу! Тогда это было воспринято как фантастика. Писать книги, творить стало главным, правда, не единственным смыслом её жизни. А начинала

она со стихов, будучи студенткой филологического факультета БГУ им. В. И. Ленина. К слову, она и теперь занимается сочинительством. Под настроение может целую поэму написать. Но, если серьёзно, то особенно ей удаются лирические тексты и на «беларускай мове». По диплому она должна была стать учителем русского языка и литературы, но школа не стала её призванием. Перетянула культурология, краеведение, история культуры, просто история, история Беларуси и история Полесского края, Пинщины (куда она переехала из родных Барановичей ещё в 1986 году), а ещё люди, которые делали эту историю. Короче, ей просто необходимо было знать всё, как и чем жили наши далёкие предки. И не просто знать, а всё это донести до читателей и слушателей (туристов), заинтересовать их, взволновать, сделать «сопереживателями» эпохи. Ей одинаково интересны и дороги все артефакты и памятники старины: и знаменитый дворец Бутримовича, и памятник Костюшко, и иудейская синагога, и католический храм, и исчезнувший с лица земли оборонительный вал, и начало начал Пинска — Карлин, и многое, многое другое.

Татьяна Хвагина является автором ряда альбомов, новаторских по своей сути: «Чароўная казка Палесся», «Ад Буга да Обарці», «Пінск і яго ваколіцы». А вот и совсем «свежая» книга, в соавторстве с А. Г. Варава «От Беловежской пущи до полесских болот» — путеводитель по Брестской области. Эти книги уникальны и удивительны не только по эстетическому восприятию (это здесь, безусловно, заслуга фотомастеров). Они прежде всего научно-познавательны, информативны. Это своего рода энциклопедии краеведческого плана. Я была свидетелем, как Татьяна Аркадьевна работала над текстами. Сама, обладая недюжинными энциклопедическими знаниями, она тщательно, до головной боли, сверяла каждую дату, каждое имя, географическое название. А перед этим она перечитывала и пересматривала горы архивных документов, исторической и научной литературы, в процессе работы встречалась с нужными людьми. Но содержательная сторона — это ещё не всё. Хвагиной нужно было сделать из обычного «сухого» текста литературное произведение и она без конца трудилась над словом, добиваясь прямо-таки музыкального звучания фразы. Поэтому её книги столь поэтичны и образны.

Вместе с этим Татьяна Хвагина написала не один десяток различных буклетов («Пинск», «Пинский район», «Лунинецкий район», «Приглашает Брестчина» и другие), методических разработок, связанных с экскурсионным делом. В её творческом активе множество публицистических выступлений по проблемам туризма в газете «Туризм и отдых» и других средствах массовой информации. Её голос можно услышать в эфире местного, а нередко и республиканского радио — голос эмоциональный, искренний, а подчас и набатный, острый. Это голос человека неравнодушного. Ей больно за всё: и за исчезающую природу, живую и неживую, и за исчезающие памятники старины, и за человека, который морально и духовно деградирует.

Человек большого творческого потенциала Татьяна Аркадьевна Хвагина поддерживает тесные контакты с республиканскими издательствами «Вышэйшая школа» и «Рифтур». Это высокостатусные издательства, сотрудничать с ними не только почётно, но и ответственно. Прежде всего ответственно.

Попутно следует отметить, что творческие искания Татьяны Аркадьевны не единожды напрямую пересекались с историей еврейского народа (имеем в виду фундаментальный труд «Холокост на Пинщине»).

Однако всё, о чём я здесь написала, — это только часть той работы, которую Татьяна Аркадьевна выполняет изо дня в день. Ведь она является начальником бюро туризма ОАО «Гостиничный комплекс "Припять"». А должность эта, поверьте мне на слово, очень «энергоёмкая», хлопотливая, когда приходится отвечать за всё — за организацию экскурсий, приём туристов и многое, многое другое. Она уже не один десяток лет является председателем Пинского отделения Белорусской ассоциации экскурсоводов и гидов-переводчиков. И если здесь она уже вырастила целую плеяду учеников: экскурсоводов и гидов-переводчиков, то в университете ей это ещё предстоит сделать. Она — старший преподаватель кафедры туризма и гостеприимства и, одновременно, заведующая научно-исследовательской лабораторией (НИЛ) регионального туризма. Преподавательскую и научно-исследовательскую деятельность активно совмещает с общественной. Но она справится

и с этой задачей, «сделает» из своих «зайчиков» (так ласково она называет своих студентов) хороших специалистов, у неё хватит на это и сил, и терпения, и мужества.

Татьяне Аркадьевне можно позавидовать, она богатый человек. Нет, больших денег у неё никогда не было. У неё есть друзья. Настоящие. Которые никогда не подведут. Такие теперь редко бывают. Я встречалась с этими людьми, они стали теперь и моими друзьями. В продолжение темы друзей хочу подчеркнуть: с Татьяной Аркадьевной тоже можно идти в разведку. Она прикроет собой любую амбразуру. Это я проверила на себе. И не раз.

Татьяна Аркадьевна ещё и мама, и жена, у неё прекрасная дочь Дарья, которая от мамы переняла её филологические наклонности.

И последнее. Я знаю, что у Татьяны Аркадьевны ещё много планов, проектов, задумок — удачи тебе во всём! Мы, твои друзья, верим в тебя, ждём твоих новых альбомов, новых книжек. Ну какие наши годы!

Здоровья тебе и успехов!

г. Пинск, ноябрь 2013 г.

Валентина Локун

Человек-эпоха

Воспоминания о Семёне Фёдоровиче Шапиро

С Семёном Фёдоровичем я познакомилась весной 1970 года. Мы жили в деревне. Я была на первом курсе филфака Брестского пединститута. Училась заочно. Вместе со мной на курсе был некий студент (не помню уже его фамилию), который одновременно работал в одной из брестских газет. Этот сокурсник приехал к нам в деревню, чтобы написать обо мне очерк. Первый очерк в моей жизни. После встречи со мной он заехал в редакцию «Полесской правды». Там и рассказал о нашей встрече. Среди присутствовавших сотрудников был и Семён Фёдорович Шапиро. Позже он мне признается, что это сообщение глубоко раздосадовало его: некий брестский юнец приехал писать о девушке, которая живёт совсем рядом, в то время как никто из местных журналистов о ней ничего не слышал. И он решил срочно исправить ситуацию. Буквально на следующий день они вместе с фотокорреспондентом Ф. Рычаговым стучали в дверь нашего дома.

Могла ли я тогда подумать, что этот человек, внешне такой строгий, даже недоступный, с нотками металла в голосе, станет моим большим другом, займёт такую огромную нишу в моей жизни, жизни нашей семьи.

Но — всё это было потом. А тогда, в нашу первую встречу, я просто дрожала перед ним от страха и смущения. Это же надо — сам Шапиро ко мне приехал. Это имя уже тогда гремело по всему району. Буквально гремело, он ведь был не только газетчиком, но и радиожурналистом — редактором и диктором местного радиовещания. Кто не слышал тогда голоса Шапиро?!

Итак, за первой встречей последовала вторая, третья... Потом мы познакомились с его дочерью Раей, с женой Гитой Львовной. Завязалась переписка. Постепенно я привыкала и к дикторскому

голосу Семёна Фёдоровича, и к его так называемой неприступности, ибо за всем этим скрывалось столько теплоты, сердечности, участия, понимания. Сработала здесь и его исключительная коммуникабельность, информационность, чувство юмора. Мне казалось, что этот человек знает всё на свете и о книгах, и о людях. Я внимала каждому его слову, суждению. Они казались мне неоспоримыми. Это уже потом, когда я всё больше утверждалась в этой жизни и литературе, наши бесконечные беседы нередко превращались в достаточно острые дискуссии, полемику. Но мы оба знали черту, которую ни я, ни он никогда не переступали.

Семён Фёдорович помог мне опубликовать в 1973 году мою первую заметку в «Полесской правде». Он сделал всё мыслимое и немыслимое, чтобы наша семья переехала в Пинск. Он первый поздравил меня с окончанием института и поступлением в аспирантуру. Он умудрился сбежать со свадьбы родной племянницы в Ленинграде и прилететь самолетом в Минск в день моей защиты диссертации. Успел точно минута в минуту. Он вошёл в зал со своей знаменитой неподъёмной сумкой и с улыбкой произнес: «Вы думали я опоздаю? Нет, такого события я пропустить никак не могу». И всё что-то писал-записывал и во время самой защиты, и потом на банкете. Всё боялся что-то упустить, не заметить. А как он тогда пел в большом «хоре» гостей! А танцевал!

Я всё помню. Помню, как они вместе с зятем и дочкой везли мне со Львова тяжеленную напольную вазу. Помню, как с Гитой Львовной в сложнейшие времена тотального дефицита они успели «выхватить» на рынке телевизор для нас. И все мы радовались этому словно дети. Помню и храню его бесчисленные маленькие презенты, которыми он баловал меня, возвращаясь из своих зарубежных поездок.

Это покажется странным, но в Союзе писателей Беларуси я тоже оказалась благодаря Семёну Фёдоровичу. Он никак не мог смириться с тем, что я, автор ряда книг и множества статей, живу вне Союза. Он в буквальном смысле заставил меня написать заявление и успокоился только тогда, когда я получила членский билет. Теперь я понимаю, что он не только опекал меня все эти долгие (почти 40 лет) годы жизни, но и гордился мною, считал меня

своей воспитанницей. А я всегда гордилась нашей с ним дружбой. Меня восхищала его титаническая работоспособность, его глубокая креативность. В нём всегда было столько замыслов, столько творческих планов, что хватило бы не на один десяток средней руки журналистов. Он творил всегда и везде — и на работе и дома, и днём и даже ночью. Он и из жизни земной ушёл с «Карлином» в руках, своим детищем, которому целиком отдавался последние годы своей жизни. Ушёл как автор самого трагического своего произведения — «Послания с того света». Он, и уходя от нас, думал не о себе, он о нас с вами думал, нас напутствовал, нам завещал. Он и здесь остался для всех примером — примером самоотречения.

От нас ушёл Человек, Личность, журналист-исследователь, документалист, историк, знаток еврейского движения на Пинщине. Ушёл Великий Мастер. Ушёл представитель целой эпохи — эпохи романтиков и трудоголиков одновременно.

А ещё ушла часть моей жизни, значимая часть. Остались только воспоминания. И — вина за последний несостоявшийся разговор. За два дня до смерти Семён Фёдорович позвонил мне по телефону. Но в тот момент я не могла с ним разговаривать: у меня были люди. Сказала, что перезвоню завтра. А завтра он уже не смог подойти к телефону. И никогда уже не сможет. Никогда...

Сейчас ко мне часто заходит Гита Львовна — верная подруга Семёна Фёдоровича. Мы подолгу с ней разговариваем. Обо всём. Прежде всего, естественно, о Семёне Фёдоровиче. Нет, Семён Фёдорович не умер. Он с нами. Он был в нашей жизни и остаётся в наших воспоминаниях.

Апрель 2004 г.

Валянціна Локун

Пакліканая

Памяці Валянціны Коўтун

З Валянцінай Коўтун я пазнаёмілася яшчэ на пачатку 80-х гадоў, калі працавала над кандыдацкай дысертацыяй. Патрабаваліся навуковыя публікацыі, а справа гэта была для нас, пачаткоўцаў, вельмі і вельмі складанай. А калі ўлічваць, што жыла ў Пінску, удалечыні ад сталічнага навуковага «бамонду», то «прабіць» публікацыю было ўвогуле выключна цяжка. Мой навуковы кіраўнік Дзмітрый Якаўлевіч Бугаёў параіў звярнуцца ў «Полымя», дзе аддзелам крытыкі тады загадвала Валянціна Міхайлаўна. Ён жа мяне і папярэдзіў: «Толькі ж майце на ўвазе, крытык яна патрабавальны, слабых артыкулаў не прымае». Ды я і сама ведала ўжо, што патрабаванні да аўтараў досыць сур'ёзныя.

Хвалюючыся, адправіла свой першы артыкул у Мінск. Якой жа была мая радасць, калі праз пэўны час атрымала ліст ад самой Коўтун. Яна напісала, што рукапіс мой прачытала і будзе рыхтаваць яго да друку. Вось так: сцісла, будзённа, крыху афіцыйна.

Пасля пайшлі іншыя публікацыі. Дзясяткі публікацый. Памятаю, як цяжка прабіваўся на старонкі «Полымя» артыкул пра У. Караткевіча. Не ведаю, на якіх узроўнях і хто яго тармазіў, але больш як два гады ён праляжаў у рэдакцыі. На мае спробы забраць Валянціна Міхайлаўна нязменна адказвала: «Супакойцеся, усё будзе добра, прыйдзе ваш час, толькі не прыспешвайце мяне». І яна ведала, што казала. Публікацыя нарэшце з'явілася ў 1993 годзе ў чэрвеньскім нумары. Яна была адзначана як лепшая публікацыя года часопіса «Полымя». Супрацоўніцтва з часопісам мацнела. Цяпер ужо сама Валянціна Міхайлаўна прасіла дасылаць ёй матэрыялы. Яе ўвага, падтрымка мяне акрылялі. Важна было і тое, што яна не давала ніякіх «установак». Адно толькі прасіла аргументаваць свае думкі, каб было доказна. А яшчэ не навязвала, не прасоўвала на рэцэнзію «сваіх» пісьменнікаў.

Успамінаецца пачатак 90-х гадоў. Інстытут літаратуры імя Янкі Купалы НАН Беларусі, у якім я тады працавала, распачаў працу над шматтомнай «Гісторыяй беларускай літаратуры ХХ стагоддзя». Мяне ўключылі ў склад аўтарскага калектыву. Які ж гэта цікавы і адказны для ўсіх нас, навукоўцаў, быў час! Перачытвалася і пераасэнсоўвалася ўся савецкая літаратура, змянялася стаўленне да літаратуры сусветнай. Выпрацоўваліся новыя крытэрыі, методыкі даследавання, тэрміналогія. Быў час бясконцых спрэчак, дыскусій. Мною ўжо былі напісаны два раздзелы — «Іван Шамякін» і «Алесь Асіпенка», набліжалася да заканчэння праца над трэцім — «Уладзімір Дамашэвіч».

I вось тут аднойчы раніцай зазваніў тэлефон. Здымаю трубку і чую голас Віктара Каваленкі (тады дырэктара Інстытута):

- Добры дзень, Валянціна Іванаўна!
- Добры дзень, Віктар Антонавіч!

Пасля непрацяглай «свецкай» размовы Віктар Антонавіч нарэшце заяўляе мне наступнае:

- Валянціна Іванаўна, у мяне да вас будзе прапанова: напішыце для «Гісторыі... » раздзел пра Коўтун.
- Віктар Антонавіч, зніякавеўшы, адказваю, я вельмі прыхільна стаўлюся да творчасці Валянціны Коўтун, але пісаць пра яе не буду. Не магу, бо я працую толькі з прозай, і вы гэта ведаеце. А Коўтун найперш паэтэса. (На той момант Валянціна Міхайлаўна толькі распачала працу над першым сваім буйным празаічным творам раманам «Крыж міласэрнасці».) Я ніколі не даследавала паэтычныя тэксты, не ведаю, як гэта рабіць. Прабачце, але я толькі вас падвяду, я не спраўлюся.

Звычайна згаворлівы, Віктар Антонавіч на гэты раз стаяў цвёрда:

— Нічога, усё ў вас атрымаецца, пішыце пад маю адказнасць! Некалі я гэтак жа, як і вы, працаваў толькі з прозай, а мяне папрасілі напісаць пра Панчанку. Я таксама ўпарціўся, але пасля напісаў. І зусім нядрэнны артыкул атрымаўся. Панчанку спадабаўся.

Я не разумела настойлівасці Каваленкі. І толькі праз гады, калі мы неяк сядзелі ў мяне на кватэры за кубкам гарбаты, Валянціна

Міхайлаўна нечакана для мяне раскрыла гэтую таямніцу. Высветлілася, што папярэдне Віктар Антонавіч раіўся з Валянцінай Міхайлаўнай, каго з даследчыкаў яна хацела б бачыць аўтарам раздзела пра яе творчасць? На што тая без вагання адказала: Уладзіміра Конана або Валянціну Локун.

Раздзел я, канечне, напісала. Нават нядрэнна атрымалася. Але гэта быў мой першы і апошні нарыс пра творчасць паэта-лірыка. Толькі, на жаль, гэты нарыс не ўвайшоў у «Гісторыю...».

Не патрапілі туды і некаторыя іншыя артыкулы нашага аўтарскага калектыву. Фармальна гэта тлумачылі тым, што не хапіла месца, усе кнігі атрымаліся вельмі аб'ёмнымі, па тысячы старонак амаль кожная. Планавалася выпусціць дадатак да другой кнігі 4-га тома, але не дазволілі фінансы.

Калі выйшаў часопісны варыянт рамана «Крыж міласэрнасці», я нейкі час не наважвалася пісаць на яго рэцэнзію, хоць раман і захапіу мяне сваёй глыбінёй. Гэта ж якім мастаком, майстрам трэба быць, каб бачыць так аб'ёмна, у дэталях, у руху, у гуках і фарбах жыццё прамінулае, адчуваць час, у якім ты не была!

Я баялася пісаць, каб не прынізіць Творцу. Але Валянціна Міхайлаўна, напэўна, адчула мой стан, яна мне патэлефанавала і зусім проста сказала: «Валянціна Іванаўна, вы будзеце першай. Пачынайце. Бласлаўляю».

Пасля маёй рэцэнзіі пра раман В. Коўтун пісалі шмат. Мне было, канечне, прыемна. Я ж была першая. «Пакліканыя» ўразілі яшчэ больш. Наогул, мяне заўсёды дзівіла, як адказна ставілася пісьменніца Коўтун да сваіх тэкстаў. Кожны яе герой — гэта, як правіла, і яна таксама. Яна ўсіх іх, можна сказаць, нараджала, прапускала праз сваю душу і сэрца. Згадваецца хоць бы яе апошняя кніжачка «Малітва да Калымы», якую яна выдала пад імем Лесі Беларускі. Вось дзе сапраўдная сіла мастацкага ўяўлення! Віктар Казько некалі прызнаваўся, што пасля напісання апошняй старонкі аповесці «Суд у Слабадзе» яго ратавала «хуткая дапамога», бо ён паміраў разам са сваім героем Колькам Лецечкам. Амаль тое ж самае было і ў В. Коўтун пасля напісання «Пакліканых». Напэўна, таму і задоўжылася творчая паўза пісьменніцы пасля гэтага другога і, можна сказаць, галоўнага яе твора.

Яшчэ больш зблізіла нас з Валянцінай Міхайлаўнай яе грамадская дзейнасць, асабліва праца ў Фондзе Еўфрасінні Полацкай, які яна і ўзначальвала. Памятаю, як яна мне патэлефанавала і сказала, што створаны Фонд, пералічыла яго задачы і без усялякіх «падрыхтовак» аб'явіла, што ў горадзе Пінску і раёне яе намеснікам буду я. Прапанавала шукаць вартых жанчын: «Гуртуйцеся, будзем ставіць задачы і працаваць». Вось так — ні многа, ні мала! Я не паспела нават апомніцца, як стала «намеснікам».

Нашы жанчыны не раз ездзілі ў Мінск на розныя мерапрыемствы, сустрэчы. Але часцей Валянціна Міхайлаўна сама (ці з сяброўкамі) прыязджала да нас. На такіх сустрэчах заўжды было шматлюдна. Збіраліся настаўнікі з раёна і горада, бібліятэчныя работнікі, мясцовая інтэлігенцыя. Ішла зацікаўленая размова пра стан сучаснага грамадства, пра ролю жанчыны ў паляпшэнні духоўнасці, маральнасці часу. Шмат увагі надавалася прававым аспектам. А яшчэ чыталіся вершы.

Апошнія гады Валянціна Міхайлаўна часта прыязджала ў Пінск, у бацькоўскі дом. Цягнула яе сюды, нягледзячы на тое, што дом пуставаў. Спачатку пайшла з жыцця маці пісьменніцы, а неўзабаве, менш як праз месяц, не стала і бацькі. Страта была страшэнная. Духоўны вакуум доўга не запаўняўся. Пэўна, таму і цягнула яе на Піншчыну. Да каранёў. Да вытоку. Да свайго духоўнага Дома. Да ўсяго быў тут у яе і дом рэальны. Наконт яго ў Валянціны Міхайлаўны было шмат задумак. Спачатку ёй хацелася пакінуць будынак пад музей, пасля пад «дом творчасці» і г. д. Скончылася ж тым, што В. Коўтун вырашыла яго падрамантаваць і пакінуць сабе.

У снежні 2010 года Валянціна Міхайлаўна ў чарговы раз наведала Жабчыцы. Ехала ўсяго на некалькі дзён, а давялося затрымацца амаль на месяц. Гэты месяц стаўся для яе ў пэўным сэнсе выпрабавальным, вырашальным. Адарваная ад звыклага асяроддзя, звыклых абставін жыцця, яна ўпершыню засумнявалася: ці правільна робіць, ці зможа вось так надоўга заставацца ў вясковай глушы, у атачэнні суседкі бабы Веры і яе каляжанак? Так, гэта цудоўныя бабулькі, зычлівыя, адкрытыя, сардэчныя, але ж ці тыя гэта суразмоўцы, у якіх яна мае патрэбу? Вярталася тады Валянці-

на Міхайлаўна ў Мінск з цяжкімі думкамі. Я раіла ёй не спяшацца з высновамі, спачатку адысці ад «ссылкі», а пасля ўжо прыняць нейкае рашэнне. Планавалася, што прыедзе яна ў Жабчыцы ўжо ўвесну, і тады ўсё вырашыцца. Так яно і выйшла.

Прыехала Валянціна Міхайлаўна на Піншчыну на тыдзень-два і ўжо з цвёрдым рашэннем: хату трэба прадаваць. Яна спяшалася, ёй карцела хутчэй вярнуцца ў Мінск, рыхтаваць кнігу. А яшчэ, і гэта, пэўна, галоўнае, яе чакала праца над новым раманам. Яна ўжо жыла яго вобразамі, яе творчае ўяўленне ўжо было па-за гэтым часам.

Валянціна Міхайлаўна ўзялася за рамонт хаты. Шчыравала апантана, нават суседка, гледзячы на ўсё гэта, аднойчы не вытрымала: «Валька, адпачні. Ты ж сябе зусім замардавала». Але Валянціна Міхайлаўна была неўгамоннай...

Перазвоньваліся мы з ёю кожны дзень, бывала, па некалькі разоў. Апошнім часам нешта ў яе голасе мяне пачало насцярожваць, нейкае прыдыханне з'явілася ў яе.

- Валянціна Міхайлаўна, у вас усё ў парадку? пытаюся ў яе. Нармальна сябе пачуваеце? Можа, доктару трэба паказацца?
- Ды нешта крыху нездаровіцца, прызналася яна. Цяжкавата стала дыхаць. Але доктара пакуль не трэба. Вось з'езджу дамоў, спраўлюся з тэрміновымі справамі і ў чэрвені-ліпені вярнуся сюды, тады і бярыце мяне ў абарот, лячыце, згодна нават паляжаць у стацыянары.

Тады ж высветлілася, што з усіх «лекаў» яна мае толькі «ад ціску» і валяр'янку. Пакрытыкаваўшы яе за такі «шырокі» асартымент, я ўсё ж не вельмі перажывала. Мы толькі дамовіліся, што ў чарговы яе прыезд у вёску абавязкова правядзём абследаванне, калі трэба, арганізуем стацыянар.

Познім вечарам 30 красавіка ў мяне зазвінеў тэлефон. На экране выбіўся нумар Валянціны Міхайлаўны. Першае, што прыйшло ў галаву: яна ад'язджае ў Мінск, машына нейкая падвярнулася, вось і хоча мяне папярэдзіць. Здымаю трубку і нічога не магу зразумець, чую толькі, што там нехта хрыпіць.

— Валянціна Міхайлаўна, гэта вы? — крычу я. — Што здарылася? Вам дрэнна?

- Валянціна Іванаўна, выклікайце «хуткую», ледзь-ледзь, праз хрыпенне, прамовіла яна. Я тут жа адключаюся, набіраю 103, тлумачу сітуацыю і прашу выехаць неадкладна. На ўсялякі выпадак званю суседцы Веры Сцяпанаўне. Прабачаюся за позні званок і прашу падысці да Валянціны Міхайлаўны. На ўсялякі выпадак каб «хуткую» сустрэла. Вера Сцяпанаўна адразу ж апранулася і пайшла. Падымаю на ногі яшчэ і Марыю Іванаўну, нашу сяброўку. А сама тым часам усё набіраю нумар тэлефона Валянціны Міхайлаўны. Але там толькі кароткія і кароткія гудкі. Нарэшце разумею, што дрэнна пакладзена трубка. Тэлефаную зноў суседцы, але яна не вяртаецца дамоў. Думаю, усё, забіраюць Валянціну Міхайлаўну ў бальніцу. І вось нарэшце чую голас Веры Сцяпанаўны. Крычу ёй у трубку:
- Вера Сцяпанаўна, міленькая, ну што, павезлі Валянціну Міхайлаўну, яе няма?
- Няма, дзетачка мая, няма. Павезлі яе. Назаўсёды павезлі, сцішана прамовіла суседка.
- Куды павезлі? пытаюся я, разумеючы, што пытанне маё гучыць ужо недарэчна... «Хуткая дапамога» прыняла мой выклік у 23.04 хвіліны, у 23.06 брыгада ўрачоў выехала ў Жабчыцы. Амаль адначасова Вера Сцяпанаўна і ўрачы «хуткай» апынуліся на парозе бацькоўскага дома Валянціны Міхайлаўны. Прыблізна гэта было ў 23 гадзіны 20 хвілін. Разам зайшлі ў хату. Але было ўжо позна. Валянціна Міхайлаўна пакінула гэты свет. Назаўсёды...

Кажуць, што незамянімых людзей няма. Гэта няпраўда. Ёсць...

Літаратура і мастацтва. 2012. 19 кастрычніка (№ 42). С. 21.

Валентина Локун

О моём друге и покровителе

Воспоминания о Викторе Антоновиче Коваленко

Весна 1984 года. Близится защита кандидатской диссертации. Я сижу в номере гостиницы «Минск» вместе со своим научным руководителем Дмитрием Яковлевичем Бугаёвым. Профессор Бугаёв — отдельная страница в моей творческой жизни. Он был моим Учителем. Первым. Он «лепил» из меня исследователя. До этого я только самозабвенно любила читать книжки, особенно русскую классику. Дмитрий Яковлевич открывал для меня мир совершенно иной — мир творчества, мир науки.

Тема моей диссертации была достаточно обширной: «Стилевое своеобразие белорусской военной прозы. На материале творчества В. Быкова, Б. Саченко, И. Чигринова». Работалось легко. По сути, за полтора года диссертация была готова. Я тогда часто приезжала в Минск, здоровье и обстоятельства позволяли. Останавливались, как правило, в гостинице «Минск». Обычно мы снимали номер люкс на сутки-двое. В стенах гостиницы я сдавала и кандидатский минимум, члены специальной комиссии приходили ко мне в номер. Туда подъезжали и мои друзья, приятели, а потом и учёные, писатели, с которыми я постепенно заводила знакомства в столице, — доцент кафедры русской классической литературы Белгосуниверситета Александр Александрович Станюта, зав. кафедрой белорусской литературы Ольга Васильевна Козлова, доцент этой кафедры Татьяна Ивановна Шамякина, критики Евгений Григорьевич Лецко, Владимир Игнатьевич Анискович, литературоведы Владимир Леонтьевич Соколовский, Антон Александрович Семенович, Василий Федорович Хомченко, писатели Эрнест Васильевич Ялугин, Алесь Герасимович Масаренко, Вера Семёновна Полторан и другие.

Хорошо помню наши тогдашние «посиделки». Я, как губка, впитывала в себя всё, что «озвучивалось», о чём тогда дискутировали. Я была горда тем, что приобщаюсь к миру большой литературы. И самым для меня приятным было то, что никто из этих людей не замечал во мне человека «с ограниченными физическими возможностями». Они совершенно не видели моих «слабых ног», а воспринимали только, как выразился впоследствии декан филфака Алексей Арсентьевич Волк, мою «сильную» голову.

И вот впереди защита диссертации. Мы с Дмитрием Яковлевичем обсуждаем имена оппонентов. Обсуждаем — это громко сказано. Рассуждает один Дмитрий Яковлевич: «Нам нужно уже теперь думать о вашем будущем, нужно привлекать людей, которые бы реально смогли вас поддержать после защиты. С одним из оппонентов я уже связался, это Серафим Антонович Андреюк — главный редактор издательства "Мастацкая літаратура". А ещё я думаю, вам есть смысл познакомиться с Виктором Антоновичем Коваленко, директором Института литературы имени Янки Купалы АН БССР. Это очень серьёзный учёный, авторитетный».

Я замерла. Как? Сам Коваленко будет у меня первым оппонентом? Это же фантастика. Да и согласится ли он? Я знала его как автора ряда книг: «Голас чалавечнасці» (1970), «З пазіцый сучаснасці. Агульны працэс літаратурнага развіцця» (1975), «Праблемы сучаснай беларускай крытыкі» (1977), рамана «Падвышанае неба» (1978). Но особенно меня поразила его монография «Вытокі, уплывы, паскоранасць» (1975). Читала книгу и удивлялась эрудиции автора, его осведомлённости, глубине и масштабам постижения литературного процесса. Исследователь в совершенстве владел методикой компаративистской науки. Именно через Коваленко я открыла для себя мир славянских литератур — сложно взаимосвязанный. Учёный оживил, активизировал целое направление в отечественном литературоведении — компаративистское изучение литератур. Тогда я не могла даже предположить, что впоследствии именно компаративистике я отдам почти двадцать лет своей жизни. (В скобках отмечу, что постсоветское литературоведение внесло определённые коррективы, выдвинутые Коваленко в понятия ускоренности и взаимовлияния литератур,

оставив за белорусской литературой право развиваться своим специфическим путём.)

Меня потрясала эрудиция В. Коваленко. Так же, как и смелость мысли моего Учителя — Д. Бугаёва. Я была убеждена, что это как раз и есть те высоты, до которых мне никогда не дотянуться, но стремиться надо. Это — как ориентир на будущее, на всю жизнь. Виктор Антонович согласился выступить в качестве первого оппонента. Защита диссертации была назначена на 8 июня. Накануне я позвонила в Минск в Институт литературы. Волновалась как никогда. Видимо, Коваленко почувствовал моё волнение, потому что сразу начал: «Работа у вас хорошая, выполнена на достаточно высоком научном уровне. А это означает, что разговор на защите будет серьёзный. Только не волнуйтесь, вы справитесь, у вас всё будет хорошо». Эти его слова меня и обрадовали, и насторожили одновременно. Обрадовалась, что работа хорошая, но насторожила мысль о предстоящей дискуссии в процессе защиты. Как оно всё там обернётся?

И вот я снова в Минске, сижу в гостинице вместе с Д. Бугаёвым, уточняем различные моменты накануне защиты. Дел невпроворот, бесконечные телефонные звонки, среди которых был и звонок от Виктора Антоновича. Он сказал, что где-то через час привезёт мне свой отзыв, точнее, его копию, — для ознакомления. Так оно и вышло. Но здесь меня очень удивила деликатность этого человека. Уже поднявшись на наш этаж, он попросил у дежурной разрешения позвонить в наш номер. Он предупредил меня, что находится уже в гостинице, стоит у наших дверей и просит разрешения войти. Моя подруга выскочила в коридор и пригласила его в номер.

По правде говоря, я представляла Коваленко иным, этаким, как теперь говорят, мачо, высоким, с волевым лицом и обязательно брюнетом. А передо мной стоял человек невысокого роста, чуть полноватый, с типично славянским лицом и ко всему — ещё и рыжеватый. Но вместе с этим была улыбка — очень тёплая, искренняя, в чём-то даже стеснительная. И глаза — они излучали столько света, доброты, что я от неожиданности просто растерялась. Было ощущение, что мы уже виделись с этим человеком, давно знакомы,

что он всё-всё обо мне знает. Виктор Антонович отдал мне копию отзыва, ещё раз похвалил диссертацию, но задерживаться не стал, ибо у него была назначена встреча с ректором БГУ и опаздывать он не хотел. От кофе отказался, сказал, что в другой раз.

Отзыв Виктора Антоновича был, если можно так сказать, абсолютно положительным. Дмитрий Яковлевич меня поздравил с такой оценкой, но попросил не расслабляться, потому что в процессе защиты из зала может вылезти с репликой какой-нибудь «Піліп з канапель», и тогда мне ой как не поздоровится. И он оказался прав. Был у меня такой «Піліп». Однако, всё по порядку. Помню, как уже в конференц-зале пединститута им. М. Горького (защита проходила в этом вузе) ко мне подошла Ольга Васильевна Козлова, она наклонилась и тихо, с улыбкой произнесла: «Валя, не хвалюйся, самым складаным у гэтай справе было сабраць усіх гэтых "дзядзькоў" разам, а астатняе — гэта ўжо справа тэхнікі. Зробяць яны цябе сёння кандыдатам, вось пабачыш». Как я была благодарна этой мудрой женщине за всё, что она для меня сделала. Всегда спокойная, уравновешенная, она вселяла в меня надежду, веру в будущее. Рядом с ней мне было как-то по-домашнему тепло и уютно.

Я смутно помню собственное выступление — всё-таки немного переволновалась, котя внешне оставалась абсолютно спокойной. На вопросы тоже отвечала нормально. Во всяком случае, Ольга Васильевна, сидевшая прямо передо мной в первом ряду, одобрительно кивала головой. Я пыталась найти глазами Дмитрия Яковлевича Бугаёва, проверить его реакцию, но он забился в дальний угол за спины членов совета, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Потом он признавался, что никогда в жизни так не волновался за своих диссертантов (а их у него было немало), как тогда. Но вот слово предоставили Коваленко, и я успокоилась, кажется, пронесло.

Однако Н. Гринчику почему-то очень не понравилось выступление первого оппонента. Он буквально засыпал вопросами Виктора Антоновича. Завязалась нешуточная дискуссия. Гринчик решил устроить директору Института экзамен, но почему-то на знание европейской литературы. Виктор Антонович выдержал его на «отлично» и, как бронёй, прикрыл меня собой.

И вот объявлены результаты тайного голосования: чёрных шаров нет, все члены специализированного Совета проголосовали за меня. В итоге все мы, гордые и счастливые, взяли курс на ресторан «Минск», который тогда находился на шестом этаже гостиницы «Минск». Правда, официально всякие банкеты тогда были запрещены. Но это официально. Реально же они проводились. Ну, действительно, что это за защита, когда она не закреплена банкетом? Это как Новый год без ёлки и шампанского!

На банкет пришли почти все, кого мы с Дмитрием Яковлевичем пригласили. Даже декан филфака БГУ Алексей Арсентьевич Волк, который раньше таких мероприятий принципиально избегал. Он сказал, что уважает мужественных людей и поэтому считает за честь лично поздравить меня с победой. Я была безмерно счастлива. Тамадой единогласно был избран Владимир Наумович. Это был, прямо скажем, тамада от Бога. Наше застолье он превратил в красивое, остроумное, театрализованное шоу. Я сидела между Дмитрием Яковлевичем и Виктором Антоновичем. Это как раз был тот момент, когда за столом собрались не профессораакадемики, а обычные люди, точнее, люди из одной команды. Они были свидетелями и участниками по тем временам неординарного события, эксклюзива по-теперешнему. Защищался человек в кресле (принципиально избегала инвалидного кресла). Не знаю, кто из нас был более счастлив: я или они? После одной-двух пропущенных рюмок шампанского и коньяка мы совершенно расслабились, беседа полилась рекой. Диалог перемешивался с полилогом причём на разных языках: сочном белорусском, красивом русском и даже польском, английском и французском. Настоящий Вавилон. А песни какие звучали! Весь ресторан нам аплодировал. Были, разумеется, и танцы. Не усидел и Виктор Антонович — не устоял перед чарами одной из участниц нашего торжества. Но, наверно, пляски всё же не были стихией уважаемого директора, потому что вскоре он подошёл ко мне, поблагодарил за вечер, пообещал, что завтра обязательно мне позвонит, и по-английски, не прощаясь, ушёл домой.

Назавтра мне пришлось задержаться в гостинице ещё на добрых полдня. Вместе с секретарём специализированного Совета

Изабеллой Владимировной Пашенко приводили в порядок бумаги, оформляли документы, ставили подписи и т. д. Но внутренне я была вся в ожидании — больше всего на свете я ждала один звонок — от Коваленко. Я догадывалась, о чём будет идти речь, ибо меня ещё накануне об этом предупредил Дмитрий Яковлевич. Но я ждала с тревогой и страхом — а вдруг передумает и не позвонит. Что же мне тогда делать?

Закончить институт, аспирантуру, защитить диссертацию и не иметь возможности самореализоваться — согласитесь, ситуация более чем драматическая. Проблема работы на тот момент для меня стояла очень остро. И казалась тупиковой. Виктор Антонович, как позже он сам в этом признался, уже при нашей первой встрече начал искать выход из этого тупика. Но даже и он не мог тогда представить, какие сложности ожидали нас впереди.

Я дождалась звонка от Виктора Антоновича. Он ещё раз поздравил меня с успехом, спросил, не болит ли голова после вчерашних мероприятий, и наконец я услышала то, чего так долго и с нетерпением ждала: «Валянціна Іванаўна, у мяне да вас ёсць прапанова, сур'ёзная — наконт працы ў нашым Інстытуце. Спецыфіка працы ў нас адметная, вы зусім спакойна можаце жыць у сваім Пінску, займацца даследаваннем літаратуры. Прыязджаць да нас будзеце толькі на абмеркаванне сваіх прац. Праўда, канкрэтна пытаннем працаўладкавання мы зоймемся ўжо пасля таго, як вы атрымаеце пасведчанне кандыдата навук, а пакуль я прапаную вам напісаць абзорны артыкул аб сучаснай беларускай літаратуры». Ну вот, наконец-то свершилось! Я ликовала. Мне предложили не просто работу, о которой я давно и безнадёжно мечтала, а работу в академическом Институте. Я летела из Минска как на крыльях, полная надежд и творческих планов.

Однако, увы, буквально через несколько дней Виктор Антонович прислал мне письмо и предупредил, что статья отменяется, ибо бухгалтерия отказывается её проплачивать. Причина очень важная по тем временам: отсутствие минской прописки. В письме он с сожалением констатировал, что «інструкцыі ў нас маюць вялікую сілу, але я думаю, што ўрэшце-рэшт спрыяльнае рашэнне павінна быць. Я асабіста ў гэта веру». Виктор Антонович был настроен

решительно, он верил в то, что Совет Министров рано или поздно сделает для меня исключение из общего правила и разрешит ему, директору, принять меня на работу к себе в Институт.

Всё это время — а это более двух лет — мы переписывались с Виктором Антоновичем. Вот несколько фрагментов из писем тех лет: «Атрымаў Ваш ліст. Мне было прыемна атрымаць Ваш ліст па некалькіх прычынах. Па-першае, гэта ліст ад Вас, такога прыемнага і разумнага чалавека, па-другое, Ваш ліст, нягледзячы на тое, што Вам хапае гаркаты, чакаючы адказу з высокай інстанцыі, увесь пранікнуты дзелавым настроем. Мне здалося, што Вы ўжо захоплены тэмай, праблемай, будучай працай і ўнутрана пачынаеце ўцягвацца ў навуковыя турботы. Калі гэта так, то вельмі прыемна і радасна ведаць пра гэта» (письмо от 25.07.1985 г.). Или вот ещё: «Прашу прабачэння, што не адразу адказваю Вам на Ваш ліст. Шмат мітусні, дробных спраў, патрэбных і непатрэбных камандзіровак. Якраз цяпер для мяне аказаўся найбольш спрыяльны час і па ўнутранаму настрою, каб напісаць Вам адказ і пагаварыць пра Ваш план. Настае дзень 8 сакавіка і я хачу сардэчна павіншаваць Вас з жаночым святам і пажадаць Вам поспехаў, лепшага здароўя і ўсяго самага добрага ў жыцці. Акрамя таго, прачытаў Ваш артыкул у "Полымі" (речь идёт о моей статье "Героі і час", опубликованной во 2-м номере "Полымя". — В. Π .) і вельмі парадаваўся за Вас. Артыкул добры, ацэнкі твораў правільныя. Мне прыемна было пераканацца, што мае ацэнкі супадаюць з Вашымі. Ва ўсіх адносінах добры артыкул. Учора ў Саюзе пісьменнікаў было пасяджэнне секцыі крытыкі. Справаздачны даклад рабіў Дзмітрый Якаўлевіч. Ён згадваў Ваш артыкул як дасягненне крытыкі за справаздачны перыяд. Віншую Вас з поспехам на крытычнай ніве і жадаю новых артыкулаў — глыбокіх, аналітычных, цікавых. Такіх, як гэты, які я маю на ўвазе» (письмо от 3.03.1986 г.).

Виктор Антонович рекомендовал продолжать изучение белорусской литературы, которую я знала в меньшем объёме, чем русскую. Настаивал на новых публикациях, ибо, как он выражался, «час выходзіць у людзі».

И я старалась «выходзіць» — готовила в издательство «Мастацкая літаратура» рукопись первого своего сборника литературно-критических статей «Да новых вышынь», писала рецензии, ну и конечно, читала белорусских авторов, чередуя их с европейскими: М. Горецкий и Ф. Стендаль, К. Чорный и Т. Манн, В. Быков и Э. Хемингуэй, Э. Ремарк, А. Камю... Открывала для себя Ж.-П. Сартра и В. Козько, В. Адамчика и У. Фолкнера... Постепенно у меня вырисовывалось и направление собственного научного поиска.

И всё это время я подспудно, подсознательно готовилась, выбирала тему докторской диссертации. Мне хотелось исследовать философию белорусской литературы, а точнее, нравственно-философские поиски белорусской литературы XX столетия.

Виктор Антонович меня не отговаривал, наоборот, он поддерживал эту мою, как я теперь понимаю, научную авантюру. «Тэма ж, вядома, прыдатная і, як кажуць, дысертацыйная ў тым варыянце, які Вы выбралі. Тэма несумненна цяжкая, яна — сацыяльна-філасофская перш за ўсё. Але я думаю, што Вы з поспехам справіцеся з ёю. Праблематыку сваёй будучай работы Вы ў агульным плане вызначаеце правільна. Жадаю Вам поспеху» (письмо от 25.07.1985 г.).

Тем временем я продолжала писать «прошения» в высокие инстанции, а Виктор Антонович в буквальном смысле ходил по кругу: ЦК КПБ – Совет Министров БССР и снова ЦК КПБ.

Я уже два года работала в Брестском пединституте, как минские чиновники наконец-то дали своё разрешение. Правда, в достаточно необычной форме: они всё перепоручили самому Коваленко, мол, под вашу ответственность, товарищ директор, хотите принимать — принимайте, но от проверяющих отбивайтесь сами. Но и это ещё не всё (ох, уж эти советские чиновники!): свой вердикт они передали Виктору Антоновичу не в письменной форме, что хоть как-то бы могло подстраховать его в дальнейшем, а в телефонном разговоре. Однако Коваленко не отступил, он незамедлительно принимает решение зачислить меня в штат Института. Первоначально только на полставки. Долго выбирали отдел, пока в итоге не остановились на отделе литературных взаимосвязей. В своё время этот отдел возглавлял Алесь Адамович — гордость отечественного литературоведения, великий учёный, писатель,

публицист. Позже на этом посту его сменит В. Л. Соколовский. Человек широкой эрудиции, он длительное время был на дипломатической работе в Германии. Владимир Леонтьевич хорошо знал европейскую литературу, особенно немецкую, его интересовали взаимосвязи белорусской и немецкой литератур, и он много сил и времени отдавал выявлению этих связей. Владимир Леонтьевич тепло принял меня в свой коллектив.

Виктор Антонович предложил мне заняться исследованием современной советской литературы, попросил сформулировать тему на предстоящие пять лет и написать план-проспект. Вот тут-то я и вспомнила о своей докторской и взяла её в качестве основы предстоящей работы. Через какое-то время я представила план-проспект учёному секретарю Института Афанасию Филипповичу Порепко. Милейший Афанасий Филиппович настоятельно рекомендовал сократить масштабы проекта. Его поддержал впоследствии и Виктор Антонович. Последний, внимательно ознакомившись с моим планом, добрые две трети его перечеркнул, а остальное вернул мне: «Вось вам хрушчоўскі перыяд, з ім і працуйце». Хотя Виктор Антонович к тому времени уже изменил своё отношение к избранной мною теме. Нравственно-философские критерии в области литературы в конце 80-х годов менялись как в калейдоскопе. Всё, что совсем недавно было позитивным и незыблемым, в одночасье становилось негативным. Общественное сознание политизировалось с невероятной скоростью. Рушилась идеология, с пьедесталов сносили кумиров, хаос социальный повлёк за собой и хаос в сфере нравственной, моральной. Категория гуманизма трансформировалась. Сменились приоритеты государственной и общественной жизни. Естественно, что всё это чётко осознавал Коваленко, он понимал, как непросто будет мне отстоять написанное сегодня через год-два. В такой ситуации, безусловно, более разумным было бы заняться теоретическими проблемами литературы. Поэтому Виктор Антонович и предлагал мне сменить направление исследования, заняться проблемой жанра — можно на прозе того же В. Быкова, но уже обязательно в сравнении с прозой других белорусских писателей — И. Шамякина, И. Науменко, И. Чигринова, А. Осипенко и т. д. Ибо, как он подчеркнул, «праца ў такім павароце (ці іншым, падобным), павароце (тэарэтычным) не будзе старэць зместам» (письмо от 3.07.1987 г.). Но я любила философию, мне нравились книги глубокого философского содержания, и я просила руководство Института утвердить именно ту тему, которую я им уже представила.

Как и предвидел Коваленко, сложности у меня появились сразу после того, как я написала «Вступление». Критики было более чем достаточно. В связи с этим Виктор Антонович прислал мне письмо, пытаясь смягчить ситуацию. «За крытычныя заўвагі не крыўдуйце. Вас, сапраўды, у аддзеле ўспрымаюць вельмі сур'ёзна, і мяне гэта радуе. Мне таксама прыемна даведацца ад Вас, што Вы крытычныя заўвагі прымаеце як належнае. У нас такі стыль працы, стыль традыцыйны — і Вы не выключэнне. Мне казалі, што агульны тэарэтычны ўзровень Вашага раздзела прыстойны, але слаба адчуваецца гатоўнасць да новых падыходаў. Не ведаю, ці так гэта, бо пакуль што Вашай працы не чытаў. Але над крытычнымі заўвагамі, нават калі яны не зусім справядлівыя, заўсёды варта падумаць. Акрамя таго, з уласнай практыкі ведаю, што наперад напісаны "Уступ" абавязкова пераіначваецца ці адкідваецца зусім. Не прыдавайце "Уступу" вялікага значэння цяпер. Працуйце далей. Жадаю поспеху. Не перапрацоўвайцеся толькі, не таміцеся вельмі. Часцей адпачывайце» (письмо от 6.03.1989 г.). Была у меня когда-то такая страсть работать сутками, забывая о сне и еде. И Виктор Антонович знал об этом.

Хорошо помню первое обсуждение моей работы, точнее, её первой части, в отделе. Был конец сентября 1989 года. Моросил холодный осенний дождь с порывистым ветром. Заседание было назначено на 10 часов утра. Сразу с 9 мы засобирались в Институт. Но как это нередко случается, когда очень боишься опоздать, то обязательно опоздаешь. Мы тоже опоздали. Причина оказалась банальной: сломался лифт в гостинице. На ступенях Академии нас дожидался уже успевший продрогнуть на ветру Семён Букчин. В холле прогуливался Владимир Леонтьевич Соколовский. Они и сопроводили нас с подругой на четвёртый этаж в отдел литературных взаимосвязей. В тот день сотрудники отдела собрались в полном составе. Присутствовал здесь и Виктор Антонович, что

для меня было приятной неожиданностью, я знала, что он на данный момент находился в отпуске, да к тому же ещё и приболел. Отдельно просить его о встрече я просто не решилась, но он, видимо, догадывался, насколько важным будет для меня его участие в процессе обсуждения, и приехал сам. Не исключено, что он хотел ещё и послушать, как будет оценена моя работа отделом.

Выступления сотрудников как бы иллюстрировали ту эпоху, в которой мы тогда жили. Обсуждение открыл Владимир Леонтьевич Соколовский. Он достаточно подробно рассмотрел мою рукопись, сделал ряд конкретных замечаний, просил не спешить с выводами. Потом выступали другие. Семён Букчин с присущим для него максимализмом рекомендовал мне прежде всего расправиться с колхозами, которые представлялись ему основным социальным злом, что привело село к трагическим последствиям. Слова Букчина для меня были несколько неожиданными, но слушать его мне было крайне интересно. От него исходила такая разрушительная сила, что прямо дух захватывало. Любовь Турбина всё призывала меня «сначала определиться», но я так и не поняла, с чем или в чём я должна определяться. Не очень существенными показались мне выступления Галины Творонович и Леонида Козыры. Владимир Казберук, наоборот, сделал ряд очень важных конструктивных предложений. И вот, наконец, слово взял Виктор Антонович. Он очень внимательно слушал предыдущих выступающих, даже делал какие-то пометки в своих бумагах. Коваленко как бы подытоживал обсуждение. Он много и подробно говорил о моей работе, подчёркивая и положительные, и отрицательные её моменты. Очень хорошо запомнились его слова о том, что так, как я, глубоко о философии природы П. Пестрака ещё никто не писал. Для меня это была наивысшая награда. К сожалению, впоследствии эта глава не вошла в монографию. Из 15 печатных листов, подготовленных мною к изданию, мне оставили только 5. В Институте не оказалось денег, чтобы проплатить издание монографии целиком. Кстати, редактировал её В. А. Коваленко. Вышла она в издательстве «Навука і тэхніка» в 1995 году под названием «Маральна-філасофскія пошукі беларускай ваеннай і гістарычнай прозы, 1950–1960-я гады».

Институт, сколько я помню, всегда находился в стеснённом финансовом положении. Одно время Виктору Антоновичу пришлось даже совмещать свою директорскую должность с должностью зав. отделом литературных взаимосвязей. Но тем не менее он всегда оставался очень демократичным руководителем. Он никогда не повышал голоса, не злоупотреблял властью. Он был очень деликатным человеком, интеллигентным по своей внутренней сути. Всё самое сложное старался брать на себя.

Коваленко возглавлял Институт в далеко не лучшие времена. Он часто говорил мне, что хочет уйти с поста директора. Он — исследователь, учёный, литератор — и хочет спокойно заниматься наукой, писать книги. Эти его настроения подтверждают и письма тех лет. «Глыбокапаважаная Валянціна Іванаўна! Сардэчна дзякую Вам за навагоднія віншаванні. Дазвольце і мне павіншаваць Вас з Новым годам і пажадаць Вам усяго самага найлепшага, што толькі можна пажадаць цудоўнаму чалавеку. Хай Вам добра жывецца, працуецца і адчуваецца. Хай здзейсняцца ўсе Вашы намеры і спадзяванні. Добрага настрою Вам і Вашым блізкім.

Мне прыемна, што Вы трывожыліся і перажывалі за мяне (речь здесь идёт о перипетиях очередного переизбрания Коваленко на пост директора Института. — В. Л.). Я ўпэўнены, што гэта дапамагло мне. Хоць, паверце, у сучасны момант быць дырэктарам цяжка. Асабіста для мяне было б лепш адмовіцца ад гэтай пасады. Але даводзіцца паважаць і цаніць давер калектыву. Прызнаюся, адносіны калектыву найбольш радуюць і ўсцяшаюць…» (письмо от 6.01.1989 г.).

У меня не получилось защитить докторскую, как мы планировали в своё время с Виктором Антоновичем. В этом тоже виновато время, в котором мы жили и творили. Слишком уж тесно переплелись литература и политика, искусство и социум. Так не должно быть, задачи литературы должны быть иными — это отображение человека в его сакральном значении, духовной сущности, человека как феномена природы, Бога. Литература должна заниматься общечеловеческими проблемами и защищать общечеловеческие ценности. Это касается и литературоведения. У нас же, к сожалению, над всем доминирует социум и идеология.

Дмитрий Яковлевич Бугаёв предлагал мне защищаться у них в университете. Он говорил, что научный уровень монографии более чем солидный, она соответствует требованиям докторской диссертации. И Олег Антонович Лойко (в то время зав. кафедрой белорусской литературы в университете) принципиально согласился с Дмитрием Яковлевичем. Но я не могла на это пойти, боялась последующих возможных осложнений в творческой жизни.

Начало 90-х годов. Продолжался процесс переоценки всего пласта советской литературы. Институт приступил к работе над многотомным изданием новой «Гісторыі беларускай літаратуры XX ст.» в четырёх томах. Виктор Антонович был весь в хлопотах — творческих и организационных. Коллективом Института была проделана огромнейшая работа. Вышло четыре тома, при этом четвёртый — в двух книгах. Сейчас можно услышать голоса о несовершенстве тех или иных оценок, определений или категорий, данных авторским коллективом «Гісторыі...». И это действительно так. Но вместе с тем это только подчёркивает мысль о дискуссионности литературной жизни 80-90-х годов прошлого столетия. Ситуация складывалась таким образом, что критерии и установки менялись настолько стремительно, а издательский процесс из-за финансовых трудностей настолько замедлялся, что, пока книга доходила до читателя, она уже морально устаревала.

Для «Гісторыі...» я написала три раздела: «Іван Шамякін», «Алесь Асіпенка» и «Уладзімір Дамашэвіч». Спешно готовили 2-ю книгу заключительного 4-го тома. Я все свои бумаги сдала и решила устроить передышку. Но в это время у меня в квартире раздаётся телефонный звонок. Снимаю трубку и слышу ставший уже для меня привычным голос Виктора Антоновича: «Добры дзень, Валянціна Іванаўна! Ну, як вам там жывецца-працуецца?». Я, как всегда, ответила, что всё в порядке, что готова к выполнению любых его распоряжений. Мы минуту-другую поговорили о погоде, о том о сём, и тут Виктор Антонович предлагает мне написать раздел о творчестве Валентины Ковтун. Я сразу же запротестовала, ибо работала главным образом с прозаическими текстами, а В. Ко-

втун к тому моменту была больше известна как поэтесса, только-только вышел её первый роман «Крыж міласэрнасці». Стихотворные жанры имеют свою специфику, в отличие от прозаических. Мне всегда было интересно работать с прозой — не знаю, почему, но так уж распорядилась моя творческая судьба. В. Ковтун — замечательная поэтесса, я очень уважительно относилась к её творчеству, но писать о ней, считала, не имею права. Я не справлюсь и таким образом подставлю и его — Коваленко, и Ковтун. Таково было моё убеждение. Но Виктор Антонович проявил несвойственную для него твёрдость и сказал, что я просто обязана написать этот раздел, ибо больше некому. «Некалі я таксама даследаваў толькі адну прозу. Але мяне папрасілі напісаць пра П. Панчанку. Я спачатку, як і Вы, вагаўся, а пасля згадзіўся. І нічога. Усё атрымалася. Нават П. Панчанка застаўся задаволены».

«Виктор Антонович, что же Вы сравниваете, Вы же — Коваленко, а я всего только Локун», — всё ещё на что-то надеясь, продолжала я сопротивляться. «Нічога, усё атрымаецца. Працуйце. Пад маю асабістую адказнасць».

Только спустя несколько лет, встретившись в Пинске с самой Валентиной Михайловной Ковтун, я узнала истинную причину настойчивости Коваленко. Оказывается, она сама просила Виктора Антоновича, чтобы раздел о ней писали либо Владимир Конон, либо В. Локун.

К сожалению, этот раздел не попал в «Гісторыю…», но не потому, что плохо был написан (как раз он у меня получился, сама В. Ковтун его одобрила), а по иной причине, для меня до сих пор не совсем понятной.

* * *

В одном из своих писем ко мне Виктор Антонович написал: «У літаратуразнаўцаў не бывае славы. Пры ўсіх заслугах перад літаратуразнаўствам і крытыкай А. Адамовіч застаўся б малавядомым для шырокіх колаў грамадскасці, калі б не пайшоў у мастацкую творчасць, публіцыстыку і палітыку. Літаратуразнаўства — гэта крот, які рыхліць глебу на ніве духоўнай культуры, рэдка

выходзячы на паверхню» (письмо от 3.07.94 г.). И подпись: «Той, хто Вас вельмі паважае і цэніць». Таким «кротом» всю жизнь оставался и Виктор Антонович Коваленко. Доктор наук, академик, он прежде всего был трудоголиком. Диапазон его научных интересов огромен. Ему в равной степени были интересны и мифопоэтические, фольклорные мотивы отечественной литературы и её современный процесс, её «вытокі» и её «ўплывы», её национальные особенности и общечеловеческая сущность. Он был одинаково великим и когда исследовал творчество М. Горецкого или 3. Бядули, и когда писал о И. Шамякине, В. Быкове, И. Чигринове и множестве других белорусских и небелорусских писателях.

В. Коваленко пытался освоить ещё один литературный жанр, «чисто» повествовательный — жанр романа. В 1978 году был опубликован его роман «Падвышанае неба». Но это произведение почему-то не стало событием в литературной жизни страны, хотя с точки зрения художественной роман выполнен безукоризненно. В нём не оказалось той особенной новизны, открытия, на что настраивался читатель, только взяв в руки книгу. Имя обязывало быть особенным. Во всём великим. Если бы автором книги был кто-то иной, обычный писатель, ему бы всё это простилось. А к роману В. Коваленко подходили уже с заведомо высокой меркой, которая соответствовала бы уровню его научных работ.

Возвращаясь к теме наших взаимоотношений, мне хочется подчеркнуть и такой ещё очень важный для меня момент: в Союз белорусских писателей в 1998 году меня также рекомендовал В. Коваленко. Кстати, вместе с Д. Бугаёвым (третьим в этой «связке» рекомендателей был профессор Брестского педуниверситета Микола Мищенчук). Их рекомендации я восприняла прежде всего как огромную ответственность — и не только за то, что я написала, но прежде всего за то, что ещё собиралась написать. А в то время я работала над главной своей книгой — монографией «Васіль Быкаў у кантэксце сусветнай літаратуры». Работу над ней я завершила в 2000 году. Виктор Антонович одним из первых поздравил меня с успехом. В телефонной беседе он отметил: «Манаграфія ў Вас атрымалася вельмі і вельмі прыстойная. Я рады за Вас».

* * *

Помню, с каким энтузиазмом всем Институтом отмечали 70-летие Виктора Антоновича. Это был всеобщий праздник. Позже мне его подробно, в деталях, описал друг и коллега Виктора Антоновича Гаранин Леонид Яковлевич. (Леонид Яковлевич, кстати, тоже побывал у меня в гостях, после чего у нас с ним завязалась тёплая дружеская переписка.) В тот день я никак не могла пробиться по телефону к Виктору Антоновичу. Уже буквально перед самым торжественным собранием по случаю юбилея мне совершенно случайно удалось поймать Валентину Павловну Косцову, главного бухгалтера Института. Она по каким-то неотложным делам на секунду забежала в приёмную. «Ой, Валентина Ивановна, там столько народу собралось чествовать нашего юбиляра, Вы не представляете», — взволнованно прокричала мне Валентина Павловна. Тем не менее эта милейшая женщина пообещала пробиться к Виктору Антоновичу и лично передать ему мои поздравления. Через два дня я позвонила Коваленко домой. Он был ещё уставшим от праздничной суеты, но тем не менее с юмором ответил: «Напэўна, доўга яшчэ жыць буду, калі перажыў увесь гэты вэрхал».

Увы, прожить ему оставалось совсем немного — чуть больше года. Совершенно не помню, по какой причине я в тот день позвонила в Институт. Да и была ли причина вообще? Продолжались летние отпуска, Институт работал вполсилы. Но меня словно чтото подталкивало — позвони! И я позвонила в приёмную. В трубке услышала голос Антонины Владимировны, секретаря директора. Всегда предельно вежливая, доброжелательная, Антонина Владимировна была на этот раз какой-то не такой. Я даже не успела сообразить — какой? «Валентина Ивановна, у нас беда, вчера на даче скоропостижно умер Виктор Антонович, — произнесла она подавленно. И тихо добавила. — Похороны будут завтра». Я чувствую, что произошло что-то ужасное, непоправимое. Но не могу осознать, что? Как, нет больше Виктора Антоновича? Нет и никогда больше не будет?..

Спустя какое-то время я получила письмо от Леонида Яковлевича Гаранина. Он в числе немногих приглашённых от Инсти-

тута присутствовал на «сорока днях» на квартире вдовы Виктора Антоновича Коваленко Марии Андреевны. Леонид Яковлевич подробно описал мне всё происходившее в тот вечер, ибо решил (и я очень признательна ему за это решение!), «что надо Вам об этом написать. Ведь Виктор Антонович, можно сказать, был Ваш покровитель и друг».

Традиции В. А. Коваленко, его демократизм и внутреннюю интеллигентность, деликатность в отношении с людьми, коллегами и подчинёнными стремились сохранить его преемники: Михась Александрович Тычина, который возглавил отдел после Виктора Антоновича, и Владимир Васильевич Гниломёдов, занимавший пост директора Института в течение многих лет. Но — это уже отдельная страница в моей жизни. Да и в истории Института, вероятно, тоже.

Нёман. 2008. № 6. С. 64–73.

Бібліяграфічны спіс прац В. І. ЛОКУН (1973–2016 гг.)

1973

- 1. Не обедняйте свой духовный мир / В. Локун // Полесская правда. Пинск, 1973. 19 января.
- 2. «Безумству храбрых…» : к 70-летию со дня рождения Юлиуса Фучика / В. Локун // Полесская правда. Пинск, 1973. 23 февраля.
- 3. Человек это звучит гордо! : к 105-летию со дня рождения Максима Горького / В. Локун // Полесская правда. Пинск, 1973. 28 марта.
- 4. Золотой запас драматургии / В. Локун // Знамя юности. 1973.-12 апреля.
- 5. Спасибо вам, люди! / В. Локун // Полесская правда. Пинск, 1973. 29 июня.
- 6. Глашатай революции: к 80-летию со дня рождения В. В. Маяковского / В. Локун // Полесская правда. – Пинск, 1973. – 18 июля.
- 7. Бессмертие / Валентина Локун // Знамя юности. 1974. 29 сентября.

1974

- 8. Великий русский поэт : 6 июня 175 лет со дня рождения А. С. Пушкина / В. Локун // Полесская правда. Пинск, 1974. 5 июня.
- 9. Он моя совесть... / Валентина Локун // Знамя юности. 1974. 29 сентября.
- 10. Страницы большой жизни : рецензия на роман А. Чаковского «Блокада» / В. Локун // Полесская правда. Пинск, 1973. 24 ноября.

1975

11. На стрежне жизни / В. Локун // Полесская правда. – Пинск, 1975. - 24 мая.

- 12. «Жизнь прожить…» / Валентина Локун // Советская Белоруссия. 1976. 8 января.
- 13. Что есть истина? О книге Ю. Бондарева «Берег» / В. Локун // Полесская правда. Пинск, 1976. 11 февраля.
- 14. [Короткая рецензия] / Валентина Локун // Нёман. 1976. № 4. С. 176—177. Рецензия на книгу: Брачная ночь : повесть / И. Шамякин ; авторизованный перевод с белорусского М. Горбачева // Огонёк. 1975. № 30—35.
- 15. Трудный год / В. Локун // Советская Белоруссия. 1976. 1 сентября.
- 16. «Полесская хроника» : рецензия / В. Локун // Полесская правда. Пинск, 1976. 2 октября.
- 17. Дружба народов дружба литератур : дни польской литературы в Белоруссии / В. Локун // Полесская правда. Пинск, 1976.-13 октября.
- 18. Извечный зов Родины : о книге А. Иванова «Вечный зов» / В. Локун // Полесская правда. Пинск, 1976. 26 ноября.

- 19. Быковская летопись войны / В. Локун // Полесская правда. Пинск, 1977. 3 июня.
- 20. Ці ёсць абяцанае? / Валянціна Локун // Літаратура і мастацтва. 1977. 24 чэрвеня (№ 25). С. 6. Рэцэнзія на кнігу: Абяцанне : аповесць і апавяданні / М. Парахневіч. Мінск : Мастацкая літаратура, 1976. 208 с. : іл.
- 21. [Короткая рецензия] / Валентина Локун // Нёман. 1977. № 8. С. 182—183. Рецензия на книгу: И смолкли птицы / И. Шамякин // Полымя. 1977. № 1.
- 22. [Короткая рецензия] / Валентина Локун // Нёман. 1977. № 10. С. 185—186. Рецензия на книгу: Золотые росы : повесть : [для младшего школьного возраста] / Галина Васюкова ; [художник В. М. Боровко]. Минск : Мастацкая літаратура, 1977. 221, [2] с. : ил.
- 23. Человек, земля, космос. О книге П. Проскурина «Имя твоё» / В. Локун // Полесская правда. Пинск, 1977. 3 сентября.

- 24. Поиск продолжается... / В. Локун // Нёман. 1978. № 2. С. 180—183. Рецензия на книги: Апраўданне крыві: раман / І. Чыгрынаў. Мінск: Мастацкая літаратура, 1977; Оправдание крови: роман / И. Чигринов; перевод с белорусского И. Сергеевой // Дружба народов. 1977. № 8, 9.
- 25. Вяртанне ў Трасцёну / Валянціна Локун // Літаратура і мастацтва. 1978. 13 студзеня (№ 2). С. 7. Рэцэнзія на кнігу: Поездка в Тростену: рассказы и повести / Георгий Попов; [художник Е. И. Жилин]. Минск: Мастацкая літаратура, 1977. 284, [2] с.: ил.
- 26. Паводле строгіх законаў / Валянціна Локун // Полымя. 1978. № 4. С. 252—255. Рэцэнзія на кнігу: Зоркі над палігонам : аповесць, апавяданні / А. Жук. Мінск : Мастацкая літаратура, 1977.
- 27. Цяжкая праўда вайны / Валянціна Локун // Літаратура і мастацтва. 1978. 5 мая (№ 18). С. 7. Рэцэнзія на кнігу: Суд у Слабадзе : аповесць / Віктар Казько // Полымя. 1978. № 1, 2.

1979

- 28. Правда жизни. О книге И. Шамякина «Возьму твою боль» / В. Локун // Полесская правда. Пинск, 1979. 11 апреля.
- 29. З адкрытым сэрцам / Валянціна Локун // Літаратура і мастацтва. 1979. 20 ліпеня (№ 29). С. 5. Рэцэнзія на кнігу: Выбраныя творы : у 2 т. / Васіль Хомчанка. Мінск : Мастацкая літаратура, 1979.

1980

30. [Рецензия] / Валентина Локун // Нёман. — 1980. — № 4. — С. 190—191. — Рецензия на книгу: Надежды и свершения : повести и рассказы / Микола Водоносов ; [авторизованный перевод с белорусского Л. Соловья]. — Минск : Мастацкая літаратура, 1979. — 396, [2] с.

31. Жыццё багатае і шматграннае / Валянціна Локун // Польмя. — 1980. — № 4. — С. 248—150. — Рэцэнзія на кнігу: Ноч на вахце : аповесці, апавяданні, замалёўкі / Алесь Пальчэўскі ; [мастак М. А. Вецік]. — Мінск : Мастацкая літаратура, 1979. — 286 с. : іл.

1982

32. Духоўны воблік коласаўскага героя / В. І. Локун // 3 глыбінь народных : [зборнік : да 100-гадовага юбілею Якуба Коласа / рэд-калегія: А. А. Лойка (галоўны рэдактар) і інш.]. — Мінск, 1982. — С. 85—91. — Бібліяграфія ў падрадковых заўвагах.

1983

- 33. Аналітычны стыль Васіля Быкава / Валянціна Локун // Полымя. 1983. N 4. С. 188—205.
- 34. Сучасны беларускі раман: да праблемы развіцця жанру / Валянціна Локун // Полымя. 1983. № 12. С. 176–192.

1984

- 35. Стилевое своеобразие современной белорусской военной прозы : на материале творчества В. Быкова, Б. Саченко, И. Чигринова, 60–70-е годы : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.01.02 / Минский государственный педагогический институт им. А. М. Горького. Минск, 1984. 17 с.
- 36. На шляху да сінтэтычнасці / Валянціна Локун // Полымя. 1984. № 3. С. 197—207.

1985

37. Правда, какая она есть. О повести В. Быкова «Знак беды» / Валентина Локун // Полесская правда. – Пинск, 1985. – 7 марта. – С. 3, 4.

1986

38. Час і героі / Валянціна Локун // Полымя. — 1986. — № 2. — С. 180—195.

- 39. Структура канфлікту і праблемы маральнага пошуку ў беларускай аповесці 70-х пачатку 80-х гадоў / В. І. Локун // Беларуская літаратура : рэспубліканскі міжведамасны зборнік / Міністэрства вышэйшай і сярэдняй спецыяльнай адукацыі БССР; Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт. Мінск, 1988. Вып. 16. С. 25—37.
- 40. Пути и судьбы / В. Локун // Полесская правда. Пинск, 1988. 9 февраля.
- 41. Пути и судьбы / В. Локун // Нёман. 1988. № 6. С. 171–172. Рецензия на книгу: Гаспадар-камень : раман / Генрых Далідовіч ; [мастак У. А. Лукашык]. Мінск : Мастацкая літаратура, 1987. 445, [1] с., [8] л. іл.
- 42. И снова о войне / В. Локун // Полесская правда. Пинск, 1988. 4 ноября.

1989

- 43. Працяг лёсу / Валянціна Локун // Полымя. 1989. № 1. С. 214—217. Рэцэнзія на кнігу: Зеніт : раман : [для старэйшага школьнага ўзросту] / Іван Шамякін ; [мастак Б. Б. Цітовіч]. Мінск : Юнацтва, 1987. 509, [2] с., [9] л. каляр. іл.
- 44. Зразумець сучасны дзень / Валянціна Локун // Полымя. 1989. № 4. С. 191—194. Рэцэнзія на кнігу: Крыніца, чыстая вадзіца : апавяданні / Міхась Барэйша. Мінск : Мастацкая літаратура, 1988. 188, [2] с.

1991

45. Да новых вышынь : літаратурна-крытычныя артыкулы / Валянціна Локун. — Мінск : Мастацкая літаратура, 1991. — 222, [2] с. — Бібліяграфія ў падрадковых заўвагах.

1992

46. Быў. Ёсць. Буду... / Валянціна Локун // Полымя. – 1992. – № 3. – С. 234–238. – Рэцэнзія на кнігу: Жыццё і ўзнясенне Уладзіміра Караткевіча : партрэт пісьменніка і чалавека : [літарату-

разнаўчае эсэ] / Адам Мальдзіс ; [пасляслоўе А. Карлюкевіча]. – Мінск : Літаратура і Мастацтва, 2010. – 206, [1] с.

1993

- 47. У пошуках маральнага ідэалу : проза Уладзіміра Караткевіча / Валянціна Локун // Полымя. 1993. № 6. С. 236—252.
- 48. Вяртанне да Бацькаўшчыны / Валянціна Локун // Польмя. 1993. № 7. С. 249—253. Рэцэнзія на кнігу: Рандэву на манеўрах : аповесць, апавяданні / У. А. Арлоў. Мінск : Мастацкая літаратура, 1992. 271 с.

1994

- 49. Лабірынты страху ці лабірынты веры? / Валянціна Локун // Полымя. 1994. № 1. С. 228—232. Рэцэнзія на кнігу: Лабірынты страху : раман / Алесь Асіпенка ; [мастак М. С. Будавей]. Мінск : Мастацкая літаратура, 1992. 446, [1] с., [3] л. каляр. іл.
- 50. Вялікі свет маленькіх Куранёў. Да праблемы зямлі, чалавека і ўлады ў «Палескай хроніцы» І. Мележа / Валянціна Локун // Полымя. – 1994. – № 3. – С. 193–237.
- 51. З клопатам пра Бацькаўшчыну / Валянціна Локун // Польмя. 1994. $N_{\rm P}$ 8. С. 244—248. Рэцэнзія на кнігу: Трэцяе вока : аповесці, апавяданні, эсэ / Б. І. Сачанка. Мінск : Мастацкая літаратура, 1992. 479 с.

- 52. Маральна-філасофскія пошукі беларускай ваеннай і гістарычнай прозы, 1950–1960-я гады / В. І. Локун ; рэдактар В. А. Каваленка ; АН Беларусі, Ін-т літаратуры імя Янкі Купалы. Мінск : Навука і тэхніка, 1995. 107, [3] с. : іл. Бібліяграфія ў падрадковых заўвагах.
- 53. «Жыццё... як і рака ў разліў...» / Валянціна Локун // Полымя. 1995. № 1. С. 245—249. Рэцэнзія на кнігу: Пакуль не завялі кветкі : прыпавесці, апавяданні, мініяцюры / Алесь Масарэнка ; [мастак М. С. Будавей]. Мінск : Мастацкая літаратура, 1994. 301, [2] с. : іл.

54. Кругі жыцця / Валянціна Локун // Полымя. — 1995. — № 10. — С. 251—256. — Рэцэнзія на кнігу: Аброчны крыж : аповесці, апавяданні / Віктар Карамазаў. — Мінск : Мастацкая літаратура, 1994. — 382 с.

1996

- 55. Легенды і праўда жыцця / Валянціна Локун // Полымя. 1996. № 1. С. 341—371. Да 75-годдзя І. Шамякіна.
- 56. Настальгія па мінулым, альбо Прага духоўнасці / Валянціна Локун // Літаратура і мастацтва. 1996. 22 сакавіка (№ 12). С. 6—7. Рэцэнзія на кнігу: Сатанінскі тур : аповесці / Іван Шамякін. Мінск : Мастацкая літаратура, 1995. 317, [2] с. : іл.
- 57. Творчы вопыт Алеся Асіпенкі / Валянціна Локун // Полымя. 1996. \mathbb{N}_2 7. С. 270—293.
- 58. Крыж праз усё жыццё / Валянціна Локун // Літаратура і мастацтва. 1996. 13 снежня (№ 50). С. 6—7. Рэцэнзія на кнігу: Ад кахання не паміраюць : аповесць, апавяданні / Валянціна Кадзетава. Мінск : Полымя, 1996. 95 с. (Бібліятэка часопіса «Маладосць» ; 4).

1997

- 59. Літаратура, час, героі. Беларуская проза 96 / Валянціна Локун // Полымя. 1997. № 10. С. 268—291.
- 60. «Верной свежестью мир окрашен...» / Валентина Локун // Пінскі веснік. 1997. 7 студзеня. С. 4.

- 61. «Малая проза» 97. Да праблем развіцця жанру / Валянціна Локун // Полымя. 1998. № 12. С. 223—239.
- 62. Літаратура і свабода выбару. Экзістэнцыяльныя кірункі твораў В. Быкава / Валянціна Локун // Полымя. 1998. № 5. С. 238—254.
- $63. \ {
 m «C}$ верой в счастье ищем света» / Валентина Локун // Пінскі веснік. 1998. 6 сакавіка.

- 64. Прадмова / Валянціна Локун // Піншчына літаратурная : вершы. Проза : [зборнік] / рэдкалегія: М. І. Ляшук (галоўны рэдактар) [і інш.] ; прадмова В. Локун ; іл. Т. А. Веправа. Пінск, 1999. С. 4, 82.
- 65. Ад рукапісу да кнігі / В. Локун // Полесская правда. Пинск, 1999. 4 сентября.

2000

- 66. У пошуку маральнага ідэалу : проза Уладзіміра Караткевіча / Валянціна Локун // Уладзімір Караткевіч і яго творчасць у еўрапейскім культурным кантэксце : навуковы зборнік / [Аддзел культуры Аршанскага гарвыканкама і інш. ; укладальнік Т. Шкурко ; рэдкалегія: А. Мальдзіс (галоўны рэдактар) і інш.]. Мінск, 2000. С. 133—152. (Беларусіка = Albaruthenica ; кн. 16). На авантытуле таксама: Грамадскае аб'яднанне «Міжнародная асацыяцыя беларусістаў», Нацыянальны навукова-асветны цэнтр імя Францыска Скарыны пры Міністэрстве адукацыі Рэспублікі Беларусь, Польскі інстытут у Мінску.
- 67. Слово об авторе / Валентина Локун // С любовью : стихи / Наталья Приступа ; [предисловие В. Локун ; художник Э. Г. Величко]. Пинск , 2000. С. 5–6.
- 68. Выпрабаванне вернасцю : да літаратурнага партрэта Валянціны Коўтун / Валянціна Локун // Полымя. 2000. № 8. С. 212—237.

- 69. Іван Шамякін / Локун В. І. // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Аддзяленне гуманітарных навук і мастацтваў, Інстытут літаратуры імя Янкі Купалы ; [рэдкалегія: У. В. Гніламёдаў і інш. ; навуковыя рэдактары: У. В. Гніламёдаў, В. П. Жураўлёў]. Мінск, 2001. Т. 3 : 1941—1965. С. 597—639. Бібліяграфія ў падрадковых заўвагах і ў тэксце.
- 70. Узняцца да лёсу агульначалавечага / Валянціна Локун // Польмя. 2001. № 5. С. 246—262.

71. Уроки войны / Валентина Локун // Пінскі веснік. — 2001. — 29 чэрвеня. — С. 4. — Критика и библиография.

- 72. Кругі жыцця кругі літаратуры / Валянціна Локун. Мінск : БелАКК, 2002. 271 с. Бібліяграфія ў падрадковых заўвагах.
- 73. Уладзімір Дамашэвіч / Локун В. І. // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Аддзяленне гуманітарных навук і мастацтваў, Інстытут літаратуры імя Янкі Купалы ; [рэдкалегія: У. В. Гніламёдаў і інш. ; навуковыя рэдактары: У. В. Гніламёдаў, С. С. Лаўшук]. Мінск, 2012. Т. 4, кн. 1 : 1966—1985. С. 343—360. Бібліяграфія ў падрадковых заўвагах і ў тэксце.
- 74. Алесь Асіпенка / Локун В. І. // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Аддзяленне гуманітарных навук і мастацтваў, Інстытут літаратуры імя Янкі Купалы ; [рэдкалегія: У. В. Гніламёдаў і інш. ; навуковыя рэдактары: У. В. Гніламёдаў, С. С. Лаўшук]. Мінск, 2012. Т. 4, кн. 1 : 1966—1985. С. 597—639. Бібліяграфія ў падрадковых заўвагах і ў тэксце.
- 75. «Вайна і мір» Л. Талстога і развіццё беларускай і ўкраінскай ваеннай прозы першай паловы XX стагоддзя: канцэпцыя гісторыі і чалавека / В. І. Локун // Нарысы беларуска-ўкраінскіх літаратурных сувязей: культурна-гістарычны і літаратуразнаўчы аспекты праблемы / [М. А. Тычына, Ж. С. Шаладонава, В. І. Локун і інш.; навуковыя рэдактары: М. А. Тычына, У. І. Мархель]; Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Аддзяленне гуманітарных навук і мастацтваў, Ін-т літ. імя Янкі Купалы. Мінск, 2002. С. 138—219. Бібліяграфія ў падрадковых заўвагах.
- 76. У атмасферы барацьбы. Артыкул першы / Валянціна Локун // Полымя. -2002. -№ 1. C. 251–269.
- 77. У атмасферы барацьбы. Артыкул другі / Валянціна Локун // Полымя. 2002. № 2. С. 248—273.
- 78. На духоўным пераломе. Агляд прозы апошніх гадоў / Валянціна Локун // Полымя. 2002. № 9/10. С. 246—268.

- 79. «Війна і мир» Л. Толстого і розвиток білоруської та української военної прози першої половини XX століття: концепція історії і людини / В. І. Локун // Нариси білорусько-украінських літературних зв'язків = Нарысы беларуска-ўкраінскіх літаратурных сувязей: культурно-історичні та літературознавчі аспекти проблеми / переклад з білоруської та російскої, передмова Григорія Півторака. Київ, 2003. С. 170—256. Бібліяграфія ў падрадковых заўвагах. На ўкраінскай мове.
- 80. У палоне высокага духу / Валянціна Локун // Літаратура і мастацтва. 2003. 16 мая (№ 20). С. 6. Рэцэнзія на кнігу: Пакліканыя : раман. Кн. 1 / Валянціна Коўтун // Полымя. 2002. № 2.
- 81. У абсягах «літаратуры факта». Артыкул трэці / Валянціна Локун // Полымя. 2003. № 5. С. 184–200.
- 82. Иван Шамякин: в поиске нравственного идеала (конец XX начало XXI веков) / Валентина Локун // Нёман. 2003. № 10. С. 183—191.
- 83. Доктор Якутович / Валентина Локун ; фото Владимира Мелешенко // Пінскі веснік. 2003. 24 кастрычніка С. 3.

- 84. На грани отчаяния и надежды / Валентина Локун // Два крыла : стихи. Рассказы / Валерий Козакевич, Наталья Приступа ; [авторы предисловий: А. Шушко, В. Локун]. Пинск, 2004. С. 121–124.
- 85. Проза 2003: духовные поиски и художественные решения : по страницам литературных изданий / Валентина Локун // Нёман. $2004. N_{\odot} 4. C. 164-180.$
- 86. Вайна не толькі поле бою : да 80-годдзя з дня нараджэння Васіля Быкава / Валянціна Локун ; фота Уладзіміра Крука // Беларуская думка. -2004. -№ 6. С. 86-93. Бібліяграфія: 31 назв.
- 87. Празаік эпічнага таленту / Валянціна Локун ; фота Уладзіміра Крука // Беларуская думка. 2004. № 12. С. 54—61. Бібліяграфія: 9 назв.

- 88. На грани отчаяния и надежды : поэзия гостья небесная / Валентина Локун // Пінскі веснік. 2004. 20 ліпеня. С. 2.
- 89. Зіновій Вагер : талент яркі і самабытны / Валянціна Локун // Пінскі веснік. 2004. 29 чэрвеня. С. 2.
- 90. А вот мнение о сборнике кандидата филологических наук, пинчанки Валентины Локун // Карлин. Пинск, 2004. 14 июля. С. 6.

- 91. Васіль Быкаў у кантэксце сусветнай літаратуры : [манаграфія] / В. І. Локун. Мінск : Тэхнапрынт, 2005. 227 с. Бібліяграфія ў канцы артыкулаў.
- 92. Еще раз о лейтенантах... Краткие заметки о военной прозе Н. Еленевского / Валентина Локун // Полесская правда. Пинск, 2005. 26 марта ; 30 марта.
- 93. «Эпопея это народ…» / Валентина Локун // Нёман. 2005. № 5. С. 186–196.
- 94. Вайна і мір Кузьмы Чорнага / Валянціна Локун // Беларуская думка. 2005. № 4. С. 163—168.
- 95. Праз церні да дасканаласці. Беларускі раман на пачатку XXI стагоддзя / Валянціна Локун // Беларуская думка. 2004. \mathbb{N}_2 5. С. 165—171. Бібліяграфія: 4 назв.
- 96. «Векапомныя дні» пра вогненныя гады / Валянціна Локун // Беларуская думка. 2005. № 7. С. 152—156. Бібліяграфія: 13 назв. (Новае прачытанне).
- 97. Еще раз о лейтенантах... Краткие заметки о военной прозе Николая Еленевского / Валентина Локун // Нёман. 2005. № 9. С. 175—177.

2006

98. Вобразна-жанравыя асаблівасці беларускага рамана 40-х — пачатку 50-х гадоў у кантэксце славянскіх літаратур: эпічна-псіхалагічныя раманныя формы / В. І. Локун // Беларуская літаратура ў кантэксце славянскіх літаратур XIX–XX стст. : [зборнік] / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Інстытут літаратуры імя Янкі

- Купалы ; навуковы рэдактар У. І. Мархель. Мінск, 2006. С. 257—335. Бібліяграфія ў падрадковых заўвагах.
- 99. Современная проза писателей г. Пинска / В. И. Локун // Социально-экономическое и историко-культурное развитие Полесского региона в XXI веке: материалы международной научно-практической конференции, посвящённой Дням науки Пинщины, Пинск, 5–6 мая 2006 г. / Пинский городской исполнительный комитет, Отдел по делам молодёжи, Филиал УО «Белорусский государственный экономический университет» в г. Пинске, Пинский государственный высший банковский колледж Национального банка Республики Беларусь; редколлегия: С. Г. Голубев [и др.]. Пинск, 2006. С. 206–208.
- 100. Можно ли найти камень в пустыне? О романе Ю. Солоневича «Зона тени» («Нёман», №№ 9, 10, 2005) / Валентина Локун // Нёман. 2006. № 4. С. 188—192.

- 101. К читателю! / Валентина Локун // Благословенные небом : проза. Поэзия / Мария Ляшук ; [вступительное слово В. Локун]. Пинск, 2007. С. 4–7.
- 102. Человек на войне. Творчество Василя Быкова в контексте мировой литературы / Валентина Локун ; перевод с белорусского Валентина Борисевича // Нёман. 2007. № 5. С. 168–180.
- 103. Пинщина литературная / Валентина Локун // Нёман. 2007. № 8. С. 139—154.

- 104. В гармонии с миром / Валентина Локун // Свет души : поэзия и проза / Николай Лаврович ; [предисловие В. Локун]. Минск, 2008. С. 5–8.
- 105. Откровения Павла Николайчика / Валентина Локун // Откровения : сборник стихов / Павел Николайчик. Брест, 2008. С. 6–12.
- 106. «Струменя» серебряные струны / Валентина Локун // «Струменя» серебряные струны : стихи и проза : [сборник пин-

- ских поэтов и прозаиков / составитель М. И. Ляшук ; предисловие: В. Локун, М. Ляшук]. Брест, 2008. С. 3.
- 107. Пакліканыя і абраныя. (Узыходжанне пісьменніцы) / Валянціна Локун // Полымя. 2008. № 2. С. 185–191. Рэцэнзія на кнігу: Пакліканыя : раман-жыціе [аб першаасветніцы Еўфрасінні Полацкай] / Валянціна Коўтун. Мінск : Мастацкая літаратура, 2007. 245, [2] с. : іл.
- 108. Ну, какие наши годы! / Валентина Локун ; фото Е. Таламая // Карлин. Пинск, 2008. 25 апреля (№ 11/12). С. 8.
- 109. «Ушла часть моей жизни» / Валентина Локун // Карлин. Пинск, 2008. 20 марта. С. 5.
- 110. О моем друге и покровителе : воспоминания о В. А. Коваленко / Валентина Локун // Нёман. -2008. -№ 6. -ℂ. 64–73.

- 111. Проза Уладзіміра Гніламёдава / Валянціна Локун // Польмя. 2009. $N_{\rm D}$ 2. С. 165—173.
- 112. Белорусская проза XXI века и постмодернизм / Валентина Локун // Нёман. -2009. № 3. C. 138–149.
- 113. Уладзімір Дамашэвіч: амплітуда таленту / Валянціна Локун // Полымя. 2009. № 8. С. 164—172.

2010

114. Малітва, звернутая да людзей / Валянціна Локун // Маладосць. – 2010. – № 4. – С. 128–131. – Рэцэнзія на кнігу: Малітва да Калымы : лісты з «Эльгена» : [вершы] / Леся Беларуска. – Мінск : Лімарыус, 2009. – 69, [1] с. – Перад выпускнымі данымі аўтар: Беларуска Леся (Коўтун Валянціна Міхайлаўна).

2011

115. Васіль Быкаў : вядомы і невядомы : літаратуразнаўчае эсэ, успаміны / [укладальнік М. Мінзер]. – Мінск : Літаратура і Мастацтва, 2011. – 173, [2] с., [4] л. іл. – Частка тэксту на рускай мове. – Бібліяграфія ў спасылках: с. 79–83. – Са зместу: Васіль Быкаў у кантэксце сусветнай літаратуры / В. Локун. С. 5–83.

- 116. Час кнігі гісторыя / Валянціна Локун // Літаратура і мастацтва. 2011. 8 красавіка (№ 14). С. 7. Рэцэнзія на кнігі: Книги и периодические издания до 1941 года: из фонда Брестской областной библиотеки им. М. Горького : библиографический указатель / УК «Областная библиотека им. М. Горького» ; [составители: В. А. Горбачевская, Е. И. Жук]. Брест : Полиграфика, 2010. 115 с. Указатели именной, заглавий книг: с. 95—114 ; Книги войны : библиографические указатели / УК «Областная библиотека им. М. Горького» ; [составители: В. А. Горбачевская и др.]. Брест : Полиграфика, 2010. 114 с. Часть текста на английском языках. Часть текста параллельно на русском и английском языках. Указатели: с. 29—34, 105—112.
- 117. Таленавітая і валявая / Валянціна Локун // Літаратура і мастацтва. 2011. 6 мая (№ 18). С. 13.
- 118. Памяти В. М. Ковтун / Валентина Локун // Пінскі веснік. 2011. 6 мая (№ 36). С. 5.
- 119. Пакліканая / Валянціна Локун // Літаратура і мастацтва. 2012. 19 кастрычніка (№ 42). С. 21.
- 120. Берасцейскае шматгалоссе / Валянціна Локун // Маладосць. 2011. $N_{\rm 2}$ 8. С. 105—110.
- 121. Лестница, ведущая в духовную пропасть / Валентина Локун // Нёман. 2011. № 11. С. 195–202. Библиография в подстрочных примечаниях. Рецензия на книгу: Марыянеткі і лялькаводы : раман / Міхась Южык. Мінск : Мастацкая літаратура, 2008. 262, [1] с. (Дэбют). Перад выхаднымі данымі аўтар: Южык Міхась (Сотнікаў Міхаіл Юр'евіч).

- 122. Проза Уладзіміра Гніламёдава: адраджэнне нацыянальнага эпасу / Валянціна Локун // Уладзімір Гніламёдаў: «Заставацца сабой…» / [укладальнік М. Мікуліч]. Мінск, 2012. С. 150–172. (Асоба і час). Бібліяграфія: 14 назв.
- 123. Исследование, которого ждали давно / Валентина Локун // Нёман. 2012. № 4. С. 204–210. С точки зрения рецензента. Рецензия на книгу: Паэзія Заходняй Беларусі: (1921–1939) / М. У. Мікуліч ; [навуковы рэдактар У. В. Гніламёдаў] ; Нацыяналь-

ная акадэмія навук Беларусі, Інстытут мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы. — Мінск : Беларуская навука, 2010. — 460, [2] с. — Бібліяграфія: с. 443—461 (321 назв.), бібліяграфія ў падрадковых заўвагах. — Імянны паказальнік: с. 437—442.

- 124. Супраць духоўнай пустаты / Валянціна Локун // Полымя. 2012. № 5. С. 164—168.
- 125. Феномен Уладзіміра Гніламёдава / Валянціна Локун // Звязда. 2012. 25 жніўня.
- 126. Настальгія па страчанаму раю / Валянціна Локун // Маладосць. 2012. № 12. С. 72—76. Рэцэнзія на: Дзікі луг : аповесць / Андрэй Федарэнка // Маладосць. 2012. № 6.
- 127. Пакліканая / Валянціна Локун ; фота У. Крука // Літаратура і мастацтва. 2012. 19 кастрычніка (№ 42). С. 21.

- 128. На літаратурнай карце Еўропы / В. І. Локун // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 2013. № 1. С. 110—113. Рэцэнзія на кнігу: Літаратурная карта Еўропы: кантакты, тыпалогія, інтэртэкстуальнасць / [А. В. Вальчук і інш. ; навуковы рэдактар М. У. Мікуліч] ; Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Інстытут мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы. Мінск : Беларуская навука, 2012. 575, [2] с.
- 129. Сучасная беларуская кампаратывістыка: глыбіня і маштабнасць пошуку (па старонках манаграфіі «Літаратурная карта Еўропы: кантакты, тыпалогія, інтэртэкстуальнасць» / Валянціна Локун // Полымя. 2013. № 1. С. 154—163. Рэцэнзія на кнігу: Літаратурная карта Еўропы: кантакты, тыпалогія, інтэртэкстуальнасць / [А. В. Вальчук і інш. ; навуковы рэдактар М. У. Мікуліч] ; Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Інстытут мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы. Мінск : Беларуская навука, 2012. 575, [2] с.
- 130. Новае ў беларускай кампаратывістыцы / Валянціна Ло-кун // Віаłorutenistyka Białostocka. Віаłystok, 2012. Т. 4. С. 414–418. Рэцэнзія на кнігу: Літаратурная карта Еўропы: кантакты, тыпалогія, інтэртэкстуальнасць / [А. В. Вальчук і інш. ; навуковы рэдактар М. У. Мікуліч] ; Нацыянальная акадэмія навук Беларусі,

- Інстытут мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы. Мінск : Беларуская навука, 2012. 575, [2] с.
- 131. По страницам белорусско-русского литературного диалога / В. И. Локун // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 2013. № 2. С. 117—122. Рецензия на книгу: Беларуская і руская літаратуры: тыпалогія ўзаемасувязей і нацыянальнай ідэнтыфікацыі : матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі (Мінск, 18—19 красавіка 2012 года) / [рэдкалегія: М. У. Мікуліч (адказны рэдактар) і інш.]. Мінск : Права і эканоміка, 2012. 418, [1] с. : іл.
- 132. Атлантыда Анатоля Крэйдзіча / Валянціна Локун // Маладосць. 2013. № 2. С. 100—102. Рэцэнзія на кнігу: Роднае, шчымлівае : кніга прозы / Анатоль Крэйдзіч. Мінск : Літаратура і Мастацтва, 2012. 205, [2] с., [4] л. каляр. іл. (Лімаўскі фальварак).
- 133. Мікрасвет, у якім увасоблены макрасвет. Штрыхі да творчага партрэта Алеся Карлюкевіча / Валянціна Локун // Роднае слова. -2013. -№ 6. -С. 85-90. Бібліяграфія: 5 назв.
- 134. Белорусско-русские литературные взаимосвязи / Валентина Локун // Нёман. 2013. № 2. С. 205—213. (С точки зрения рецензента). Рецензия на книгу: Беларуская і руская літаратуры: тыпалогія ўзаемасувязей і нацыянальнай ідэнтыфікацыі : матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі (Мінск, 18—19 красавіка 2012 года) / [рэдкалегія: М. У. Мікуліч (адказны рэдактар) і інш.]. Мінск : Права і эканоміка, 2012. 418, [1] с. : іл., табл. У надзагалоўку: Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Інстытут мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы НАН Беларусі. Частка тэксту на рускай, украінскай мовах. Бібліяграфія ў канцы асобных артыкулаў.
- 135. О Максиме Танке, известном и неизвестном, или Когда забываешь, что ты критик / Валентина Локун // Нёман. 2013. № 4. С. 189—195. (С точки зрения рецензента). Рецензия на книгу: Максім Танк. Талент, заручаны з небам / Мікола Мікуліч. Мінск : Літаратура і Мастацтва, 2012. 332, [2] с., [24] л. іл. Бібліяграфія: с. 320—333.
- 136. Цэнтрам быційнай прасторы / Валянціна Локун // Маладосць. 2013. № 10. С. 56—60.

- 137. Олег Ждан: траектория жизни траектория таланта / Валентина Локун // Нёман. 2013. № 11. С. 180—192. Библиография: 14 назв.
- 138. Птахі з падрэзанымі крыламі. Фрэдэрык Стэндаль і Змітрок Бядуля: да праблемы свабоды і чалавека / Валянціна Локун // Полымя. 2013. № 11. С. 146—154 ; № 12. С. 120—127.

- 139. Валянціна Коўтун / Локун В. І. // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Аддзяленне гуманітарных навук і мастацтваў, Інстытут літаратуры імя Янкі Купалы ; [рэдкалегія: У. В. Гніламёдаў і інш. ; пад рэдакцыяй І. Я. Навуменкі, В. А. Каваленкі]. Мінск, 2014. Т. 4, кн. 3 / [І. Л. Шаўлякова-Барзенка і інш. ; навуковыя рэдактары: У. В. Гніламёдаў, С. С. Лаўшук]. С. 704—736. Бібліяграфія ў падрадковых заўвагах і ў тэксце.
- 140. Вайна як трагедыя народнага лёсу ў творчасці Уладзіміра Гніламёдава / Валянціна Локун // Першая сусветная вайна ў народнай памяці і мастацкім адлюстраванні : матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі (Мінск, 7–8 кастрычніка 2014 г.) / [укладальнік С. Л. Гаранін ; навуковы рэдактар А. І. Лакотка]. Мінск, 2014. С. 190—197. У надзагалоўку: Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі.
- 141. Мастацкі «код» Алены Брава / Валянціна Локун // Полымя. 2014. № 3. С. 121–126. Бібліяграфія: 6 назв.
- 142. Я тут жыву і ганаруся роднай старонкай... / Валянціна Локун // Роднае слова. 2014. № 5. С. 65—68. Бібліяграфія: 2 назв. Рэцэнзія на кнігу: Сцяжынкамі радзімазнаўства : мерапрыемствы краязнаўчага накірунку паводле твораў Уладзіміра Ліпскага і Алеся Карлюкевіча : метадычны дапаможнік для настаўнікаў / Ірына Буторына. Мінск : Белпринт, 2013. 280 с. : іл., каляр. іл., партр. Бібліяграфія: с. 261.
- 143. Вайна і мір Уладзіміра Гніламёдава / Валянціна Локун // Полымя. 2014. $N_{\rm D}$ 9. С. 142—148. Бібліяграфія: 12 назв.

- 144. Судьбоносная встреча / Валентина Локун // Пінскі веснік. 2014. 7 кастрычніка. С. 3.
- 145. Олег Ждан: траектория жизни траектория таланта / Валентина Локун // Наш современник. 2014. № 7. С. 217–228.
- 146. Алесь Карлюкевіч казачнік / Валянціна Локун // Роднае слова. 2014. № 12. С. 18—20. Бібліяграфія: 5 назв.

- 147. Зачараваныя дзяцінствам / Валянціна Локун // Полымя. 2015. № 1. С. 159—167. Бібліяграфія: 11 назв.
- 148. У кожнага свой шлях да літаратуры / Валянціна Локун // Полымя. 2015. № 5. С. 174–176.
- 149. Последние романтики XIX столетия / Валентина Локун // Нёман. -2015. -№ 8. -С. 206–214. -С точки зрения рецензента.
- 150. Вайна як трагедыя народнага лёсу ў творчасці Уладзіміра Гніламёдава / Валянціна Локун // Роднае слова. 2015. № 3. С. 25—28. Бібліяграфія: 6 назв.
- 151. Вайна як трагедыя народнага лёсу / Валянціна Локун // Полымя. 2015. № 8. С. 132—136. Бібліяграфія: 6 назв.
- 152. «Непрыдуманыя гісторыі» Марыі Ляшук / Валянціна Ло-кун // Народная трыбуна. 2015. 2 кастрычніка (№ 40). С. 11.

- 153. Дарогі варта выбудоўваць у розных кірунках / Валянціна Локун // Полымя. 2016. № 1. С. 181—185. Рэцэнзія на кнігу: Братэрства / Алесь Карлюкевіч. Мінск : Звязда, 2014. 254, [1] с.
- 154. Пакліканая / Валянціна Локун // Полымя. 2016. № 2. С. 147—160. Бібліяграфія: 18 назв.
- 155. Дамашэвіч, У. М. Выбраныя творы / Уладзімір Дамашэвіч ; [укладанне Г. Далідовіча ; навуковы рэдактар М. Тычына ; прадмова В. Локун]. Мінск : Беларуская навука, 2018. 617, [2] с., [4] л. іл. (Беларускі кнігазбор : БК / Інстытут літаратуры імя Янкі Купалы Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі ; аўтар праекта і галоўны рэдактар К. Цвірка. Серыя 1, Мастацкая літаратура ; [т. 95]).

3мест

Ад складальніка
Ад рэдактара
Карлюкевіч А. Пяць папяровых лістоў:
Валянціна Локун — шчырая працаўніца
літаратурнай крытыкі
Хвагіна Т. А. Валянціна Локун.
Яе праца не была дарэмнай
Мельнікава З. П. Напісанае — застаецца
Сатинова В. Ф. Рассказ о настоящем Человеке 30
Пазнякоў М. П. Чалавек шчырай, таленавітай душы 38
Чайка Н. Т. И было лето 2005 года 41
Голод Е. С. Моя Валечка
Бажко (Вайшэвіч) Г. М. Мы родам з Палесся 52
Лаврович Н. А. Памяти Валентины Локун.
С нами всегда её светлое имя
Лознюха Т. П. След на земле (светлой памяти
Валентины Ивановны Локун). Свет яркой звезды 61
Шатырёнок И. С. Прощальные слова.
Памяти литературного критика Валентины Локун 63
Локун В. И. Воспоминания брата 73
Горбачевская В. А. Воодушевлённая литературой 84
Ляшук М. И. Воспоминания сквозь слёзы 102
Гук Ж. А. И сестра, и подруга
Лукашевич В. А. Воспоминания
о Валентине Ивановне
Горегляд Л. В. С благодарностью и любовью 113
Лазіцкая Г. І. Пачуццё страты
Гришковец В. Ф. Свет в окне на втором этаже 118
Крэйдзіч А. М. Ад яе сходзіла толькі светлыня 120
Шамякіна А. І. Жыццё як шчасце і выпрабаванне 122

ДАДАТАК	
Успаміны Валянціны Локун	
С ней можно идти в разведку:	
юбилейная статья о Татьяне Аркадьевне Хвагиной	126
Человек-эпоха:	
воспоминания о Семёне Фёдоровиче Шапиро	130
Пакліканая: памяці Валянціны Коўтун	133
О моём друге и покровителе:	
воспоминания о Викторе Антоновиче Коваленко	139
Бібліяграфічны спіс	
прац В. І. Локун (1973–2016 гг.)	156

Інфармацыйнае выданне

ПІНСК... ПЕРШАМАЙСКАЯ... ЛОКУН...

Кніга ўспамінаў

Складальнік **Гарбачэўская** Валянціна Адамаўна

Адказныя за выпуск А.Л. Хаміцкі, А.Я. Стрыжэвіч Карэктура: А.І. Жук, Л.М. Саханчук, Г.І. Бабрук Камп'ютарная вёрстка М.Р. Аксой Пры афармленні вокладкі выкарыстана фота А.В. Маёравай

> Падпісана да друку 25.11.2020. Фармат 60х84/16. Папера афсетная. Друк лічбавы. Ум. друк. арк. 11,67. Ул.-выд. арк. 9,36. Наклад 99 экз. Заказ 474.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: ТАА «Белпринт». Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы, распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/97 ад 02.12.2013. Пр. Незалежнасці, 77, 220013, г. Мінск.